ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ НАСИЛИЕ НАД ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Витебск 2021

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ НАСИЛИЕ НАД ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Материалы международной научно-практической конференции

Витебск, 29 октября 2021 г.

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2021

УДК [316.42+32.019.5+321.02](082)
ББК 60.032.5я43+60.031я43+66.053я43
И73

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 27.10.2021.

Редакционная коллегия:
А.А. Лазаревич (гл. ред.)**, Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский, С.В. Николаенко**

И73 **Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления :** материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 29 октября 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Лазаревич (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – 213 с.
ISBN 978-985-517-822-5.

В сборнике представлены доклады участников международной научно-практической конференции «Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления», состоявшейся 29 октября 2021 года в ВГУ имени П.М. Машерова. Дан философско-методологический, политологический, культурологический и историкографический анализ проблемы интерпретационного исторического прошлого, места и роли исторической памяти в сохранении культурного кода нации, обеспечении безопасности государства, обсуждены проблемы формирования политического сознания и исторической памяти молодежи.

Материалы могут быть использованы учеными-обществоведами, преподавателями социально-гуманитарных дисциплин средних и высших учебных заведений, студентами, магистрантами, работниками государственных управлений образования и всеми теми, кто интересуется актуальными проблемами духовной жизни в информационном обществе.

Оргкомитет за содержание представленных к публикации материалов ответственности не несет.

УДК [316.42+32.019.5+321.02](082)
ББК 60.032.5я43+60.031я43+66.053я43

ISBN 978-985-517-822-5

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2021

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Феномен исторической памяти, проблема интерпретации исторического прошлого в последнее время все чаще становятся объектом пристального теоретического и практического интереса. Некоторые аспекты данной актуальной темы затрагивались на проведенных ранее на базе философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова международных научно-практических конференциях и семинарах: «Человек в окружающем мире» (2004 г.), «Идеологические и педагогические аспекты формулирования патриотизма белорусского студенчества» (2007 г.), «Социокультурная среда: системная организация, антропологическое измерение, пограничная специфика» (2018 г.), «Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи» (2019 г.), «Феномен границы в глобализирующемся мире» (2020 г.).

Данная тема весьма актуальна в современных условиях, когда предпринимаются попытки переписать историю, использовать фальсификацию исторического прошлого для достижения политических целей. Очевидно, что сохранить историческую память – значит сохранить сою культуру, традиции, обычаи. Преемственность исторической памяти – залог самобытности этноса, его идентификации. Прошлое представляет как хаос, нагромождение случайностей, пока его не интерпретируют. Только в процессе интерпретации прошлое обретает определенную форму, его содержание наполняется образами, событиями, символами, принимает новое обличие. Порой толкование истории может привести к замене в интерпретационном комплексе прежнего концептуального ядра. В условиях информационной войны мы все чаще сталкиваемся с попытками коллективного запада переформатировать историю под себя. Ее переписывают не ради прошлого, а ради настоящего и будущего. Вопрос только в том, какое будущее имеется в виду. Конечно, споры о прошлом были и будут, но они не должны превращаться в мщение истории, а стать размышлением о тех духовных мостах, которые объединяют страны и народы.

Как свидетельствуют материалы, представленные на данную конференцию, проходящую в online-режиме, многоплановая проблема сохранения исторической памяти, ее роли в жизнедеятельности социума, подвергнута философско-методологическому, политологическому, культурологическому, историографическому и иным видом ее творческого осмысления.

При этом особое внимание обращено на мировоззренческие и идеологические аспекты интерпретации прошлого, проблеме сохранения исторической памяти в условиях информационной войны. В этом контексте исследуется роль исторической памяти в сохранении культурного кода нации, обеспечении безопасности государства; обсуждаются актуальные

проблемы формирования политического сознания и исторической памяти молодежи.

География территориального представительства проходящей научно-практической конференции достаточно широка. В ней принимают участие ученые из Российской Федерации, Республики Узбекистан, Республики Таджикистан и Республики Беларусь.

В заключение необходимо отметить, что международная научно-практическая конференция «Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления» проводится в соответствии с государственной программой научных исследований Республики Беларусь на 2021–2025 годы по разделу «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства».

Желаем участникам конференции результативных творческих дискуссий и плодотворного обмена мнениями в рамках проблемного поля.

Е.В. Давлятова, кандидат исторических наук, доцент
Э.И. Рудковский, кандидат философских наук, доцент

I. ФИЛОСОФСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОШЛОГО

Васильева И.Л.

РОЛЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ПОЛИВАРИАНТНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ

Ключевые слова: поливариантность, диалог, взаимодополнительность знания, методологический принцип, социогуманитарные дисциплины.

Важнейшей чертой современного социально-политического контекста является поливариантность, понимаемая прежде всего как осмысление важности альтернатив в дискурсах мышления и практическом воплощении, и также как учет взаимодополнительности знания, оформляющегося в различных научных дисциплинах по поводу одних и тех же объектов, но поразному осуществляемого средствами этих дисциплин. Научное осмысление подлинного потенциала и важности поливариантности в основе мышления наука рефлексивно представляла, оценивая успехи синергетики в самых разных тематических и дисциплинарных приложениях. В данном контексте вырабатывалась новая неклассическая стратегия проведения научных исследований и осуществления практической деятельности, указывающая на важность наличия альтернатив. В культурном контексте потенциал поливариантности как методологического принципа появился в результате философской рефлексии над культурой. Например, в алеаторике как течении в современной музыке, к случайности отнеслись как источнику бесконечных вариантов формы и при сочинении, и при исполнении музыки. В изобразительном искусстве такой подход реализовался в технике коллажа. Чем больше изначально вариантов имеется, тем больше материала для творческого развития, интерпретации и переработки. Таким образом, на сегодняшний день поливариантность становится доминирующей установкой современной культуры, а также методологическим принципом научного мышления.

Установка на поливариантность позволяет выстроить и обосновать модель качественной взаимодополнительности знаний, получаемых при освоении студентами различных социогуманитарных дисциплин. Так, рассмотрение норм и предписаний различных конфессий в курсе религиоведения накладывается и сопрягается с изучением моральных норм и требований в курсе этики, а специфика налаживания и удержания межконфессионального мультикультурного мира требует хорошо изученного и грамотно сформированного «образа Другого». Итальянский писатель и философ У. Эко заявлял, что «этический подход начинается, когда на сцену приходит Другой. Любой закон, как моральный, так и юридический, всегда регу-

лирует межличностные отношения, включая отношения с тем Другим, кто насаждает этот Закон» [2, с. 14]. Можно зафиксировать, что актуально это и в рамках межконфессионального диалога: «Диалог религий и общечеловеческая этика в религиоведческих аспектах – вот в чем в первую очередь нуждается человечество начала третьего тысячелетия» [1, с. 97].

Эффективным средством формирования компетенций при освоении этики становится религиоведческая проблематика, наполняя этические установки богатым историческим материалом. Природа культур понимается действительно глубоко через сопоставление и изучение взаимодействия лежащих в их основании религий и понимания общности духовных основ их формирования. В этом контексте интересно проследить некоторые моменты взаимодействия и взаимовлияния христианства и ислама в историческом и культурном контексте. Когда в I в. н.э. на территории Иудеи возникло христианство, использовавшее базу религиозного наследия иудаизма, но кардинально его реформировавшее. В VII в. н.э. на территории Аравии возник ислам, который, используя религиозное наследие иудаизма и христианства, декларировал себя как замену этим системам верований. С другой стороны, изучение авраамических религий демонстрирует интересный факт, что идея союза (завета) между Авраамом и Богом является развитием традиционного для Ближнего Востока в целом представления об исключительной связи между главой рода и племенным божеством. Авраамические религии также называются религиями откровения, то есть основаны на том, что Бог раскрывает себя людям, сообщая свою волю и предписывая людям определенное поведение. Мусульмане считают, что ислам относится к авраамическим религиям, происходя из общей древней традиции, восходящей к Аврааму. Мухаммед утверждал, что вера, которую он провозгласил, есть ни что иное как религия Авраама, впоследствии искажённая как иудеями, так и христианами. Ислам признаёт святость Иисуса Христа (по-арабски «Иса»), почитая его Мессией и одним из великих пророков, а также соглашается с некоторыми пунктами Писания Нового Завета. Более того, история становления и развития ислама свидетельствует о том, что в разных регионах своего становления он имел специфические локальные черты, в силу того что в этой конфессии изначально отсутствовало единообразие. Это подтверждается тем, что уже на начальном этапе происходит раскол, появление суннитского и шиитского направлений. Таким образом, достаточно отчетливо можно проследить механизм социокультурной детерминации религии и обратного воздействия на моральные установки локально вызревающих религиозных ценностей.

Список литературы:

1. Георгиева, Т.С. Историческая взаимосвязь мировых религий / Т.С. Георгиева // Философские науки. - 2002. - № 1. - С. 96 - 102.

2. Умберто, Э. Когда на сцену приходит Другой // Э. Умберто – Пять эссе на темы этики. – М.: Астрель : CORPUS, 2012 – с. 13 - 32.

Вашко О.А.

АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ

Ключевые слова: философская герменевтика, герменевтический метод, правила герменевтики, история, историческое событие.

Известно, что обязательным предметом школьного и университетского образования является история и история Беларуси, а на единых днях информирования и информационных часах в учебных учреждениях частой темой для обсуждения становятся важные исторические, социальные или политические события. Очевидно, что интерпретация исторических, социальных, политических событий и фактов может быть различна в зависимости от социокультурного или политического контекста и идеологической ангажированности. Само собой разумеется, что содержание истории и ее изложение может отличаться в разных странах мира, в разных школах и университетах в рамках одного государства, и, конечно, у разных преподавателей и учителей, потому что можно по-разному расставлять акценты в самом историческом процессе, придавать значимость разным событиям и фактам, по-разному интерпретировать одни и те же исторические события под влиянием социокультурных, политических и идеологических факторов, субъективных взглядов и ценностей, не говоря о том, что некоторые моменты истории могут нарочно умалчиваться либо искажаться летописцами, очевидцами, историками, исследователями, учителями и преподавателями в дискуссиях и литературе.

В решении вопроса интерпретации исторической и социальной реальности не только для историков, но и студентов актуальным становится философское направление герменевтики и ее методология, знание которой могло бы помочь по-иному воспринимать и интерпретировать историческую реальность, факты и события. В философии герменевтика как направление зародилась в XIX в., в центре внимания которого лежит категория «понимания» как условие осмысления социальной реальности. В своем узком значении как особый инструментарий - совокупность правил и техник истолкования текста, герменевтика уже активно используется в филологии, литературе, богословии. Однако философская герменевтика предполагает использование более глубокой методологии: перевод текста – перенос смысла в язык читателя, реконструкцию – воспроизведение истинного смысла и ситуации возникновения смысла, диалог – формирование нового смысла в соотношении с существующим.

Основы философской герменевтики заложил немецкий мыслитель Ф. Шлейермахер, предложив свою технику реконструкции исторического события. Для понимания исторической реальности читателю необходимо вжиться во внутренний мир автора через вчувствование и воспроизведение творческой мысли. При этом необходимым элементом герменевтического

метода согласно Ф. Шлейермахеру является углубление понимания текста через движение по герменевтическому кругу – от целого к его частям, от понимания частей к расширению знания о целом, то есть незавершаемое движение мысли происходит по расширяющимся кругам.

В. Дильтей переносит герменевтическую модель сугубо на историческую науку, так как в ее основе лежит сама жизнь. Философ настаивает на дополнении метода исторической реконструкцией ситуации возникновения самого текста. Герменевтический метод оперирует с внешним историческим материалом - фактами, так как сама история изложена в виде некого текста, который требует расшифровки. Согласно концепции В. Дильтея через постижение истории человек и человечество познает себя через «другого», узнавая себя самого через внешние знаки-каналы, которые позволяют перевести чужие переживания внутрь своей собственной жизни и самому перенестись в чужую жизнь. Способ проникновения в историческую реальность через вчувствования и вживания был назван герменевтическим методом понимания письменно зафиксированных проявлений жизни. Герменевтика допускает переживание исторических событий как собственных с возникновением такого количества картин истории, сколько людей ее переживает.

Далее итальянский герменевтик Э. Бетти обосновывает четыре герменевтических закона, которые стали ориентирами – канонами в процедуре интерпретации. Закон герменевтической автономии требует соблюдение автономии текста, а точнее при интерпретации важно учитывать и правильно восстанавливать исходную интенцию автора. Из первого закона вытекает правило смысловой адекватности. Закон герменевтической тотальности или закон контекста требует от интерпретатора знания культурного, политического, социального, психологического, идеологического контекстов, а также знания истории написания произведения, особенностей биографии и творчества автора. Из данного закона вытекает правило актуальности понимания, то есть осознание историком своей историчности и определенности традицией, а также стремление не самому перенестись в мир автора, а актуализировать текст применительно к своей ситуации [1, с. 58].

Г.-Г. Гадамер придает герменевтике универсальный характер, видит ее задачу не только в методе понимания, но в прояснении природы понимания и условий, в которых оно происходит. Мыслитель реабилитирует позитивное значение понятий «предрассудок», «авторитет» и «традиция». Например, «предрассудок» совсем не означает некое неверное суждение, а является элементом исторической действительности и условием процедуры понимания. Понятие «традиция» предполагает наличие определенных традиционных ценностей и установок в широком контексте миропонимания. Г.-Г. Гадамер проводит анализ герменевтической ситуации и вводит понятие «действенно-историческое сознание» (которое независимо от своего предмета, осознает ситуацию, занимает превосходящую позицию объективного знания) и понятие «горизонта». С одной стороны, значима

принципиальная незамкнутость горизонта, так как человеческое бытие подвижно, с другой стороны, отмечается существование лишь одного горизонта, объемлющего все содержание исторического сознания [2, с. 144]. Согласно философу, герменевтический процесс включает применение, понимание и истолкование, причем понимание предполагает применение изучаемого текста к временной ситуации, к которой принадлежит герменевт. Отсюда и вытекают плюрализм возможностей интерпретации и продуктивность герменевтического метода. Герменевтика как методология позволяет наладить диалог между историческим текстом и интерпретатором благодаря открытости исторического сознания.

Французский философ П.Рикер строит «эпистемологию нового понимания», выраженную в том, что понимание всегда опосредованно значениями знаков, символов и самого текста. Согласно мыслителю, понимание предполагает, с одной стороны, интенцию автора по отношению к интерпретированному тексту и, с другой стороны, активную субъективную позицию читателя, зависимую от текста [3, с. 573]. Таким образом, П.Рикер, предлагая отказаться от презумпции субъективности, подчеркивает значимость реконструкции внутренней динамики произведения и порождении предмета текста.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что феномен интерпретации исторических текстов, исторических фактов и социальной реальности лежит в центре внимания герменевтической философии, которая может предложить своеобразный герменевтический метод со своим набором правил для интерпретации исторических текстов и самой истории. Теоретические герменевтические подходы и разработки особенно актуальны сегодня и могли бы быть учтены как в преподавании самой истории, так ее прочтении и толковании, изучении исторических архивных материалов, а также интерпретации различного рода исторических, политических и социальных событий.

Список литературы:

1. Нестеров, А.Ю. Техническая сторона философской герменевтики Г.-Г. Гадамера и Э. Бетти / А.Ю. Нестеров // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 326. – С. 55–60.

2. Щитцова, Т.В. Гадамер / Т.В. Щитцова // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск : Изд. В.М. Скакун, 1998. – С. 896.

3. Софронов, В.С. Рикер / В.С. Софронов // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск : Изд. В.М. Скакун, 1998. – С. 573–574.

Воробьева С.В.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТОВ)

Ключевые слова: историческая память, национально-культурная безопасность государства, общественно-политические дебаты.

Актуальность исторической памяти обусловлена, во-первых, ее семиотикой, во-вторых, местом и ролью в культурно-национальной безопасности государства, которые проявляют себя в форме общественно-политических дебатов. Поэтому цель статьи заключается в раскрытии семиотических ресурсов исторической памяти и обосновании их значения в культурно-национальной безопасности государства.

Семиотический подход к исследованиям памяти, в которой следует различать нейронные, социальные и культурные компоненты [1, с. 29–33], обусловлен ее знаковой сущностью. Знаковая сущность явлений, связанных с функционированием индивидуального и общественного сознания, была раскрыта Ч.С. Пирсом. Основная идея отображена в его типологии знаков, включающей знаки-образы, знаки-индексы и знаки-символы. Критерием их различия выступает признак связи самого знака с замещаемым или обозначаемым им объектом. Это позволяет дифференцировать три прототипа когнитивной реальности – фактическую, условную и символическую [3, с. 292–293]. Знаки как факты, условия или символы составляют семиотические ресурсы дискурсивных практик аргументации, так как детерминируют компетенции, а также конструируемые на их основе дискурсивные формации. Компетенции направляют ментальную обработку информации посредством системы общих мест (топик), восходящих к указанным ресурсам. Параллельно образуемая дискурсивная формация представляет собой аргументацию как использование языка в личных целях. Анализ и оценка компетенций и дискурсивных формаций осуществляется средствами различных теорий аргументации, например, теории прагма-диалектики [5].

В научной литературе доминируют исследования по символическим аспектам исторической памяти, в которых фактические и условные (индексные) стороны игнорируются. В частности, попытки раскрыть историческую память посредством некритического перечисления слов, например, «историческая память – это совокупность нарративов, образов и знаков», представляются несистемными, затрудняющими толкование данного феномена в качестве методологического инструментария. Феноменальное скрывает сущностное, которое как неизменное первоначало связано с культурно-национальной безопасностью государства [6], квинтэссенцией которой выступают общественно-политические дебаты. Они строятся на обобщениях уроков истории и соответствующих ассоциациях, поэтому они, по мнению О.Ю. Малиновой, способствуют запуску процессов, изме-

няющих политическую среду, в которой они происходят. Этому способствуют сдвиги во мнениях (их конвергенции или поляризации) и консолидация общества [4, с. 36].

Дебаты явно или латентно строятся на исторической памяти, которая не является прошлым, а, прежде всего, комбинаторикой знаков-образов и знаков-индексов. Поэтому относительно исторической памяти недопустима односторонняя эксплуатация ее символизма и сопутствующих ему идеологических интерпретаций. Например, согласно А. Ассман, историческая память представляет собой опору в виде символов, закрепляющих «воспоминания для будущего» [1, с. 32]. По П. Бурдье, ретроспекция прошлого времени используется для ограничения «всегда открытого смысла настоящего» [2, с. 79]. «Открытый смысл настоящего» поддерживается эстетически-символическими ресурсами, которые составляют основу создания эрзацев, или «суррогатов», особенно в контексте культуры потребления. Именно вследствие их эстетизма они становятся действенными. Такие эрзацы ориентируют индивида на конструирование не внутренних границ, а внешних, генерируя и поддерживая когнитивные рамки недовольства внешним миром и своим положением в нем.

Настоящее вне исторической памяти образуется в аргументационном режиме обобщенных представлений (убеждений) и диссоциаций, что делает индивида беспричинно импульсивным, образуя предпосылки психоза. Для коррекции или предотвращения импульсивности обобщенные представления должны быть ассоциированы в опыт индивида, что связано не только с его прошлым, но и прошлым его страны.

Семиотика общественно-политических дебатов конструктивно обусловлена метафорическими уподоблениями и метонимическими перестановками. Их основы составляют, соответственно, знаки-образы и знаки-индексы. Посредством метафорических уподоблений конструируется первичная фактическая реальность, основанная на чувственно-эмоциональных интерпретациях мира, адресованных аналоговому (образному) мышлению. Посредством метонимических перестановок, осуществляемых в пространстве, времени или языке, корректируются или изменяются границы первичной фактической реальности. Если метафора тяготеет к наглядности, пытаясь сделать мир чувственно или концептуально более зримым, то метонимия организует мир посредством различных типов смежности в аналоговой (пространственной и временной) или дискретно-символической (языковой) реальности, например: *целое*/*часть*; *до*/*после*; *причина*/*следствие*. Применив дифференциацию А. Ассман относительно накопительной и функциональной памяти [1, с. 55–58], можно утверждать, что их основанием выступают, соответственно, уподобления и перестановки.

Экспертный и диагностический потенциал общественно-политических дебатов, рассматриваемых в фокусе культурно-национальной безопасности государства, определяется историческими уподоблениями и перестановками.

Необходимость в них опосредована экспертизами и диагностиками, которые не предполагают создание новых знаний. Поэтому исторические уподобления и перестановки, используемые в публичных дискуссиях, можно сопоставить с кубистскими коллажами, воплощающими симультанное видение, и с футуризмом, избравшим динамизм метонимий. Они выражают двойственные тенденции в общественно-политических обсуждениях, апеллирующих к исторической памяти, – стереоскопическое освещение проблемы, при котором в одно событие включается множество аспектов, и детализирование, выявляющее первоэлементы референции и коннотации.

Таким образом, семиотические ресурсы исторической памяти, составляют концептуальные основы общественно-политических дебатов. Они направлены на выявление небезопасных для сохранности культурно-исторических границ государственности деструктивных явлений и процессов, изымающих индивида из инфраструктуры коллективной памяти посредством обобщений и диссоциаций.

Список литературы:

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

2. Бурдье, П. Социология социального пространства / П. Бурдье. – М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007. – 288 с.

3. Воробьева, С.В. Семиотические основания когнитивной герменевтики / С.В. Воробьева // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 250-летию Фридриха Шлейермахера / отв. ред. И.В. Дёмин. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2018. – С. 289–296.

4. Малинова, О.Ю. Политика памяти как область символической политики / О.Ю. Малинова // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М.–СПб.: НесторИстория, 2018. – С. 27–53.

5. Сарычева, А.В. Диалектические обязательства участников дискуссии в концепции Э. Краббе / А.В. Сарычева // Двенадцатые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 24–26 июня 2021 г. – М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. – С. 303–306.

6. Узлова, Н.В. Культурная безопасность как один из факторов устойчивого развития / Н.В. Узлова // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 12. – С. 164–166.

Демидов А.Б.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СОФИСТИКА

Ключевые слова: софистика, интерпретация, герменевтика, насилие историческая память.

В формулировке обсуждаемой темы, т.е. проблемы «интерпретационного насилия над исторической памятью», содержится латентная аномалия. Она состоит в смысловом диссонансе значений слов «интерпретация» и «насилие». Эта несогласованность подобна той, которую иллюстрируют выражением «круглый квадрат». Вследствие таких выражений предмет,

обозначаемый ими, оказывается непредставимым, не поддаётся отчётливой идентификации.

Наша задача состоит в том, чтобы сделать латентную несогласованность выражения «интерпретационное насилие» очевидной. Благодаря осмыслению характера семантической аномалии станет возможным уточнение предмета обсуждения.

В пределах потребностей нашего исследования слово «насилие» в особых экспликациях не нуждается. Оно означает физическое или моральное давление на кого-либо, а также противоестественное воздействие на что-то, на какую-то вещь, на здравый смысл, возможно, и на историческую память.

Сложнее обстоит дело со словом «интерпретация». Оно не характерно для живой устной речи, а в научном лексиконе может употребляться в разных значениях.

В логике, математике, физике – науках, создающих и использующих формализованные системы знаков (так называемые «формализованные языки») интерпретацией называют придание содержательных значений знакам формализованной системы и конструкциям из них. В процессе так понимаемой интерпретации элементы формальной знаковой системы соотносятся с элементами содержательной системы. Понятно, что к историческим наукам и исторической памяти так понимаемая «интерпретация» может иметь лишь отдалённое отношение.

В гуманитарных науках термин «интерпретация» играет принципиальную роль в герменевтике, которую обычно определяют как теорию понимания и интерпретации. Существует множество вариантов герменевтики. В настоящее время особенно влиятельна философская герменевтика Ханса-Георга Гадамера. Он полагает, что человеческое понимание и интерпретация неразрывно связаны, предполагают друг друга и коренятся в почве языка. Историк стремится к пониманию некоторого материала исходя из своего пред-понимания, предрассудка. Предрассудки неизбежны, но работая с предметом своего понимания, интерпретатор осознаёт его инаковость по отношению к собственным предрассудкам, которые также становятся осознанными и учтёнными. Историк методично продвигается к сближению горизонтов своего понимания и понимаемого предмета. Процесс понимания и интерпретации имеет характер диалога и герменевтического круга. Всякая интерпретация исторична, не окончательна. «Опыт истории» у Гадамера представляет собой «слияние горизонтов понимания, – слияние, которое и служит посредником между текстом и интерпретатором» [4, с. 443]. В процессе «герменевтического свершения» требуется строжайшая методическая дисциплина интерпретатора по отношению к самому себе [4, с. 533].

Ряд положений Гадамера оспаривал Эмилио Бетти. Он считал, что герменевтический метод Гадамера не способен гарантировать правильность понимания и, соответственно, интерпретации [3, с. 94]. Для обеспечения объективности интерпретации Бетти выдвигает критерии и принци-

пы истолкования, названные им «герменевтическими канонами». На первом месте стоит канон герменевтической автономии объекта. Предмет, подлежащий истолкованию есть объективация духа, выражение мысли, и он должен пониматься соответственно объективированному в них чужому духу, а не переосмысливаться интерпретатором. Этому канону ещё в предшествующей герменевтике дали афористичное выражение: sensus non est inferendus, sed efferendus (смысл не вносится, а выносится) [3, с. 29]. Этот канон говорит о недопустимости произвольного понимания и толкования, не извлечённого из самого предмета. Бетти формулирует ещё три канона: канон смысловой связности (принцип целостности), канон актуальности понимания и канон герменевтического смыслового соответствия (смысловой адекватности понимания).

Методология, разрабатываемая в русле герменевтики, выражает стремление обеспечить обоснованную и адекватную интерпретацию исторических событий. Однако в последнее время заметно активизировались усилия «интерпретаторов» иного рода. Ими предпринимаются информационные атаки, нацеленные на российскую и белорусскую аудиторию с целью посеять у нас недоверие к собственной исторической памяти, сформировать чувство исторической вины и комплекс исторической неполноценности.

Квази-интерпретаторы нашей истории тоже умеют или пытаются работать методически. Некоторые наблюдения и обобщения относительно квази-интерпретаций такого рода представлены в публикациях С.Б. Баглюка. Возьмём, к примеру, метод, обозначенный как «анализ-минус» [2, с. 14]. Он представляет некоторое событие-явление как бы объективно, но сосредотачивается на негативных его сторонах, оставляя без внимания положительные стороны. Ещё одним примером является использование эффекта фрейминга (от англ. *frame* рамка, обрамление), когда преподносится как бы нейтральная информация, но контекстуальное оформление путём отбора, акцентирования, исключения и уточнения компонентов обусловливает у реципиента её негативное или позитивное восприятие [1, с. 19].

В этих и подобных методах преподнесения и интерпретации информации как бы нет явного насилия, давления на сознание. И как раз такая скрытность истинных намерений квази-интерпретаторов таит опасность. Преподносимая информация об исторических событиях как будто свободна от предвзятых оценок, от предрассудков. Аудитория воспринимает её как будто свободно, не по чьей-то указке и потому не выстраивает критическую оборону по отношению к ней.

Методы действий квази-интерпретаторов истории напоминают античную софистику. Софистов их современники характеризовали как платных учителей мудрости, выражая презрение к такому способу зарабатывать деньги, а именно за определённую и немалую плату учить искусству доказывать или опровергать что бы то ни было. По словам Платона, софисту свойствен-

но «лицемерное подражание искусству», которое запутывает других в противоречиях, творит призраки и занимается фокусничеством [5, с. 345].

Софисты, используя ненасильственные средства, занимаются информационными фальсификациями ради собственной корысти. Поэтому, как мне представляется, речь должна идти не об «интерпретационном насилии над исторической памятью», а о софистических глумлениях над исторической памятью.

Список литературы:

1. Баглюк, С.Б. Демонизация как элемент информационной войны / С.Б. Баглюк // Национальная Ассоциация Ученых. – 2021. – № 70. – С. 17–22.
2. Баглюк, С.Б. Очернение как элемент информационной войны / С.Б. Баглюк // Национальная Ассоциация Ученых. – 2021. – № 70. – С. 13–17.
3. Бетти, Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти. – М.: Канон+, 2011. – 143 с.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 700 с.
5. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – М.: Мысль, 1990–1994. – 1993. – Т. 2. – 528 с.

Корзун В.П.

ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ: МЕНЯЮЩИЙСЯ ЗАПРОС К ПРОФЕССИИ ИСТОРИКА

Ключевые слова: история, исторический факт, историческая память, историческое исследование.

Последние десятилетия XX – начало XXI века характеризуются энергичным переосмыслением « базовых исходных аксиом историописания, касающихся предмета исторического исследования, исторического факта, исторического источника, места историка, значения текста, языка в историческом исследовании, содержания историзма и причинности» [1, с. 19]. Обращу внимание на некоторое отступление от сциентизма в этот период в практиках осмысления субъектности процесса познания. По времени почти совпадают, на мой взгляд, три значимых процесса, тесно связанных между собой – « мемориальный поворот» с пристальным вниманием к исторической памяти, возрождение концепта «публичной истории» и интенсивная рефлексия историков о своем ремесле с поиском своей идентичности, новых эпистемологических оснований деятельности.

Возврат истории и историка в публичное пространство (естественно в условиях глобализации и принципиально нового коммуникативного поля) стал предметом напряженной рефлексии: актуализировалось само понятие «публичной истории», обозначены причины новой интеллектуальной моды, выделены хронологические рубежи кристаллизации публичной истории в качестве самостоятельного направления в различных националь-

ных историографиях. Причем речь идет в настоящее время о важных подвижках/остановках в маршруте: академическое знание и его производитель – ученый – образовательный процесс (школа, университет, различные общества) – публика (последнее звено этой цепи почти выпадает из поля зрения историков, оставаясь преимущественно вотчиной социологов). Появляется «перевалочный пункт» – масс-медиа, априори наделенный «властью оценивания» – новый актор не только трансляции, переформатирования знания, но и его производства. В этих условиях важным является наведение мостов между академическим научным знанием и формами присутствия его в социокультурной среде. Историческая культура и историческая память находятся в тесном переплетении и здесь трудно выстроить четкую иерархию. Важно другое, в этом пространстве возможно осмысление многообразных форм и практик присвоения и познания минувшего [2, с. 10].

В советской российской традиции дисбаланс между академической наукой и бытующей исторической памятью особенно стал заметен во второй половине XX века. На этом этапе остро столкнулись официозная версия истории со специфическим языком научного нарратива и живая память участников стремительного XX века. В 1980-е годы начинается новый период публичной истории в СССР, который достаточно подробно описан в современной историографии и с точки зрения появления новых коммуникативных площадок популяризации, и с точки зрения вторжения журналистики в формирование научного дискурса, коммерциализации исторических знаний и умений, изменения этоса науки в русле неолиберальной экономики. Политизированность позиций, особенно в условиях развала СССР, усугубляла критический настрой в отношении исторической науки вообще, а историк был потеснен со своего пьедестала, как производитель исторического знания. В конце XX века, вновь встал вопрос об избыточности исторических знаний (как это было в конце века XIX), и о кризисе профессионализма. Обозначенный процесс, на фоне поисков новых эпистемологических основ мировой исторической науки, явственно обозначил запрос на изменение социальных функций истории. Особенно это очевидно в сегодняшней войне исторических памятей. Речь идет не только об освоении нового коммуникативного поля, подготовки специалистов, оказывающих экспертные услуги различным фирмам, телестудиям, включением в популярное обучение мастерству историка широких масс, вписывании истории в общее пространство человеческого знания о мире и т.д., но о принципиально ином целеполагании – ответственности. Эта этическая сторона часто ускользает из поля нашего внимания.

Рассматривая науку как форму взаимодействия, имеющего своей целью понимание Человека, Другого, в том числе и историка и простого обывателя – носителя исторической памяти мы имеем возможность сместить акценты на диалог. И здесь встает проблема ответственности историка не только в связи с интерпретацией событий, но и предвидения их

эмоционального воздействия на различные группы социума и, следовательно, возможных социальных действий.

Было бы наивным полагать, что универсальные рецепты (не навреди) могут быть разработаны и станут нормой научного сообщества. Но поиск в этом направлении представляется актуальным. Выделю несколько подходов в современных историографических практиках, которые мне представляются перспективными. Первое, на что обращается внимание исследователей, это необходимость изучения всех каналов трансляции исторического знания и бытования исторической культуры с учетом поколенческих и национальной специфик, травмирующего опыта и т.д. что, естественно, требует междисциплинарного подхода и дополнительных компетенций от историков [1, с. 28; 3, с. 250–286; 4, с. 37–86]. Речь идет о прагматической эпистемологии.

Второе, учет культурной дистанции. Польский методолог В. Вжосек, осмысливая неудачные опыты написания непротиворечивой истории стран Евросоюза, считает важным разногласия в интерпретациях сопровождать обстоятельствами, проясняющими разночтения, в том числе и инерцией культурной памяти. Конечно, открытой остается проблема соотношения памяти, ее «редактирования» и забвения. Отвечая на вызовы современности, носящие политизированный характер важно, по В. Вжосеку, понимать, что «прошлое не укладывается в требование современности, оно было многосубъектным и многокультурным, это действительность, а не только выборочная история современности» [5. с. 13]. Думается, что рефлексивное постижение причин иных трактовок исторических событий должно сопровождаться и презентацией имевшегося опыта сотрудничества, той самой «непротиворечивой истории», которую так трудно найти. Национальный эгоизм, подпитываемый различными этническими стереотипами и глубинными «структурами исторического мышления» все таки важно не провацировать.

Список литературы:

1. Чеканцева, З.А. Предисловие – Историки в поисках новых перспектив: монография; под науч. ред. З.А. Чеканцевой. – М.: Аквилон, 2019. – С. 3–31.

2. Дмитриев, А.Н. Прошлое нашего прошлого: проблематика исторической культуры в Российской империи / А.Н. Дмитриев // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: монография; под. науч. Ред. А.Н. Дмитриева. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 9–30.

3. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. Социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Круг, 2011. – С. 251–286.

4. Репина, Л.П. Может ли история обойтись без теории? Предисловие – Историки в поисках новых перспектив / Л.П. Репина // Глобализация, регионализация, пограничье: монография; под науч. ред. З.А. Чеканцевой. – М.: Аквилон, 2019. – С. 37–86.

5. Вжосек, В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи / В. Вжосек // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: КРАСАНД, 2010. – № 30. – С. 5–13.

Кулик С.П.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ И БИОЭТИКИ В ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ключевые слова: гуманизация, медицинское образование, философия, биоэтика, биомедицинская этика, нравственная культура врача.

Образование как способ бытия человека в культуре выступает важнейшим источником и ресурсом устойчивого развития общества [1, с. 4]. Университетское образование – вершина и ядро современной системы образования. Социокультурное предназначение университета выходит далеко за рамки его непосредственной задачи – подготовки специалистов соответствующих квалификаций. В процессе университетского образования человеку предстоит не только приобрести профессиональные компетенции, но произвести серьезные изменения в своем духовном мире. Еще Гегель отмечал, что приобретение знаний и обучение профессиональным навыкам и умениям одновременно есть процесс становления определенных человеческих качеств [2, с. 66–67]. Именно эта сущностная характеристика университетского образования обусловила то, что исторически подготовка врача с высшим образованием осуществлялась на медицинском факультете классического университета, а современные медицинские учреждения высшего образования стремятся получить статус университета.

Современное медицинское образование – это образование, ценностным стержнем которого может быть только гуманизм. Среди оснований формирования профессии врача, и в этом одна из ее особенностей, определяющим является не только познавательное, не только практическое, но и моральное основание – «решительное действие на благо страдающего человека». Ценностная составляющая неотделима от любого вида медицинского знания и деятельности. Со времен Гиппократа до наших дней общепризнанным и бесспорным является суждение о том, что нравственная культура врача – это не просто заслуживающие уважения свойства его личности, но и качества, определяющие его профессионализм.

Стремительный прогресс биомедицинской науки и практики конца XX – начала XXI вв. обусловил усиление социальных и ценностных аспектов в деятельности современного медицинского работника. В применении достижений генной инженерии, биотехнологий, трансплантации органов, в определении психосоматического и социокультурного характера здоровья и болезни современная медицина выходит на широкий круг новых проблем, имеющих ярко выраженную мировоззренческую, нравственно-философскую, религиозную, социально-психологическую, экономическую, политическую и правовую составляющие. Аксиологические основания современной медицины становятся все более глубокими и значимыми.

В этих условиях особую роль в формировании профессиональных качеств врача приобретают философское и биоэтическое знание и образование. Философия как самосознание общества и квинтэссенция духовно-нравственных ценностей культуры является показателем общей культуры и образованности человека. Она направлена на формирование теоретического мышления, системного и критического видения мира. Поэтому философское образование помогает не только развивать ум, но и способствует уяснению ценностных оснований культуры, выработке жизненных установок, формированию духовно-нравственной ориентации личности. Философия как рефлексия над культурой представляет собой целерациональную деятельность по осмыслению ценностно-значимых ориентиров человеческой жизнедеятельности в мире, среди которых жизнь и здоровье человека все более актуализируются.

Новые возможности медицины, связанные не столько с лечением, сколько с управлением человеческой жизнью (например, генетическая коррекция особенностей человека, уничтожение жизни на эмбриональных стадиях, отказ и прекращение медицинской помощи безнадежному больному), вступают в противоречие с установившимися моральными ценностями и принципами. Поиск путей разрешения нравственных коллизий бытия человека в мире привел к формированию биоэтики, возникшей пятьдесят лет назад как «систематическое исследование человеческого поведения в рамках наук о жизни и здоровье, проводимое в свете нравственных ценностей и принципов» [3, с. 14]. Предметом биоэтики выступает нравственное отношение общества и человека к самому Человеку, его жизни и здоровью, иному Живому. Биоэтика пытается разобраться в нравственных коллизиях биомедицины и общества, биомедицины и человека на основе осмысления ценностей современной культуры. В этом смысле *биоэтика по праву предстает как практическая философия человеческой жизнедеятельности*. Разработка нравственных норм и принципов, регламентирующих практические действия людей по исследованию природы и человека, моральных критериев социальной деятельности по преобразованию окружающей среды, оценка роли и места человека в рамках биологической реальности, теоретических оснований концепции коэволюции общества и природы, статуса категорий жизни и смерти − таков диапазон биоэтики. Как бы ни были актуальны сегодня проблемы ускоренного развития медицинской науки и внедрения ее достижений в практику здравоохранения, расширения и укрепления материально-технической базы лечебно-профилактических учреждений, оснащения их новейшей техникой и аппаратурой, особую важность приобретает вопрос о нравственных качествах врача, его отношении к пациенту, профессиональном долге и гражданственности. Биомедицинская этика − современный этап развития врачебной этики и медицинской деонтологии. В ней проблемы долга, чести, достоинства врача, морально-этическое регулирование взаимоотношений в сфере медицинской деятельности поднимаются на уровень уважения и

защиты прав и свобод человека, его жизни и здоровья. Биомедицинская этика представляет собой практическую философию профессиональной медицинской деятельности, так как защищает фундаментальные человеческие ценности – право человека на жизнь и здоровье, автономию личности и свободу выбора, разрабатывает современное морально-этическое обеспечение медицинской науки и практики, помогает осознать моральные коллизии и дилеммы, которые характерны для медицинской деятельности и одинаково значимы для врача и для пациента [4, с. 6–17].

Таким образом, формирование профессиональной компетентности медицинского работника включает в себя как активное стремление к углублению своих медицинских познаний и овладению специальными умениями и навыками («качество медицинской помощи не может быть выше полученного образования»), так и сознательную целевую детерминированность медицинского образования и врачебной деятельности высшими нравственными ценностями. Воспитание и образование будущего медика строиться на когнитивных достижениях современных биомедицинских исследований и базируется на аксиологических основаниях философии и биоэтики, которым принадлежит значимая роль в гуманизации образовательной среды медицинского университета. Знание биомедицинской этики как практической философии медицинской деятельности, осознанное принятие нравственных норм и правил позволит студентам-медикам целенаправленно изучать профильные дисциплины и сохранять достоинство профессионала, знания и умения которого должны обеспечивать использование достижений современной медицины только для блага человека.

Список литературы:

1. Сайганова, В.С. Образование как атрибут бытия человека в глобализирующемся мире / В.С. Сайганова // Социальное воспитание. – 2021. – № 1(15). – С. 4–11.

2. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. – М., 1962.

3. Цит. по: Сгречча, Э. Биоэтика / Э. Сгречча, В. Тамбоне – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. – 413 с.

4. Биомедицинская этика и коммуникации в здравоохранении: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. А.Т. Щастного. – Витебск: ВГМУ, 2018. – 310 с.

Лисов А.Г.

ИДЕОЛОГИИ ЛИЛИПУТИИ И БЛЕФУСКУ КАК ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОРОКА ЛЮСТРОГА

Ключевые слова: герменевтика, идеология, либерализм, Лилипутия, «Путешествия Гулливера», Свифт Джонатан.

Выдающийся немецкий философ и теоретик культуры 20 века Вальтер Беньямин, говоря о роли книги в культурной традиции общества, писал, что они могут нередко оцениваться как девки – «в юности распутница, в старости ханжа»; сколько книг, на которых в нынешние времена воспи-

тывают молодежь, пользовалось в свое время дурной славой?! Эти слова в полной мере можно отнести к произведению Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера». Первое издание сочинения, состоящего из четырех частей, было опубликовано в 1727 г., после того, как первые две части, изданные по отдельности без указания имени автора, приобрели широкую популярность. Однако это прижизненное издание не было полным авторским текстом, не стало оно и каноническим. На протяжении почти трех столетий издатели по разным мотивам редактировали и сокращали текст. Острая социальная сатира, которая по ряду причин не может быть издана с сохранением всех авторских замыслов и сегодня, в пересказах, мало отвечающих этим замыслам, представляется в современности доброй фантазией для детей. Детский вариант сочинения вышел в России в издательстве М.О. Вольфа в 1869 г., но в классическом своем виде книга воспринимается взрослой аудиторией иначе, нежели детской. Современные русскоязычные издания книги выходят в двух переводах с английского языка, имеющих между собой «родовую связь» – Б.М. Энгельгардта [6], со значительными купюрами оригинала, меньшим по объему, и А.А. Франковского [5], несколько расширенным.

Являясь сатирой на современное британское общество, книга рисует картины четырех путешествий врача и мореплавателя Лемюэля Гулливера в фантастические страны Лилипутию, Бробдингнег, Лапуту, Барнибарби, Лаггнегг, Глаббдобдриб и, наконец, Гуигнгнмов. Самым привычным и знакомым для уха современного читателя в ряду мест странствий Гулливера является – Япония.

Повествование о названных странах – это целый мир, созданный фантазией писателя, с его бытом, культурой, политической жизнью и историей. Существенно важным замечанием автора в окончании повествования о путешествиях героя является то, что Свифт настоятельно отстаивает правдивость автора, указывая на то, что заботился «не столько о прикрасах, сколько об истине», стремился «просвещать людей, воспитывать в них добродетель, совершенствовать в них ум», а не сочинять описание диковинных картин, далеких от действительности [6, с.308]. Говоря об истинности научного знания в главе о четвертом путешествии Гулливера, Свифт пишет: «…в нашей стране имеется многочисленное сословие людей, которые с молодых лет обучаются доказывать, что белое – черное, а черное – бело, смотря по тому, за что им больше заплатят. Это сословие держит в рабстве весь народ» [6, с.267-268].

Значительный фрагмент в повествовании о третьем путешествии Гулливера в Глаббдобдриб, что «означает Остров чародеев, или волшебников», посвящен характеристикам его властителей. Обращает на себя внимание следующее замечание автора: «Благодаря хорошему знанию некромантии правитель обладает силой вызывать по своему желанию мертвых и заставлять их служить себе в течение двадцати четырех ча-

сов…» [6, с.209]. Далее идет описание того, как призраки служат правителю в буквальном смысле этого слова: охраняют, выполняют функции лакеев, поднося и убирая кушанья и т. д. Другими словами, прошлое служит современности не великими деяниями и грандиозными замыслами; современные Свифту «чародеи» тешат свое мелочное тщеславие, *заставляя прошлое прислуживать за обеденным столом* /выделено мной – А.Л./. Общаясь с сильными мира сего из далекого прошлого, автор иронично развенчивает легенды, с ними связанные, не умаляя при этом их личных достоинств. И здесь целый фрагмент посвящен истории: «Особенно сильное отвращение почувствовал я к новой истории. Я хорошо познакомился с людьми, которые в течение прошедшего столетия пользовались громкой славой при дворах королей. Меня глубоко удивило, в каком заблуждении держат мир продажные писаки, приписывая величайшие военные подвиги трусам, мудрые советы – дуракам, искренность – льстецам, римскую доблесть – изменникам, набожность – безбожникам, *целомудрие – содомитам*, правдивость – доносчикам. Я узнал, сколько невинных и превосходных людей было приговорено к смерти или изгнанию вследствие происков могущественных министров, *подкупавших судей, и партийной злобе.* Сколько негодяев возводилось на высокие должности, облекалось доверием, властью, почетом и осыпалось материальными благами. *Какое огромное участие принимали в решениях дворов, государственных советов и сенатов сводники, проститутки, паразиты и шуты.* Какое невысокое мнение о человеческой мудрости и честности составилось у меня, когда я получил правильные сведения о пружинах и мотивах великих событий и переворотов и о тех ничтожных случайностях, которым они обязаны своим успехом» [6, с.215; сравнить с 5; выделенные курсивом места в расширенном переводе – А.Л.]. В продолжение к этим мыслям, высказанным Свифтом, можно вспомнить знаменитую фразу автора романа-антиутопии «1984» Джорджа Оруэлла: «Тот, кто управляет прошлым, управляет будущим. Тот, кто управляет настоящим, управляет прошлым» [4]. Это хорошо известное высказывание означает стремление любой власти трактовать прошлое так, как полезно и выгодно ей, выбирая и объясняя исторические факты, события таким образом, чтобы они оправдывали её нынешние действия, современную политику. Здесь же можно вспомнить известную фразу Фернана Броделя, который говорит об историке, выполняющем идеологический заказ: «Для историка понять вчерашний и понять сегодняшний день – это одна и та же операция» [2, с.206].

Важным компонентом любой идеологии, объединяющей стратегии будущего, является интерпретация базового источника. И здесь возникает герменевтическая проблема. На примере произведений Дж. Свифта это хорошо можно проследить. И сам автор в другом своем сочинении довольно иронично ставит герменевтическую проблему. В «Сказке бочки» он пишет о возможных интерпретациях его собственных текстов, что «Было бы

крайне желательно, и я скромно предлагаю здесь в виде опыта, чтобы каждый христианский государь отобрал в своих владениях по семи самых прославленных ученых и наглухо запер их на семь лет в семи комнатах с приказанием написать семь обширных комментариев на мое всеобъемлющее рассуждение. Осмелюсь утверждать, что какие бы различия ни обнаружились в их догадках, все они без малейшей натяжки могут быть выведены из текста» [5, с.463]. Речь идет о семи возможных интерпретациях его текста, как и любого другого источника.

Самую разнообразную и яркую картину мы получаем из повествования о первом путешествии Гулливера в Лилипутию. Это обширные сведения о ее нравах, культуре, истории, политике. Мы узнаем об отношениях Лилипутии с соседним островным государством Блефуску, их конфликте и источнике этого конфликта. Герою романа они сообщаются из уст высокого придворного вельможи Рельдреселя. Из рассказа мы знаем, что Лилипутия – островное государство, расположенное в южной части Индийского океана. Оно отделено от соседнего острова Блефуску каналом шириной 800 ярдов. Столицей Лилипутии является город-крепость Милдендо, расположенный на западной стороне острова. Лилипутская и блефусканская флора и фауна удивительно малы, средний взрослый человек не выше шести дюймов с другими организмами аналогичного телосложения. Лилипутия была впервые открыта европейцем Лемюэлем Гулливером в 1699 г. во время его первого путешествия.

Рассказ об истории страны – повествование о конфликте с соседним народом Блефуску с начала 1600-х гг. Принц Лилипутии в это время за завтраком порезал палец, разбивая яйцо с тупого конца, как было принято по традиции. Это событие послужило поводом ко многим другим в истории и, в итоге, к ожесточенной войне. Описание в книге слишком обширно, чтобы стать здесь цитатой [6, с.44]. Тогдашний император издал указ, повелевающий всем своим подданным разбить яйцо с острого конца. Это вызвало большие споры, так как сторонники опозиции интерпретировали религиозный текст «Блундекраля» как запрещающий разбивать яйца неудобным способом. Новый закон императора вызвал столь сильное негодование, что из-за него было поднято шесть восстаний, в ходе которых один император-лилипут был убит, а другой свергнут. Нация Блефуску предложила убежище тем, кто спасался от преследований официальных властей Лилипутии. Одиннадцать тысяч человек, фанатиков скорее были готовы умереть, чем разбивали яйца с острого конца. Правители Блефуску поддерживали и поощряли народные волнения, укрывая бунтовщиков в своих владениях. Там печатались прокламации и брошюры. И далее в тексте сообщается: «В Лилипутии движение тупоконечников было давным-давно запрещено, его сторонники лишились права занимать государственные должности, а их книги преданы огню… Все еще больше осложнилось, когда с острова Блефуску в нашу сторону прозвучали обвинения в ереси и

расколе. Мы, по утверждению их теологов, исказили основной догмат нашего великого общего пророка *Люстрога*. В пятьдесят четвертой главе духовной «Книги Алкорана» сказано: *«Все истинно верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее»* /выделено мной – А.Л./. А какой конец – тупой или острый – считать удобным? Как по мне, – сообщает придворный чиновник, - так это личное дело каждого верующего. В общем, началась полемика, сопровождаемая теперь уже религиозными волнениями, были написаны и отпечатаны сотни томов, посвященных этому вопросу, однако все оказалось без толку и отношения между нашими странами окончательно испортились. А изгнанники-тупоконечники нашли убежище в империи Блефуску и приобрели огромное влияние на тамошних правителей. И вот эта ужасная война тянется уже тридцать шесть лун, и ни одна из враждующих сторон не добилась решающей победы…» [6, с.45]. Разумеется, правители Лилипутии ищут союзника в лице Гулливера, или Человека-Горы, как его прозвали.

Могут показаться забавными описания политической структуры лилипутянского общества. Это повествование о двух политических партиях. Двумя крупнейшими соперничающими политическими партиями в империи Лилипутии являются партии тремексенов и слемексенов. Последователи тремексенов различимы по высоким каблукам их обуви, в то время как последователи слемексенов – по их низким каблукам. Партия тремексенов в основном консервативна и поддерживает древнюю Конституцию Лилипутии. Однако император Лилипутии в 1699 году благоволил слемексенов и допускал в администрацию только людей на низких каблуках. Император в это время описывается как имеющий каблуки ниже, чем у любого из его придворных, что свидетельствует о его симпатиях к слемексенам. Напряженность между сторонниками тремексенов и слемексенов настолько высока, что они отказываются вступать в переговоры друг с другом или даже есть, пить или разговаривать друг с другом. Забавно и другое наблюдение придворного, которое касается позиции принца, наследника императора: «…есть основание опасаться, что его императорское высочество, наследник престола, питает некоторое расположение к Высоким Каблукам. Один каблук у него выше, вследствие чего его высочество немного прихрамывает» [6, с. 42].

Правовая система Лилипутии основана на вознаграждении и наказании. Например, если гражданин Лилипутии способен представить доказательства того, что он соблюдал законы, он имеют право на определенные привилегии, ему выдается определенная сумма денег вместе с символическим названием «Снилполл» [6]. Образ Справедливости в Лилипутии – это образ женщины с шестью глазами, двумя спереди, двумя сзади и по одному с каждой стороны. В правой руке она держит открытый мешок с золотом, а в правой – меч в ножнах, чтобы показать, что она больше склонна вознаграждать, чем наказывать.

Информаторы и государственные преступники Лилипутии подвергаются суровому наказанию, но если обвиняемый будет признан невиновным в предполагаемом преступлении, его обвинитель вместо этого будет казнен. Затем невиновному лицу вчетверо возмещается из имущества его обвинителя потеря времени, опасность для его жизни, лишения свободы и все расходы, понесенные при его защите. Если средств его обвинителя недостаточно, то невиновный человек получает компенсацию от власти. После этого император делает знак своей милости оправданному лицу, и распространяется весть о его невиновности.

Мошенничество, как правило, считается более тяжким преступлением, чем кража, и карается смертной казнью. Лилипуты считают, что, хотя человек может позаботиться о том, чтобы избежать воровства, честные люди часто бывают уничтожены теми, кто обладает высшей хитростью, особенно, в условиях свободного рынка.

Занятны ученые споры, которые ведут персонажи романа, например, о взимании налогов, «чтобы население не слишком чувствовало их тягость». В споре двух профессоров один предлагает «облагать налогами пороки и безрассудства, а решение вопроса, сколько с кого брать, предоставить особому комитету из местных жителей, которые, конечно, могут беспристрастно оценить пороки своих соседей», второй «отстаивал прямо противоположное мнение: обложению должны подлежать те душевные и физические качества, которые люди больше всего ценят в себе: величина взноса должна определяться самим плательщиком в зависимости от его мнения о самом себе. Обложению высоким налогом подлежат остроумие, храбрость и учтивость» [6, с. 205–206].

Джонатан Свифт, священник англиканской церкви, декан собора Святого Патрика, доктор богословия, сблизившийся с оппозиционной партией вигов, автор острых сатирических произведений, издававшихся, по преимуществу, без указания авторства, был современником эпохи становления идеологии либерализма. В сочинениях Свифта, и прежде всего, в его бессмертном романе «Путешествия Гулливера», издание которого в скором времени будет отмечать 300-летие, выражены характерные для этой идеологии отношения к государству, власти, идеологии. Итогом всех рассуждений является соображение о том, что основанием идеологии может быть любая идея начиная от суждения о том, каким образом следует разбивать яйцо за завтраком, и заканчивая тем, как следует намазывать маслом бутерброд – сверху или снизу, как в знаменитой сказке Доктора Сьюза «Хроника бутербродной войны» [3]. Важно, что эта идея приобретает определенное социально-групповое значение и становится инструментом для решения политических задач. Теоретическим основанием для идеологии становится источник, который предполагает из множества возможных толкований то, которое отвечает требованиям власть предержащих, что и предполагает интерпретационное насилие [1].

Список литературы:

1. Беньямин, Вальтер. К критике насилия / Вальтер Беньямин [Электронный ресурс] / сокр. пер. с нем. И. Чубарова // Культиватор. – 2011. – № 1. – С. 114–126. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/kultivator/kultivator-1/10999-valter-benyamin-k-kritike-nasiliya.html. – Дата доступа: 08.10.2021.
2. Бродель, Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. – М.: Прогресс, 1986. – 624 с.
3. Доктор Сьюз. Хроника бутербродной войны / пер. В. Борисова. – М.: 2017. – 26 с.
4. Оруэлл, Джордж. 1984. / пер с англ. В. Голышева. – М.: Изд-во АСТ, 2021. – 318 с.
5. Свифт, Дж. Малое собрание сочинений / Джонатан Свифт – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 608 с.
6. Свифт, Дж. Путешествия Лемюэля Гулливера: Роман / пер. с англ. Б.М. Энгельгардта. – СПб.: Изд. группа «Лениздат», 2014. – 320 с.

Малахов Д.В.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «СВИДЕТЕЛЬСТВА» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ

Ключевые слова: Холокост, феноменология, герменевтика, событие, свидетельство, оправдание, Деяние.

Специфика нацистских лагерей смерти и актов тотального уничтожения еврейского населения указывает на уникальную черту исторической памяти Беларуси: в духовную, социально-политическую и историко-культурную сферы бытия белорусского общества вступает событие Холокоста, изменившее весь культурный строй послевоенной Европы. Исторически судьба белорусского народа оказалась глубоко переплетена с судьбой народа Израиля и, в конечном счёте, белорусы разделили с ним подвиг и жертву, войдя в события Войны, «огненных деревень», лагерей смерти и массовых казней.

Обращение к феноменологии применительно к актам свидетельствования о Холокосте имеет под собой ряд оснований. Феноменологический метод, будучи обеспечен такими процедурами, как семантический анализ символов, порядок переживания “насыщенных” феноменов и конституирования коррелятивных им комплексов значений, установление закономерностей корреляции внешнего (исторически объективного) и внутреннего (исторического субъективного) времени и т.д., позволяет выявить предметные сферы, которые прежде не рассматривались при изучении феномена свидетельства в качестве приоритетных – историко-культурные и теологические горизонты личного свидетельствования. Поясним в общих чертах принцип феноменологического обращения к фигуре свидетеля и акту свидетельства.

Попытки западной философии осмыслить Холокост не связываются с вопросами, которые могут указать на истинное значение этого события: *что именно сделали жертвы, а не их палачи? может ли запредельное*

претерпевание физических и духовных мук быть воспринято и осознанно как действие, Деяние? В случае отчётливой и корректной постановки данных вопросов и принятия их философской "легитимности", возникают новые формы рассмотрения свидетельств о Холокосте: воспоминания выживших и письменные документы, описывающие факты и механизмы тотального уничтожения, предстают не столько обвинительными и изобличающими преступления нацизма актами, сколько свидетельствами о сущности духовно-исторической судьбы народа Израиля и народов, разделивших с ним эту судьбу. В данном контексте белорусская философская мысль оказывается в ситуации необходимости ответа на вызов мысли европейской, поставившей перед собой и миром "проклятые" вопросы: как после Холокоста можно жить, мыслить, творить, любить, заботиться, верить? как, исходя из события Холокоста, оправдать догматические оснований христианства? Указанные вопросы получают неожиданный ракурс в контексте феноменологического раскрытия смысла акта свидетельства: какова сущностная природа Деяния народа Израиля в?

Примером свидетельства может служить творчество нобелевского лауреата Эли Визеля, юношей пережившего Освенцим. В рассказе «Первый гонорар» он вспоминает слова безымянного учителя, ставшего в лагере *его* учителем Торы: «…все раввины, все мудрецы, все святые с самого начала нашей истории готовились к тому, что здесь происходит. Здесь наша новая иешива, новый дом Торы и Шехины» [2, с. 81–82]. Примером является и уникальный человеческий документ истории XX века, а, возможно, и человеческой истории в целом – молитва неизвестного еврейского узника Дахау, записанная им на клочке обёрточной бумаги: «Мир всем людям злой воли! Да перестанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию. Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников. Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли, мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, улыбку, осушавшую слёзы, их любовь, их истерзанные, разбитые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой смерти, даже в моменты крайней слабости. Положи всё это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности. <…> И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей <…>» [3, с. 5].

Г.С. Померанц говорит о «бессильной силе» этой молитвы, врачующей умы и сердца, но неспособной стать символом мести нацизму

и квинтэссенцией памяти о героическом сопротивлении ему [4, с. 343]. Однако, именно личностная история вознесения этой молитвы как духовной истории народа Израиля недооценивается Г.С. Померанцем – сила, указывающая на конкретные и в принципе не унифицируемые обстоятельства моления. Следует спросить: кто именно молит о прощении того, что простить нельзя? что прошёл этот человек и этот народ в истории, чтобы иметь силу молитвы о таком Даре? В данных вопросах свидетельство раскрывается как свидетельство-исповедание, в котором говорится не только о совершаемых злодеяниях, но и о смысле завета Бога и народа Израиля. Прощение даруется не от лица человека и не по его воле (мера зла такова, что человеку не дано права простить), но от Лица единства человека и Бога, который пребывает *ближайшим* в том "месте", откуда возносится молитва. Это определяет свидетельство-исповедание как действие-оправдание собственной исторической судьбы и как действие-дар.

Свидетельство-исповедание ставит эпистемологию свидетельства в совершенно иное положение, нежели полагает Дж. Агамбен, задающий в Европе философский тон в отношении Холокоста и усматривающий в онтологии "топоса" свидетельства (в существе его места, времени и обстоятельств) преимущественно «серую зону» – лишённый Слова и Мысли *анти-мир* умирающего бытия, смерти как таковой – неотвратимой, бессмысленной и окончательной [1]. Полагаем, что действительным "топосом" свидетельства о событии нацистских лагерей смерти является не только и не столько указанная им "серая зона". Безымянность и бессилие свидетеля, а в нём и всех тех, о ком он свидетельствует, не означают отсутствие имён, смысла, истины и силы: анонимность и бессмысленность претерпевания зла располагаются лишь в наших представлениях. Школьный учитель у Э. Визеля безымянен до тех пор, пока мы не вникнем в его слова во всей их духовно-исторической глубине: «Здесь, дружок, у нас нет выбора. Хотим мы того или нет, каждый из нас должен быть одновременно и раби Йохананом бен Закай, и раби Акивой, и раби Йегудой» [2, с. 81]. Каждый безымянный свидетель, а также те, кто сохранил свои имена для будущего, взывают к нашей способности спросить себя: не объединяют ли судьбы этих людей все имена Писания и все имена Израиля? не восходят ли они к тому *Единственному Имени*, которое не призывалось еврейским народом в лагерях смерти?

Ответив утвердительно, мы нивелируем господство идеи "серой зоны" как своеобразного социально-онтологического конструкта, обусловливающего парадигмы ценностной идентификации события Холокоста в исторической памяти стран Запада, откажемся от дискурса исторической памяти как осознания вины не только по факту (как народ, прекративший действие лагерей смерти), но также интеллектуальным образом – в мысли, убеждённой в возможности обретения истины о *Жизни*, торжествовавшей в лагерях смерти. Феноменология в данном случае выступает методологическим обоснованием понимания исторической памяти как формы пере-

живания её истинного смысла, конституируемого как бы “заново” в настоящем времени. Постулат об абсолютной духовной и экзистенциальной значимости переживаний смысла исторического события указывает на специфику понимания исторической памяти как личностной и общественной формы *полагания* смысла истории. Можно сказать, что феноменология в качестве абсолютно-значимого смысла центрирует духовные интенции личности и социума, обусловливает жизненность сознания субъекта исторической памяти. Целью такого полагания-конституирования является, по выражению известного феноменолога А. Шютца, мир, светящийся смыслом.

Список литературы:

1. Агамбен, Дж. Homo Sacer. Что остаётся после Освенцима: архив и свидетель / Дж. Агамбен. – М.: Европа, 2012. – 192 с.
2. Визель, Э. Следующее поколение / Э. Визель. – М.: Текст, 2001. – 191 с.
3. Молитва // Вестник Европы. – Т. XV. – 2005.
4. Померанц, Г.С. Живые и мёртвые идеи / Г.С. Померанц // Погружение в трясину (Анатомия застоя); сост. и общ. ред. Т.А. Ноткиной. – М.: Прогресс, 1991. – С. 311–345.

Мацевич М.Я, Валейтенок В.В.

«ЧУДО» КАК АРГУМЕНТ ВЛАСТИ

Ключевые слова: «чудо», реальность, позитивизм, постпозитивизм.

Тезисы представляют собой критический обзор понимания, обсуждения «чуда» современной гуманитаристикой. В самом прямом смысле чудо – необычное, неожиданное, наблюдаемое событие, вызванное прямым божественным вмешательством. Основное внимание в этом исследовании уделяется ключевым концептуальным, эпистемологическим и теологическим вопросам, продолжающим подниматься посредством заданного определения чудесного. Поскольку заявленная тема представляет для ученых как экзистенциальный, так и теоретический интерес, нет никаких оснований полагать, что концепция чуда не будет продолжать являть постоянный интерес и для философов.

В философии чудес есть два главных вопроса: метафизический, гносеологический. Метафизический вопрос – вопрос о свершении чуда; эпистемологический − вопрос об оправдании чуда. И тот и другой предполагают ответ на третий вопрос, а именно, на вопрос о том, какого рода события или явления считаются чудесами. Философы, желающие доказать рациональность веры в Бога, часто также используют стратегию «Бог из машины». Основываясь на аргументах теологии и философии науки, чудо может быть определено как: 1) реальное, индивидуальное событие, возникновение которого должно быть (или должно было быть) в принципе поддающимся эмпирической проверке; 2) событие, должное быть чрезвычайно необычным или исторически беспрецедентным с точки зрения эмпирического научного зна-

ния; 3) нечто, вызывающее всеобщее удивление; 4) что-то свободно данное Богом, а не вызванное; 5) некий особый знак от Бога, который превосходит голые факты случая и передает духовное послание; 6) явление, феномен, подтвержденные как чудо сообществом верующих, к которым послание чуда должно быть обращено, по крайней мере, косвенно.

Исходя из вышеизложенного, актуален вопрос о месте чуду в белорусской действительности. «Накопленный опыт теоретико-методологического познания морали (нравственности), ее конкретного выражения в представлениях о добре и зле, долге, справедливости, ответственности, чести и достоинстве, ее реального воплощения в поступках и жизненной позиции людей, взаимоотношениях между различными социальными субъектами убедительно свидетельствует о значимости конкретно-исторического подхода. Важный пласт этических исследований непосредственно связан с процессом этногенеза и формирования национального самосознания, а также с личностным развитием человека в духовной жизни белорусского народа» [2, с. 227]. Возможно, на наши политические убеждения влияют наши парадигматические убеждения. Современные политические реалии не позволяют нам должным образом проверить эту возможность. Политические психологи считают, что политические убеждения являются отражением глубоких мотивационных предпочтений, комплексов и фобий. Связь между парадигмами и идеологией для позитивистов была гораздо слабее, нежели для современных белорусских философов. «Данному государственному образованию присущи все признаки независимой государственности, то есть юридически оно обладает всей полнотой политической власти. Но в практической жизни и государство, и общество столкнулись с множеством проблем, решение которых выходит за рамки политико-правовой сферы, и прежде всего это проблемы духовно-нравственного характера» [2, с. 237].

Избиение четырнадцати тысяч еврейских младенцев из-за маниакальной подозрительности в том, что среди них есть Мессия-Царь, который отберет у Ирода трон, эксплицирует двойную природу чуда Рождества: великую радость и великую покаянную скорбь. Христос не удостоил Ирода ни одним ответом. Все кончилось тривиально: уничижив Его и насмеявшись над Ним, правитель отослал Иисуса обратно к Пилату. Знаменитый Проповедник и Учитель оказался, на взгляд Ирода, неубедительным и скучным. Формально Ирод в казни Христа не участвовал, он как бы ни при чем. Но возможность поучаствовать в решении Его участи у правителя, безусловно, была. Просто он ею не воспользовался. Пройдет всего несколько лет, и Ирод Антипа лишится трона по доносу собственного племянника, Ирода Агриппы [3]. Как отмечалось профессором Винокурой С.П., ведущим белорусским философом и социологом: «Открытый диалог, обмен идеями объединит усилия тех, кому дороги духовная культура, гуманистические традиции, мир и благо всего человечества. При этом для

личности базовыми ценностями культуры остаются личная ответственность и безусловный приоритет разума» [1, с. 8].

Принимая критику постпозитивистов в том, что социальная наука и естествознание – не одно и то же, хочется отдельно подчеркнуть, что объективность, тем не менее, является тем, к чему мы должны стремиться. Тех же, кто жаждет ценностной нейтральности в своей работе, следует, по крайней мере, предостеречь себя самосознанием наших предубеждений. Когда мы вступаем в те или иные академические сообщества, не следует реализовывать ресурсы власти, исходя из наших парадигм, комплексов, фобий и страхов.

Евангелие от Матфея раскрывает скрытый конфликт и борьбу за власть. В исследованиях Матфея эта борьба традиционно приписывалась напряженным иудейско-христианским отношениям первого века. Однако эта атрибуция слишком ограничена. Матфей также представляет контраргументы против римских имперских держав. Они включают в себя Ирода (Мф. 2) и Антипу (Мф. 14) как римских союзников (Мф. 17), Цезарь (Мф. 22) косвенно упоминаются в связи с римскими налогами, а Пилат непосредственно, лично (Мф. 27). Евангелие от Матфея оспаривает и сопротивляется притязаниям этих сил на господство. Основой римской имперской теологии было утверждение: Рим правит силой своей империи, потому что Боги пожелали, чтобы Рим правил миром. Правители Римской империи были избранными агентами Богов, особенно Юпитера, с задачей проявления власти, присутствия, воли и благословений богов в Империи. Матфей же предвосхищает альтернативную общину с приходом Царства Божьего, с его властью над всеми существующими силами.

Читая Евангелие от Матфея, следует также помнить об опыте римского владычества со стороны авторской аудитории. Матфей обращается к их беспокойству, иронически рассказывая о встречах с тремя представителями Римской империи. Он уверяет своих слушателей, что Бог осуществляет суверенное правление над всем творением. Его Царство еще не полностью признано, и нынешнее общество, таким образом, не упорядочено в соответствии с Божьими целями. Вот почему их мир ужасно несправедлив. Матфей представляет в качестве контраргумента теологический вызов, оспаривая мировоззрение, утверждавшее, что мир принадлежит Риму и его империи. Иисус является агентом Божьего правления. Он демонстрирует грядущее Царство Божье. Он свидетельствует о Божьем владычестве и предвосхищает его окончательное установление над всеми. Евангелие учит альтернативному пониманию мира. Последователи Иисуса живут в имперском мире, который распял Его. На поверхностном уровне Царство Божье уменьшилось, но это не отражает истинной реальности. Матфей отражает пустоту агентов Римской империи, противопоставляя их власти Иисуса, Сына Божьего. Когда они сталкиваются с его авторитетом, их влияние оказывается ничтожным. Приходит нечто большее, чем то, что может видеть

естественный глаз, «чудо». Матфей предвосхищает грядущее торжество Царства Божия над всем сущим.

Список литературы:

1. Винокурова, С.П. Социальные факторы формирования культуры личности в условиях современного общества [Электронный ресурс] / С.П. Винокурова. − 2014. − Режим доступа: http://repository.buk.by/bitstream/handle/123456789/4327/SOCIAL%27NYIE%20FAKTORYI%20FORMIROVANIYA%20KUL%27TURYI%20LICHNOSTI.pdf?sequence=3&isAllowed=y. − Дата доступа: 23.02.2021.

2. Павловская, О.А. Национальное этическое знание в контексте социально-исторического развития Беларуси / О.А. Павловская, А.С. Лаптенок, С.В. Винокурова, Н.А. Степаненко // Философские исследования. – Беларуская навука. – 2017. – Вып. 4. – С. 226−246.

3. Цуканов, И. Царь Ирод Антипа: в погоне за впечатлениями / И. Цуканов [Электронный ресурс]. − 2019. − Режим доступа: https://foma.ru/tsar-irod-antipa-v-pogone-za-vpechatleniyami.html. − Дата доступа: 23.09.2021.

Мирзаев Дж.З.

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ

Ключевые слова: Центральная Азия, нация, идентичность, реинтерпретация, история.

В ходе исторического развития человечества межэтнические отношения всегда играли важную роль, оказывая влияние на ход политических и социально-экономических процессов. Эти отношения менялись во времени, различные эпохи накладывали на них свой неповторимый отпечаток. Но людям во все времена было свойственно стремление не рассматривать себя с точки зрения отдельного индивида, а создавать группы и побуждать их к взаимной поддержке. Одной из основных таких групп является сообщество людей, которые считают, что связаны между собой единством происхождения. В настоящее время, совершенно естественным является для нас то, что каждый человек принадлежит к какой-либо нации и этот факт является неотъемлемым элементом идентичности. Однако, принадлежность к группе, которую мы сегодня обозначаем «нацией», является относительно новым явлением в истории.

До сегодняшнего дня в Центральной Азии сохранились остатки самосознания, характерного для более ранних исторических периодов, например, идентичность, основанное на принадлежности к семейно-клановым сообществам. Но в современных условиях среди различных проявлений идентичности, характерных для Центральной Азии, приоритетной остается этническая самоидентификация. Для Центральной Азии внедрение понятие «нация» стало колониальной инновацией, привнесенной из Европы, социокультурной моделью, получившей легитимацию в советский

период. В доколониальный период для жителей Центральной Азии наряду с исламской идентичностью, игравший определяющий роль, особое место занимала идентичность, связанная с локально-территориальными сообществами, или родоплеменными традициями. Сами термины, принятые в различных культурах для обозначения сообществ людей, которые считают, что связаны между собой единством происхождения, в течение времени претерпели изменение. На языках народов Центральной Азии латинский термин «*nasci*» и его русский эквивалент «нация» с конца XIX века обозначался термином «*миллат*», имеющим арабские корни и связанным с религиозной общиной. В начале XX века в общественно-политической и интеллектуальной мусульманской среде Центральной Азии, а именно, среди сторонников *джадидизма*, появляется ориентация на формирование метаэтнической (надэтнической), гражданско-политической, «туркестанской» нации, которая бы объединила все этнические общности региона, проживающие в составе надэтнических государств того времени. Однако, с вхождением Центральной Азии в состав советского государства обозначенная идея не получила дальнейшего развития. Национально-территориальное размежевание 1924 года в Центральной Азии, в результате которого путем административной реформы были созданы союзные и автономные республики, привело к установлению современных границ этнических общностей. В Центральной Азии советский тип общественного устройства, основанного на классовой селекции граждан, формировался в обществе с локальными особенностями, где социальные противоречия накладывалась на нормы религии и традиционного права. Советская власть формально выступала за равноправие народов СССР. Развивая образование на местных языках, советское руководство закрепило стандарты языков национальных меньшинств, а также установила границы наций и этнических групп. Однако при этом, партийное руководство содействовало формированию новой советской элиты, которая охотно следовала новым социально-политическим установкам.

В пределах установленных советской властью границ после распада СССР образовались отдельные независимые государства, которые возникли при активном участии господствующих политических институтов и элит. В то же время следует признать, что эти новые государственные образования возникли не на пустом месте, а в результате кристаллизации и комбинации определенных этнических образований, состоявших между собой в определенных связях. На современном этапе развития страны Центральной Азии заняты формированием национальной идентичности, созданием и укреплением национальных институтов. Поэтому в постсоветском переходном процессе формирования национального идентичности путем реинтерпритации истории становится одним из определяющих направлений политики, которое усиливалось и тем, что в советский период прошлое этнических общностей подвергалось сильной деформации и искажениям.

Стремление каждого человека, общности к изучению своей истории, обращение к ее истокам – это объективный процесс. Специфика истории, ее важная роль заключается в том, что на примерах общечеловеческих ценностей и богатой духовности история, как правило, воспитывает стремление к созиданию. Каждый из нас должен знать историю своего рода, общности и уважительно относиться к истории и культуре других. Память о прошлом формирует идентичность, во многом определяя жизненную ситуацию современности. В этом отношении важное значение имеет характер использования историко-культурного наследия. К сожалению, сегодня налицо ярко выраженная тенденция мифологизации древней и средневековой истории этнических общностей региона, когда игнорируются подлинные источники и научные методы исследований, создается псевдоистория, которая используется как «ресурс политики». Все более привычным, но далеко ненормальным явлением становится то, что авторы некоторых современных публикаций безудержно возвеличивают далекое прошлое своего народа и, напротив, целенаправленно принижают значение истории других народов региона, открыто отрицая какой-либо их вклад в развитие цивилизации. Особо характерным являются национальные распри вокруг исторических фактов периода предшествовавшего современности: представители разных наций ведут ожесточенные научно-политические дебаты о «национальной» принадлежности той или иной, например археологической культуры. Но в связи с тем, что нет ни одного научного доказательства о существовании языка людей, чьи могильники и посуда, например, дошли до нас еще из глубокой древности, такого рода дискуссии являются бесполезными и необоснованными. Также, излюбленным предметом дискуссии националистов является и вопрос о национальной принадлежность некоторых известных исторических личностей. И это несмотря на то, что во времена домодерна такого культурно обусловленного противопоставления взглядов еще не было.

Сохранение добрососедских отношений во многим зависит от объективного подхода к общерегиональной истории, реальность заключается в том, что не надо искать в истории, в событиях минувших веков все новые и новые аргументы и факты для взаимных упреков и обид. Эти события необходимо оценивать не с высоты сегодняшнего дня, а воспринимать объективно.

Исторические исследования свидетельствуют о том, что Центральная Азия с древнейших времен была населена этническими общностями, как оседлыми, так и кочевыми, жившими вместе в тесном переплетении, взаимодействии и взаимовлиянии. Этнические общности Центральной Азии объединены общей историей и культурой, и, несомненно, имеют и общее будущее, которое зависит от созидательной деятельности, интеграции и углубления сотрудничества. На современном этапе своего развития страны Центральной Азии в большей степени акцентируют внимание на проблему формирования национального самосознания и внутригосударственных структур, и делаются первые шаги к построению будущего регионального

сообщества, что обусловлено объективным общеисторическим процессом развития. Формирование регионального самосознания, освобожденного от категорий разделения на группы по признаку происхождения, и сфокусированного на взаимодействие людей с различными взглядами на культуру, могло бы оказать позитивное воздействие на межнациональные отношения и способствовать разрешению региональных проблем.

Орлов В.И.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ БИЗНЕСА И СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Ключевые слова: история, смысл, бизнес, социализм, капитализм, флуктуационный скачок, идеационализм.

Говоря о человеческой истории, Карл Ясперс подчеркивает, что «….перед нашим взором разворачивается такая картина исторического развития, в которой к истории относится все то, что, во-первых, будучи неповторимым, прочно занимает свое место в едином, единственном, процессе человеческой истории и, во-вторых, является реальным и необходимым во взаимосвязи и последовательности человеческого бытия» [5, с. 31]. Историческая роль бизнеса тесно связана со смыслом человеческой истории. Его возникновение не является результатом некоторой флуктуации западного христианства. Известно, что бизнес основывался не только на протестантской этике, но и на особом типе мышления, которое можно охарактеризовать термином «экстравертный рационализм». Экстравертность, направленность мышления на внешний мир, на его преобразование, всегда была характерна для западной цивилизации. До определенной поры данная черта западной жизни проявлялась в основном в мышлении, и не находила своего адекватного выражения в материальной деятельности, причиной чего являлось христианство, с его изначальной установкой на идеациональную культуру.

По мнению П. Сорокина, данная культура характеризуется следующим: «1) реальность понимается как не воспринимаемое чувственно, нематериальное, непреходящее Бытие (Sein); 2) цели и потребности в основном духовные; 3) степень их удовлетворения – максимальная и на высочайшем уровне; 4) способом их удовлетворения или реализации является добровольная минимизация большинства физических потребностей, причем в максимальной степени, вплоть до полного отказа от них» [2, с. 48]. Идеациональная культура имеет две разновидности: аскетический идеационализм и активный идеационализм. И, если в первом речь идет о стремлении полностью отрешиться от внешнего мира, то активный идеационализм направлен на внешний мир.

По своей природе христианство является выражением в первую очередь аскетического идеационализма, и лишь во вторую – активного. По-

добное положение дел сохранилось в восточном христианстве. На Западе же католицизм стал выражением активного идеационализма.

Внутри западной цивилизации все время жило противоречие между сущностью христианства как такового и его воплощением в католицизме. В первую очередь оно выражалось в идеологии «хилиастического социализма», основы которой, по мнению И.Р. Шафаревича, были заложены еще в античности. «В Средние века, – пишет он, – в Западной Европе учения хилиастического социализма не раз становились основой идеологии широких народных движений. Здесь мы встречаемся с новым явлением сравнительно с античностью, где эти идеи высказывались отдельными мыслителями или узкими сектами» [4, с. 33]. Следовательно, социалистические идеи – это не реакция на капитализм, это естественный продукт западной активной культуры, более того, для победы этих идей в человеческих умах, затем в жизни, никакого капитализма не надо. Так же, как и не нужен какой-то флуктуационный скачок в общественном сознании. Достаточен лишь естественный, органический ход истории, и тогда социализм с неизбежностью бы победил. Вначале в Западной Европе, а затем и во всем мире.

Подобную гипотетическую победу различные мыслители расценивали по-разному. Одни, как, например, марксисты, считали прологом к светлому коммунистическому будущему. Другие же, наоборот, считали началом очень быстрой гибели всего человечества: Говоря о воплощении социалистических идеалов, И. Шафаревич подчеркивает, что «… социализм стремится к уничтожению тех сторон жизни, которые составляют подлинную основу существования человека. Поэтому нам представляется, что смерть человечества – это неизбежное, логическое следствие социалистической идеологии и одновременно реальная возможность...» [3, с. 93–94]. Что же могло послужить главным препятствием на пути всемирной победы социализма?

Феодальное общество, которое существовало в Западной Европе, не могло являться альтернативой социализму: это общество не было достаточно экстравертно активным. Реальной альтернативой могла быть лишь система бизнеса, частного предпринимательства, называемая капитализмом. Однако при ходе истории, который мы называем естественным, шансы социализма на то, что он возникнет раньше, объективно были намного выше. Во-первых, потому что социалистические идеи, особенно при поверхностном, неглубоком с ними ознакомлении, большинству людей покажутся лежащими гораздо ближе к христианским, чем идеи рыночной экономики, базирующейся на частной собственности. Во-вторых, социализм построен на исключительно рациональном мышлении. На просчитывании, научном планировании, с помощью которого социалисты собирались управлять не только экономической жизнью общества. Мышление бизнесмена также во многом рационально. Однако бизнес в целом предполагает обязательное действие достаточно хаотических рыночных сил, «не-

видимой руки», в действии которой существуют обязательные элементы случайности [1, 209–210].

Итак, для своей победы бизнесу необходим был разрыв непрерывности, флуктуационный скачок в западном мышлении, приведший к возникновению протестантизма. Следовательно, экзистенциальный смысл именно этого хода зарождения капиталистической системы хозяйствования состоит в том, что в данном случае причинно-следственная связь исторических событий носила обратный характер. Считается, что причина должна предшествовать следствию, но в социальных системах может быть и обратное явление. Флуктуационное возникновение бизнеса на Западе являлось следствием того, что со временем социалистические идеи победили в различных странах. Следствие не просто предшествовало причине, оно как бы упреждало причину и появлялось во многом как единственное средство борьбы с причиной – социализмом. Кроме собственного смысла, капитализм в акте своего возникновения обрел соотносительный экзистенциально-телеологический смысл как единственная, реальная альтернатива социализму. Возникновение бизнеса на Западе как массового социального феномена имеет экзистенциально-телеологический смысл [1, 209-210].

Список литературы:

1. Орлов, В.И. Экзистенциально-нравственный смысл предпринимательской деятельности / В.И. Орлов // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». – 2004. – Т. 3. – С. 201–217.

2. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ. – СПб. : РХГИ, 2000. – 1056 с.

3. Шафаревич, И. Р. Две дороги – к одному обрыву / И. Р. Шафаревич. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 448 с.

4. Шафаревич, И.Р. Есть ли у России будущее?: публицистика / И.Р. Шафаревич. – М.: Советский писатель, 1991. – 560 с.

5. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

Пименов В.Ю.

«ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ» ШКОЛЫ «АННАЛОВ» В ИЗУЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ключевые слова: Великая французская революция, Старый порядок, ментальность, Школа «Анналов», историография.

Современная историческая наука все чаще и охотнее обращается к проблемам духовной культуры в целом и ментальности в частности. Это даже стало определенной модой, породившей при этом целый ряд интересных новаторских исследований, значительно обогативших как арсенал методов исторического исследования, так и, в результате, наши представления о прошлом и особенно о людях прошлого.

Значительную роль в укреплении интереса историков к этой проблематике сыграли представители и адепты небезызвестной «Школы «Анналов», отстаивавших принципы целостного восприятия исторического прошлого, выдвинувших идею тотальной истории и тем самым существенно расширивших источниковедческую и методологическую базу исторического исследования. Историки этого направления впервые обратили внимание на менталитет как на фактор исторического процесса. С тех пор «история ментальностей» стала важнейшей отраслью исторического знания во всем мире.

Значительное место среди исторических исследований, принадлежащих перу последователей Школы, занимают работы по истории Великой французской революции, значительно пересматривающие классическую концепцию. Именно поэтому эти работы выделяют в целое направление, получившее эпитет «ревизионистское». Выводы, к которым пришли «ревизионисты» (Фюре, Рише, Шоссинан-Ногарэ, Ле Руа Ладюри и др.), сводятся к следующему: Великая французская революция не была революцией буржуазной, антидворянской, призванной уничтожить пережитки феодализма, так как, во-первых, этих пережитков уже не было (например, сеньория давно стала капиталистической), а во-вторых, никаких серьезных противоречий между дворянством и буржуазией не было. Более того, эти два сословия приравниваются друг к другу, образуя полноценную элиту, обладающую общей культурой, ведущую схожий образ жизни и имеющую, наконец, единую ментальность. Кроме того, историками-«ревизионистами» отрицается сам факт революции: события 1789-1793 гг. рассматриваются лишь как продолжение череды крестьянских восстаний и взрывов антиабсолютистской оппозиционности, имевших место в период Фронды и после нее. Наконец, Старый порядок признается ими вполне жизнеспособным и склонным к добровольной модернизации.

Естественно, данные выводы вызвали волну споров и острой критики. Возможно, эта критика имеет основания при традиционном подходе к историческому прошлому в плоскости социально-экономического анализа. Поэтому так важно подойти к Великой французской революции, как, впрочем, и к любому другому историческому факту, с позиций истории ментальности, которая имеет определенно более непосредственное отношение к живому человеку, творящему Историю. Интересно проанализировать ментальности различных слоев французского общества накануне Революции, сопоставить их и определить степень их революционности или контрреволюционности и на основании этого верифицировать сам исторический факт революции.

На основании изучения исторических документов (мемуарной и художественной литературы, в частности) очевидно, что дворянская ментальность уже в XVII в. была пронизана интуитивным ощущением близящегося краха сложившегося и ставшего привычным миропорядка. Показателем этого является острое желание уйти от мрачной реальности, забыть-

ся либо в утонченном разврате, либо в иллюзорном дурмане мистики. Действительно, подсознательное, а возможно в некоторых случаях и вполне осознаваемое, ощущение неотвратимо приближающегося конца порождает адекватную психологическую реакцию: стремление успеть прожить, вкусив все прелести жизни. Отсюда невиданная роскошь и великолепие дворянского образа жизни, гедонистическая философия, ярким представителем которой был А. де Сад, мотовство и прожигание жизни. Буквально все (в том числе отношение к труду, деторождению, старости) характеризует дворянскую ментальность как глубоко кризисную, остро ощущающую дряхлость и беспомощность Старого порядка. В этих условиях вполне закономерно оживают первобытные страхи и, как следствие, стремление избавиться от них. Именно поэтому так процветают (не только при королевском дворе, но и в провинции) магия, колдовство, псевдоцелительство, столоверчение, а сотни Калиостро и Месмеров колесят по Франции, опустошая кошельки впечатлительной знати.

Одновременно наблюдаются значительные изменения в системе традиционных дворянских ценностей: терпит крах «расистская теория» исключительности дворянского сословия, дворянство начинает осознавать себя частью нации наравне с третьим сословием, увлекается идеями Просвещения. Но по-прежнему узкокорпоративные интересы незыблемы и первостепенны, поэтому попытки Тюрго и Неккера их незначительно ущемить вызывают единогласный протест. Между тем многие действительно осознают необходимость модернизации Старого порядка, с чем связан т.н. фельянский этап Революции. Но когда Революция уходит за рамки приемлемого, даже либеральное дворянство становится контрреволюционным.

Особенности буржуазной ментальности XVIII века обусловлены спецификой французской буржуазии в целом. На всем протяжении истории ее становления заметно ее подчиненное положение по отношению к государству, несамостоятельность и безынициативность. Поэтому классические принципы раннебуржуазной этики не были свойственны всей французской буржуазии. Наоборот, здесь обычным делом были мотовство, погоня за титулами и должностями. Между тем буржуазия четко понимала тяжесть своего положения и была носителем собственных экономических и политических интересов. Однако ввиду своей слабости она не смогла единолично заявить о своих требованиях и искала поддержку как со стороны дворянства, так и со стороны простонародья. Именно поэтому буржуазные интересы и требования приобрели во Франции столь ярко выраженный общечеловеческий характер, что нашло воплощение в философии и идеологии Просвещения. В целом требования буржуазии сводились к отстаиванию экономической свободы и не предусматривали особых претензий на политическую власть. Большинство просветителей не были радикальными революционерами и уповали на мирную модернизацию Старого порядка. Именно это объясняет тот факт, что первоначально революция

носила модернизационный характер и значительная роль в ней принадлежала передовому дворянству.

Ментальность низов французского общества отличает бунтовщический, оппозиционный характер. В ней переплетались и бессознательные первобытные страхи, порожденные невыносимыми условиями жизни, и чисто рациональные аспекты сознания. Поэтому сводить ментальность низов к разгулу подсознательных страхов неправильно. Акты насилия, демарши деструктивности во время бунтов объяснимы с точки зрения известной теории «карнавальной культуры».

Обращаясь к рациональным аспектам народного сознания следует отметить, что значительное место в нем занимали принципы «моральной экономики» («справедливая цена» и др.), фольклорного права и консерватизм (все народные движения были направлены против новшеств, нарушающих привычный уклад жизни).

Поэтому проблема участия широких масс крестьянского населения Франции в событиях Революции неоднозначна. Приняв Революцию как еще одну возможность выразить свой протест, низы (прежде всего крестьяне) резко воспротивились первым итогам Революции, перевернувшими традиционный уклад жизни. Принципы либерализма (свобода торговли и предпринимательства, разделение властей и т.п.) были глубоко чужды консервативному народному сознанию. В этом причина беспрецедентно острой гражданской войны, развернувшейся во Франции (Вандея). В этом причина всех последующих политических катаклизмов, которые с небывалой частотой переживала Франция, поочередно меняя монархию на республику и наоборот. Понадобилось полтора столетия, чтобы изменить традиционную народную ментальность в соответствие с требованиями современной цивилизации и исторического процесса.

Таким образом, подход к событиям 1789-1793 гг. с позиций «истории ментальностей» позволяет сделать поистине революционные открытия, убедительно аргументирующие позицию историков-«ревизионистов». Во французском обществе не было единства, в нем четко можно выделить два лагеря, но не лагерь дворянства и духовенства и лагерь «третьего сословия», как это традиционно принято в историографии Революции, а скорее лагерь дворянства и буржуазии с одной стороны и лагерь народных низов - с другой. Это в значительной степени опровергает традиционный взгляд на события 1789-1793 гг. как на Революцию. Определенное единство ментальности дворянства и буржуазии позволяет говорить скорее о добровольной модернизации Старого порядка в рамках требований времени, нежели о глубинном перевороте, идущем снизу.

Как видим, ментальность – важный показатель состояния общества, перспектив его развития. Без ее учета невозможен как правильный анализ, так и описание исторического прошлого.

Слепенков В.А., Цыплин В.Г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА НАЦИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова: историческая память, проблема культурного кода, значение кодовых структур, влияние кодов на современные международные отношения.

С точки зрения философского учения память - способность организма накапливать и воспроизводить информацию о внутреннем состоянии (моральном, физиологическом) и внешних процессах. Следует отметить существование разных подходов к рассматриваемому аспекту, однако основной проблемой памяти долгое время называют способность человека к сохранению, переработке и передаче значимой разносторонней информации, которая является необходимой для нормального функционирования общества. На протяжении всего времени человеческой истории опыт в различных сферах сохранялся в исторической памяти в виде культурных кодов – средств и процессов социокультурного наследования, которые представлены языком, искусством, нормами поведения. Коды такого типа, которые, по сути, представляют собой определённую форму деятельности, способствовали утверждению значений и смыслов индивида или же общества в целом. Являясь структурой знаков, не обозначающих реального предметного значения, но предстающих в виде символов, культурные коды выступали способом хранения и передачи информации на всех этапах социокультурного развития человечества.

Значение этнокультурных кодовых структур в контексте сохранения и передачи исторической памяти и национальной культуры сопряжено с весомыми трудностями в эпоху глобализации, очевидным признаком которой является некий феномен унификации [3, с. 356]. Данный аспект призван объединять в своё поле деятельности не только такие современные понятия, как мода, средства связи, бытовые технологические элементы, но и языковые системы, ценностные структуры, а также формы поведения. В таких условиях основная роль по сохранению элементов культуры, исторической памяти ложится на язык. Придание такого значения языковой структуре обусловлено тем, что по мере развития глобализационных процессов культурно-коммуникативной сферы общества намечается замещение базовых систем этнокультурных кодов современными информационными технологиями, которые, соответственно, создают некоторые трудности в накоплении и передаче аспектов исторической памяти следующим поколениям [1, с. 68].

Важнейшим аспектом является разрушение структурных этнокультурных кодов пространства общения. Данный феномен несомненно ведёт к кризису этнокультурной сферы, а также изменению общественных способов сохранения и ретрансляции социального опыта поколений, нанося

крупный вред социально-культурным процессам. В такой ситуации имеет место быть серьёзная проблема, которая прямым образом связана с исследованием проблемы разрушения отношений между содержанием исторической памяти и этнокультурными кодами, вызванного их объединением и унификацией управления системами культурных кодов в условиях глобализации [3, с. 354]. Исходя из того, что культурные коды прежде всего являются системой знаков, не имеющих реального предметного значения (всегда выступают в форме символов), то практическое и нравственное значение состоит в самой сути исторической памяти культуры народов. Глобальная ситуация, а точнее её лингвосоставляющий аспект, поддерживает утвердившиеся культурные образы в сознании в активном положении. Благодаря культурным кодам такие образы определяют границы самоидентификации обществ, создают систему необходимых духовных мер, которые и являются основанием понятия «историческая память», удерживающего в различных видах кодовых систем важнейшие исторические события. Данный феномен понимания исторической памяти тесно связан с вопросами формирования индивидуальной и коллективной идентичности, моральных аспектов прошлого, законности политических режимов, а также идеологического государственного манипулирования.

В современных условиях, охарактеризованных обострением международных связей, конфликтами на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, а также всемирным миграционным кризисом, способным перерасти в глобальные межцивилизационные конфликты, наметилась глубокая трансформация системы этнокультурных кодов [2, с. 15]. Предмет такого явления заключается в том, что определённые культурные коды, долгое время накапливающие и обеспечивающие социальную преемственность в историческом развитии народов, постепенно утрачивали свою главенствующую роль в сохранении и ретрансляции основных черт этнической принадлежности и культурной картины мира. В процессах построения новой «расширенной объективно-виртуальной реальности» ранее оформившиеся традиционные черты повседневности, а также нормы определения коммуникационных процессов сменяются языковыми и символическими моделями. Методы управления культурными кодами в условиях обширного распространения инструментальных систем массовой культуры ведут к стиранию стандартов этнических культур, в результате этого сужаются возможности историко-культурного наследования их непосредственно важных признаков.

Современные методы коммуникации в условиях международных отношений ведут к созданию новых образов мышления и их последующей трансформации, меняют сущность и направленность целостного мировосприятия человека. Сегодня всё большее значение в данном контексте приобретают символические знаки виртуальной реальности, получаемые, условно говоря, из глобальной сети и различных каналов СМИ. Современная кодированная информация, поступаемая и обрабатываемая людьми,

способна в корне изменить их взгляд на проблемы окружающей среды, в том числе и вопросы касательно исторической памяти, культуры, национальных языков [3, с. 358]. С момента доступности информационных технологий для широких масс людей наблюдается изменение закреплённых в языке социальных механизмов, культурных кодов в том числе. Под влиянием изменений в системе современных культурных условий и международных событий аспекты, связанные с национальным языком, всё больше приобретают политический контекст.

Список литературы:

1. Бондарева, С.К. Экология языка в проблемном поле современных глобализационных процессов / С.К. Бондарева, Е.П. Савруцкая, С.В. Устинкин. – Власть, 2019. – Т. 27, № 2. – С. 66–74.
2. Макеев, С.Н. Феномен социального общения в пространстве расширенной объективно-виртуальной реальности: автореф. дис. … канд. филос. наук / С.Н. Макеев. – Н. Новгород, 2017. – 19 с.
3. Савруцкая, Е.П. Проблемы лингвистической безопасности в коммуникативном пространстве русского мира / Е.П. Савруцкая, Д.В. Семенов // Языковая политика и лингвистическая безопасность. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2018. – С. 353–359.

Старжинский В.П.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОБЪЕКТ И ИНСТРУМЕНТ КОНСЦИЕНТАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: историческая память, самоидентификация, интерпретационное насилие, коммуникационные технологии.

В настоящее время сложилась «правовая» модель взаимоотношений между государствами основанная на силе. Этот тип отношений игнорирует нормы международного права между государствами и представляет собой фактически возврат к средневековью. Сложившийся социально – политический дискурс вынуждает менее сильные государства, чтобы не быть поглощенными государствами – агрессорами, укреплять свою национальную безопасность. На политическом языке это означает, что между государствами идет невидимая война – идеологическая конфронтация.

При столкновении жизненно важных интересов между коалициями государств возникали горячие войны, которые основаны на непосредственном применении силы и вторжении на территорию противника с целью изменения социально-политической ориентации, подчинении воли победителя. Первая и Вторая мировые войны – трагические примеры применения насилия в международных отношениях. Однако человечество недолго пребывало в состоянии относительно мирного сосуществования. На смену «горячей» войне пришла «холодная», характеризующаяся конфронтацией стран-лидеров, гонкой вооружений, возрастанием вероятности пе-

рехода войны в «горячую фазу». И только возможность самоуничтожения человечества в результате использования ядерного оружия останавливала государства от нового столкновения. Современный этап холодной войны приобрел новое качество и получил название «ледяной» (по степени охлаждения и даже «замораживании» отношений), или гибридной (по методам, средствам и ресурсам).

В силу процессов глобализации и, прежде всего, в сфере информационно-коммуникационных технологий, исчезает необходимость в непосредственном вторжении. Выбирается путь опосредованного идеологического воздействия через СМИ на сознание граждан страны, особенно молодого поколения с не устоявшейся системой ценностей и юношеским радикализмом. С этой целью разрабатывается новый вид оружия – консциентальный. Консциентальность происходит от латинского слова conscientia – «сознание» или «совесть». Соответственно, консциентальная война – война на поражение сознания, изменение системы ценностей. В основе такой трансформации лежит уничтожение способности к самоидентификации, самоопределению в рамках культурно-исторической традиции. Другими словами, идеологическая обработка осуществляется таким образом, чтобы человек не мог ответить на вопрос: кем он себя считает, в рамках какого национально-культурного образования он предпочитает жить. Расшатывание основ самоидентификации приводит к неустойчивости его взглядов и убеждений и постепенному дрейфу на сторону идеологического противника. Человек, который обладает чуждой системой ценностей и убеждений способен в процессе холодной и даже «горячей войны» переметнуться на сторону врага.

В процессе консциентальной войны цель наших противников – сделать граждан страны ее врагами, оппозиционерами, друзьями ее врагов. Такие люди делают выбор отказа от Родины в пользу навязанных им идеалов и ценностей. К сожалению, наблюдается весьма злонамеренное применение этого оружия со стороны наших западных соседей, когда в качестве средства деструктивного воздействия избирается ангажированная интерпретация исторической памяти / Интерпретация исторических событий используется как политическое средство создания и обоснования права на существование выгодной нашим идеологическим противникам геополитической ситуации. Историческая память становится ареной консциентальной войны и используется для выделения и закрепления доминирующих, фундаментальных паттернов в мировоззрении и мироощущении народа и обоснования посредством исторического дискурса доминирующей политической картины мира.

Как известно, основным принципом политики в области исторической науки является требование в процессе целенаправленного конструирования исторических оценок и интерпретации событий прошлого выражать и защищать интересы государства и всего народа, что будет способствовать укреплению гражданкой идентичности и национальной безопасности. Историче-

ская память имеет также отличную от государственно-политической объективистскую трактовку, которая основана на принципе научной объективности. При этом, между принципом государственности и объективности в исторической интерпретации возникает непреодолимое противоречие в том случае, когда правящая элита не выражает общенациональные интересы. Более того, объективистский политический дискурс во взглядах на историю является средством прикрытия интересов правящей элиты, которая выражает интересы весьма удаленные от национальных интересов.

Возникающее при этом интерпретационное насилие исторической памяти противоречит современной политической реальности и играет деструктивную роль для любого государства. Разумеется, что даже на уровне отдельного индивида следует культивировать принцип позитивного мышления, во избежание саморазрушения личности и суицида. Не обращая внимания на реальность, либералы и псевдопатриоты упрекают сторонников государственной исторической политики в провластности, стремлении обелить историю, объявляют табу на использование политического подхода к исторической памяти. В процессе конструирования, поддержания и воспроизводства национальной или этнической идентичности якобы должны использоваться «объективные» исторические факты.

Между тем в историческом нарративе многих стран – Японии, Турции, США, странах Европы явно просматривается тенденция выделять отдельные «удобные» страницы истории, которые выполняют функцию народных скреп. Для этого используются «артефакты памяти» (П. Нор) – события, личности, поступки, решения в качестве социокультурных символов гражданской идентичности, патриотизма и любви к Родине.

В условиях блокового мышления историческая память становится ареной идеологической конфронтации со странами Запада по вопросам роли и значении победы СССР над нацистской Германией, участия ряда стран Европы во Второй мировой войне, современных реваншистских интенциях участников главного военного конфликта новейшей истории. Для этого осуществляется реинтерпретация истории второй мировой войны, ее переписывание, замалчивание отдельных фактов, отрыв от конкретно-исторического контекста, искажение ее причин, характера и итогов.

При этом, историческая память это не только теоретико-методологические принципы интерпретации, но и конкретная деятельность по утверждению и закреплению, опредмечиванию в социокультурных артефактах исторической правды. В ряде стран, враждебно настроенных к России и ее союзникам созданы институты национальной памяти, цель которых оправдать коллаборационизм, геноцид и другие преступления против человечества, якобы, борьбой за национальное освобождение, репрессиями, депортацией, «оккупацией» и другими ангажированными интерпретациями исторических фактов и событий. Компания по переименованию улиц и городов, снос памятников павшим советским воинам-

освободителям, разрушение мемориалов в местах массового захоронения солдат Красной Армии, снос памятников героям и выдающимся полководцам осуществляется под знаком декоммунизации.

Социально-патриотическое, поистине всенародное движение «Бессмертный полк», возникшее в РФ и его модификация в РБ в форме движения «Беларусь помнит» превратилось в международную акцию празднования Дня Победы, реабилитацию исторической памяти, почитание подвига воинов, погибших за освобождение Европы от нацистского порабощения, предупреждения реваншистов о возможном возмездии.

В целом, историческая память как глобальный социокультурный феномен подвергается тотальному воздействию, как в форме интерпретационного насилия, так и разрушения артефактов материальной культуры исторического дискурса. Использование исторической памяти в качестве консциентального оружия создает политическую конфронтацию между противоборствующими сторонами, не способствует укреплению мира и добрососедства, дегуманизирует общественные отношения.

Тимофеев Р.В.

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СУБЪЕКТАХ БССР НА СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Ключевые слова: идеологическая работа, хозяйственные субъекты, историческая память, влияние, деятельность.

В советский период белорусской государственности сохранение исторической памяти среди граждан республики было одним из важнейших направлений идеологической работы, которая повсеместно сопровождала деятельность всех хозяйствующих субъектов без какого-либо исключения.

Виду объемности данного вопроса было бы полезным проследить актуальную сейчас для нас тему на примере деятельности идеологического сектора транспортных предприятий Белорусской ССР в 1970–1980-е гг. Идеологическая работа среди транспортников отличалась своей разнообразностью и отражала общие тенденции своего времени. С другой стороны на транспортных предприятиях такого рода деятельность считалась успешной и может послужить позитивным примером в настоящее время.

Характерной чертой идеологической работы на транспортных предприятиях в контексте сохранения исторической памяти была ее привязанность к конкретным датам развития белорусской советской государственности, обращение к героическим примерам из прошлого.

В этих целях широко практиковались митинги, шествия и агитпробеги, с помощью которых обращалось внимание как работников транспортных предприятий, так и всего населения на исторические события прошлого.

Среди таких событий преобладало внимание к памятным датам Великой Октябрьской социалистической революции и Великой Отечественной войны.

Если взять конкретные примеры, то агитбригада Брестского отделения Белорусской железной дороги в составе кавалеров ордена Трудовой Славы 3 степени, машинистов локомотивного депо А. Николайчука и М. Бойко, а также многих других передовиков в 1977 г. на промежуточных станциях проводила беседы о памятных датах, об актуальных вопросах внутренней и внешней политики страны, задачах железнодорожников в десятой пятилетке.

На промежуточных станциях Белорусской железной дороги в 1977 г. также широко демонстрировались фильмы о передовых методах труда железнодорожников. Художник и фотокорреспондент, сопровождавшие поезд, в оперативных выпусках стенгазет показывали лучших тружеников [1, с. 41]. Данные формы работы являются востребованными у нас и сегодня. Так, широко известны в Республике Беларусь в 2020 г. рейсы поезда Победы.

В советское время много внимания уделяли внешней агитации с помощью различного рода стендов и транспарантов, что возвращается и сегодня. Для сохранения историчесой памяти все подобные подходы являются полезными. Ранее наибольшую активность в подобном деле практиковали партийные активисты. Так, в Минском локомотивном депо в 1974 г. они вывешивали «молнии» у проходной предприятия, обращая внимания всех на происходившие в стране события. Часть информации касалась работы президиума райпрофсожа Минского отделения Белорусской железной дороги [2, с. 29].

Многочисленные идеологические мероприятия касались в советское время отдельных памятных дат развития белорусской государственности. В 1977 г. маршрут железнодорожного агитбыткультпоезда из Гомеля проходил по 50 линейным станциям местного отделения Белорусской железной дороги. На этих станциях железнодорожники познакомились с экспозицией «Советской Гомельщине – 60 лет», представленной краеведческим музеем, а также произведениями живописцев. Во время рейса данного поезда свыше сорока концертов дали на малых станциях агитбригады Дворца культуры им. В.И. Ленина, железнодорожного техникума, клубов станций Калинковичи и Жлобин [3, с. 3].

В предложенный нами для изучения период политические информаторы, как и другие идеологические кадры, были призваны доносить до ума работников актуальную ситуацию в стране и воспитывать у каждого из них высокую убежденность и сознательность. Регулярное информирование работников по вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и международному положению, о состоянии дел в республике, в области, районе, в производственном коллективе, в бригаде было одним из условий улучшения всей идейно-воспитательной работы [4, с. 35].

Деятельность по развитию и совершенствованию всей системы массово-политической работы среди транспортников в 1970-е и последующие годы была подчинена главной цели – повышению трудовой и политической активности людей, их идейно-нравственному и духовному росту в частности, сохранению исторической памяти в целом.

На предприятиях агитаторы вели воспитательную работу повседневно на тех участках, где трудились сами, ориентируясь на конкретную группу лиц. Они призывали проявлять производственников инициативу, говорили о нерешенных вопросах, помогали формировать у товарищей правильное понимание возникавших проблем, побуждали к конкретным действиям, обращали внимание на памятные исторические события.

Список литературы:

1. Леоновец, А. Агитпоезд в пути / А. Леоновец // Агитатор. – 1976. – № 19. – С. 41.

2. Козловский, Э. Рабочий получил премию / Э. Козловский // Политинформатор и агитатор. – 1974. – № 22. – С. 29 – 32.

3. Сергиенко, Н. Выставка на колесах / Н. Сергиенко // Железнодорожник Белоруссии. – 1977. – 14 июля. – С. 3.

4. Капто, А. Совершенствовать политическое информирование / А. Капто // Агитатор. – 1976. – № 1. – С. 35 – 39.

Шепелева В.Б.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ ПОСТНЕКЛАССИКИ

Ключевые слова: историческая память, культурный код, синергетика, постнеклассика, Вызов времени, эпоха осознанной необходимости, «иначе возможное».

Историческая память может быть определена, на наш взгляд, как духовная субстанция, объёмно и многовекторно пронизывающая, скрепляющая и возводящая, обращающая атомы населения в личность народа, этноса. И это через весь исторический путь человечества. Не случайно Л.Н. Гумилёв настаивал: антропосфера есть этносфера – и не иначе [1, с. 38–40, 58, 66, 385–400; 2, с. 24, 42]. Историческая память здесь – основа этнического самосознания.

Между тем новейшая познавательная парадигма – постнеклассика, опирающаяся на картину мира как иерархию сложноорганизованных нелинейных систем, в ряду которых как особо сложные - человеческие сообщества, обнаруживает для этих систем ряд сквозных существенных параметров. Прежде всего – так называемые «внутренние тенденции развития», предопределяющие пути развития таких систем, что как некое «правило запрета» противостоит попыткам навязывания этим системам иных вариантов движения. Управляющие воздействия, игнорирующие «внутренние тенденции развития», оборачиваются или растратой понапрасну

энергии, сил воздействующих, при том что сама система, преодолевая эти воздействия, прокладывает всё-таки адекватную себе дорогу; или же подобные интенсивные усилия могут привести к «заболеванию», в пределе – к разрушению нелинейной системы. Зато управляющие воздействия, резонансные «внутренним тенденциям развития» работают на успешное восходящее её развитие [10, с. 46–49, 59–82; 11].

С чем сопоставимы «внутренние тенденции развития» в варианте обращения к социуму? «Дух», «идея», «мечта», «свадхарма» или «что задумал Бог о нас в вечности» - в той или иной степени эти интуиции, ощущения и представления, видимо, факт от начала начал и через всю историю народов. Квинтэссенция идеалов, ценностных ориентиров, важнейших социо-нормативных установок, отфильтрованных исторической памятью этноса/народа/нации, пожалуй, наиболее адекватно передаются формулами «культурный/цивилизационный код», этническая ментальность. Глубокая проработанность историко-этноментального подхода представлена в российской гуманитарной практике – особенно в рамках религиозной философииконца XIX–XXв., литературы, В.О. Ключевским и одновременно – усилиями «естественников» Н.Я. Данилевского, по-своему Л. Мечникова. [13. 14, гл. 2]. На излёте советской эпохи и современности обстоятельное толкование понятия «культурный код», причём объективно глубоко комплиментарное постнеклассике, предложил философ К.М. Кантор: культурный код – явление более глубоких онтологических основ общества, нежели экономические основания его; есть культурный код – есть народ, разрушение ядра культурного кода означает ликвидацию народа как коллективной личности.[3, с. 5–16, 22–23, 75]. Последнее же, добавим, равносильно преступлению, у которого нет срока давности и которое радикально противоречит синергетическим «правилам порядка» (как и «правилам запрета») – фактически законам бытия.

Однако неумолимые тенденции глобализации, с крушением СССР – Второго мира развернувшиеся однозначно «по-атлантистски», в алгоритме американского «сверхимпериализма» (М. Хадсон) и всё более посредством надправительственных, наднациональных структур, целенаправленно бьют именно по этим «правилам порядка» и «правилам запрета», обозначив неслыханное, казалось бы, после «Всеобщей декларации прав человека» 1948 г. – появление категории «нерентабельных народов» [9, с. 15, 18, 37–63, 136–56, 157–178; 7, с. 208–236; 8]. Это циничнее, инфернальнее гитлеровского нацизма, при том что колонны правозащитников хранят по этому поводу «буддийское спокойствие».

Между тем, если исходить из «внутренних тенденций развития» Сверхсистемы – человечества, то есть – из историософского измерения исторического процесса (из требований «онтологического кода истории»), то обнаруживается, что острейший Вызов времени XX–XXI в. – это требования эпохи осознанной необходимости (марксизм), «совершеннолетия че-

ловечества» (русская философия) [12, с. 71–73, 535, 540–541]. Человек, народ, планетарное сообщество должны - обязаны выходить на личностный уровень бытия, иначе – просто небытие, в конечном счёте – всеобщее. Но этот прорыв – здесь требуется, как настаивал ещё на рубеже XIX–XX вв. русский философ-космист, «прийти в себя» – прийти в самосознание, прежде всего – к «культурно-кодовой» самоидентификации [12].То есть речь о самом радикальном антагонизме нынешнего Вызова времени и господствующих сегодня (при всех оговорках) процессов глобализации.

И не случайно ныне русские «нелинейщики» – математики, физики напрямую обращаются к гуманитариям, полагая, что новые «сверхзадачи», способные, во-первых, качественно продвинуть вперед науку, а во-вторых, тем самым способствующие подготовке адекватного ответа на всё более жёсткий Вызов времени, в состоянии сформулировать «науки о человеке», и в первую очередь – именно *история.* «Масштабы ожидаемых перемен слишком велики... Тут свое слово должны сказать междисциплинарные подходы и… *теоретическая история*», которая «ставит *историю* в центр наук». Причём, «чем позже человечество возьмёт на себя ответственность за свою историю, тем уже будет коридор доступных ему возможностей», – предупреждают они, до изумления точно перекликаясь с предупреждениями философа «Общего Дела» [4, с. 65, 73–75].

Сегодня усилиями синергетики в постнеклассику вошёл принцип историзма как фундаментальный параметр бытия объективной реальности - история завершила процесс восстановления своих прав в мире наук. «Современное обобщённое основное кинетическое уравнение содержит эффекты *памяти»,* синергетика позволяет акцентировать внимание на «целях» – на том, «что заложено и затем развёртывается», т. е. на неких кодах нелинейных систем [10, с. 46–49; 12, с. 3–6, 9, 11, 16–31]. Произошло фактически раскрытие на новом уровне научных знаний марксистского тезиса, гласящего: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории…»[5].Человеку-человечеству осталось только самораскрыться как явлению разумному, Истино-Благо-Прекрасно-духовному: вернуть себе свою человеческую сущность, притом что иное – окончательная катастрофа, растворение во Тьме. И очень знаково звучит сегодня признание былого диссидента философа А.С. Панарина о том, что советская эпоха – это, оказывается, и есть «иначе возможное» относительно нынешнего мира апостасийности [7, с. 135–189].

Список литературы:

1. Гумилёв, Л.Н. Конец и вновь начало / Л.Н. Гумилёв // Свод № 2. – М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. –542 с.

2. Гумилёв, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. / Л.Н. Гумилёв. – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. –526 с.

3. Кантор, К.М. История против прогресса (опыт культурно-исторической генетики) / К.М. Кантор. – М., 1992. – 147 с.

4. Капица, С.П. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 283 с.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 10.

6. Мечников, Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников. – М.: «Пангея», 1995.

7. Панарин, А.С. Народ без элиты / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 352 с.

8. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.

9. Постиндустриальный мир и Россия. – М., 2001. – 614 с.

10. Пригожин, И. Время, хаос, квант: к решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 239 с.

11. Пригожин, И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 310 с.

12. Федоров, Н.Ф. Сочинения / Н.Ф. Федоров. – Т. 85. – М., 1982. – 711 с.

13. Шепелева, В.Б. Синергетика и проблемы исторического познания / В.Б. Шепелева // Историческое знание и интеллектуальная культура: матер. науч. конф., Москва, 4–6 декабря 2001 г. – М.: ИВИ РАН, 2001. – С. 20–24.

14. Шепелева, В.Б. Россия 1917-1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии): монография / В.Б. Шепелева. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009. – 704 с.

II. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Вонсович Л.В.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН И ПОЛИТИЧЕСКИХ МАНИПУЛЯЦИЙ

Ключевые слова: историческая память, информационные войны, фальсификация, манипуляция, общество, политика.

Реалии современного глобализирующегося мира ставят на повестку дня вопрос сохранения идентичности и самобытности отдельных народов и цивилизаций. Большую роль в этом процессе призвана играть историческая наука. Она требует максимально возможной точности и достоверности исторических фактов. Однако, к сожалению, эта наука достаточно политизирована и зачастую используется в качестве инструмента информационных войн как между государствами, так и внутри отдельных государственных образований. В этом случае точность, достоверность и реальность информации о тех или иных исторических событиях становятся не столь важными, значимой представляется только идеологическая интерпретация фактов и явлений в истории.

Это касается также исторической памяти. Она является частью народной культуры и представляет собой чувства, эмоции, переживания, которые испытывал народ в момент важных свершений в истории. Однако при стечении определенных обстоятельствах для реализации политических целей историческая память может быть специальным образом сконструирована. Она становится легко управляемой, иногда дело доходит до полного изменения первоначальных интерпретаций и внедрения в массовое сознание сфальсифицированных исторических фактов. До нынешней эпохи деформации исторической памяти и оценок различных событий носили, эпизодический, скорее частный характер. Но в нынешнем столетии все иначе. Глобальность современного информационного общества, разрушение традиционных устоев жизни народов, их системы ценностей, искажение понятий ложности и достоверности информации создают ряд предпосылок для масштабной, тотальной фальсификации исторической памяти, которая все чаще используется в манипуляциях различных политических сил и информационных войнах.

Политические процессы, идущие на постсоветском пространстве, имеют свою специфику. Она обусловлена особенностями коллективной исторической памяти. Для большинства государств, образованных на просторах СССР, историческая память является одним из важнейших фактором, который влияет на формирование современного миропонимания и за-

частую определяет характер внутренней и внешней политики государства. Историческая память либо непосредственно, либо косвенно обозначает направленность политических процессов, создает определенный фон событий, оказывает влияние на выработку и принятие важнейших государственных решений. Что касается Беларуси, то с определенной долей уверенности можно утверждать, что до 2020 года история страны, а значит и историческая память белорусского народа «обладали значительным интегрирующим потенциалом» [1, с. 23]. Разобщенность в восприятии своего исторического прошлого у большинства граждан практически отсутствовала. События прошлого года внесли определенные коррективы в данное обстоятельство. История в оценках и мнениях людей перестала быть монолитом. Она, по сути, распалась на ряд исторических периодов и событий, которые отдельными сегментами белорусского общества, имеющими различные политические пристрастия, стали рассматриваться по-разному в зависимости от их значимости и вклада в развитие народа и страны. Историческая память, к сожалению, стала фрагментарной. Политические силы, стремившиеся к изменению конституционного порядка в стране, стали определять отдельные события и периоды в истории белорусского народа как более значимые, судьбоносные. С другой стороны началось вытеснение на периферию сознания других исторических фактов, которые не вписывались в контекст внутриполитической ситуации в Беларуси. Это, по сути, привело к информационной войне внутри страны, расконсолидации белорусского общества, которая ощущается и сегодня.

Преодолеть подобные негативные процессы в Беларуси призвана историческая память. Она должна базироваться на отсутствии поляризации в трактовке событий прошлого, минимизации расхождений между различными сегментами общества и разными поколениями в оценках значимости исторических периодов и фактов. Кроме этого, должна быть признана интегрирующая роль истории в нашем обществе, единство и преемственность в восприятии исторических событий различными слоями населения. Все исторические события должны быть одинаково значимы и не обречены на забвение молодым поколением белорусов в силу того, что они не являлись их непосредственными участниками и современниками. При изучении истории белорусского народа, формировании его исторической памяти целесообразно делать упор на те исторические факты и явления, которые способны объединить белорусов, сформировать особенно у молодого поколения такие значимые качества как любовь к своему Отечеству, патриотизм, толерантность, веротерпимость, трудолюбие, уважительное отношение к своим традициям, языку, культуре. Наиболее важным событием в белорусской истории большинство граждан страны признает победу в Великой Отечественной войне. Восприятие данного события вызывает у наших соотечественников чувства гордости за свой народ, благодарности

своим предкам за подвиг по спасению человечества от фашистского ига, сожаления о потерях и боли, принесенных войной.

Значительную роль в интерпретации различных исторических фактов играют система образования и СМИ. Они непосредственным образом влияют на представления о прошлом и мировоззрение граждан в целом. По мнению российского ученого Н.П. Старых, средства массовой информации «являются условием того, чтобы позднейшие поколения могли стать свидетелями давно уже прошедшего события, детали которого забыты. Одна из задач СМИ – постоянно активизировать накопленные данные для устойчивого перевода информации в воспоминания» [2, с. 104]. В нынешних условиях развития белорусской государственности недопустимы манипуляции со стороны отдельных средств массовой информации, которые развенчивают ценность отдельных исторических событий и придают другим чрезмерный пафос и значимость. Это искажает историческую память, делает ее уязвимой, деформирует восприятие нынешним поколением белорусов настоящего.

Историческая память, безусловно, влияет на межгосударственные отношения. Зачастую государства используют ее в качестве инструмента информационной войны или в конфликтной ситуации. Сегодня мы наблюдаем как со стороны отдельных государств в отношении Беларуси применяется комплекс методов манипулирования историей для формирования нужной направленности массового сознания в Беларуси соответствующего общественного мнения. Историю и историческую память отдельные европейские страны, США используют в качестве инструмента ведения войны против белорусского народа. Присутствует манипулирование историческими событиями, которые вырываются из контекста, а иногда полностью фальсифицируются для формирования образа врага в лице правящей элиты Беларуси. Причем для отдельных западных стран это имеет статус государственной политики.

Таким образом, историческая память может быть как конструируемым явлением элитарного и массового сознания, так и разрушающим явлением. Она должна посредством истории и массовой культуры, распространяться системой образования и средствами массовой информации. При этом важно понимать, что отдельные факты истории и контекст их подачи могут способствовать гармонизации отношений в обществе и между государствами, а могут играть на обострение этих отношений.

Список литературы:

1. Денисова, Н.Ф. Историческая память белорусов: социологический анализ / Н.Ф. Денисова, Н.М. Бровчук // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 21–32.

2. Старых, Н.П. Средства массовой информации как источник формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне / Н.П. Старых // Вестн. государственного и муниципального управления. – 2014. – № 4. – С. 104–108.

Грибан И.В, Грибан О.Н.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ[1]

Ключевые слова: цифровизация, историческая память, образы прошлого, механизмы коммеморации, медиатизация, media memory, digital memory.

Согласно аналитическому отчету Digital 2021 общественного креативного агентства «We Are Social» и платформы «Hootsuite», на начало 2021 г. более 4,66 млрд людей пользовались Интернетом, при этом аудитория социальных сетей превысила 4,2 млрд, в онлайне присутствует почти 60% населения России, среднестатистический россиянин проводит в Интернете 7 ч. 52 мин. – 121 день в году. Цифровизация – внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства – коснулась всех сторон нашей жизни – от управления финансами, совершения покупок, до построения романтических отношений. В условиях пандемии время, которое мы проводим в режиме онлайн, увеличилось многократно, в том числе, за счет сферы образования. Мы все столкнулись с такими явлениями, как лекции в зуме, конференции в онлайне, вебинары и нетворкинги, которые прочно вошли в нашу жизнь и, наверное, останутся в ней и после пандемии. Повсеместная цифровизация коснулась и феномена исторической памяти.

В рамках данной статьи мы хотели бы обобщить современные тенденции в изучении феномена исторической памяти, выделить наиболее актуальные направления исследований, а также на конкретных примерах представить те возможности и проблемы, которые открывает эпоха цифровизации для всех, кто так или иначе причастен к сохранению исторической памяти.

В последние несколько лет в публикациях, посвященных исторической памяти, появились новые термины и характеристики.

Во-первых, анализируя современное состояние науки и, в частности, гуманитарного знания, говорят о «Медиальном повороте», или о «цифровом повороте», который характеризуется изменением стиля и характера мышления человека, серьезными социокультурными переменами (С.В. Тихонова, С.М. Фролова, В.В. Савчук и др.). Применяя цифровые технологии, пользователи потребляют контент, который сами же и производят. Если до медиального поворота производство прошлого было направлено от публичных инстанций к частным лицам, то сегодня его направление – от масс к массам, через узлы фильтрации, забвения и частичного публичного контроля.

Во-вторых, исследователи обращают внимание на «Медиатизацию исторической памяти в социальных сетях». Время, в которое мы живем, называют эпохой цифровизации. Популярен и другой термин – эпоха веб 2.0, эпоха социального интернета, в которую социальные сети становятся неотъемлемой частью нашего существования. Этому способствует распростра-

[1]Исследование выполнено в рамках научного проекта «Методика преподавания истории Второй мировой войны в условиях дистанционного и смешанного обучения: отечественный и зарубежный опыт».

нение и доступность гаджетов – смартфонов, планшетов и прочих устройств, позволяющих получать доступ в Интернет 24/7. В этом контексте возникает вопрос о соотношении медиа и исторической памяти (мемори). Э. Хоскинс отождествляет культурную память и медийные носители, отмечая, что «цифровая эпоха оборвала привязку памяти к идентичности, сделав память общедоступной… Распространение информации и широкий доступ к ней в социальных сетях и цифровых архивах по-новому формируют наши взаимоотношения с прошлым: «Новые медиа, расширяющие, интегрирующие, комбинирующие, реорганизующие во времени и пространстве старые медиа, переформатировали не только конфигурацию субъекта, но и конфигурацию памяти» [18, p. 29].

Известная немецкая исследовательница А. Ассман, напротив, противопоставляет память и медиа, отмечая, что «память базируется на забвении, характеризуется дефицитарностью и тесно связана с идентичностью», а медийная гиперструктура, напротив, «преодолевает эти ограничения памяти, устанавливая связи между социальными группами, нациями и культурами» [2, с. 185].

В-третьих, объектом исследований становится «Цифровая память» – digital memory. При этом если в начале 2000-х гг. исследователей больше волновал вопрос о способах оцифровки и сохранения информации, специфике и преимуществах использования интернет-источников в работе историков (Hoskins, 2001; Cohen, 2006; De Groo, 2009; Korte, 2009), то во втором десятилетии XXI века все более актуальной становится проблематика воздействия медиа на процесс формирования образов прошлого в условиях повсеместного доступа к Интернет (Internationale, 2011; Hasebrink, 2011; Schmidt, 2019). Согласно исследованиям, проведенным в Германии, уже в 2009 г. для подростков в возрасте от 14 до 19 лет Интернет был самым важным способом получения информации. Авторы отмечают большую роль онлайн-ресурсов в формировании мировоззрения и исторических представлений молодых пользователей, анализируют преимущества и недостатки виртуализации и медиатизации памяти (Hein, 2010). Особенности работы историков в условиях повсеместной цифровизации («диджитализации») рассмотрены в статье Г. Бальби. Автор поднимает очень непростой и актуальный вопрос о том, кто, что и как будет сохранять о прошлом для будущих поколений в условиях цифрового общества? Кто будет нести ответственность и принимать решения, что из безграничного информационного потока надо сохранить, а что предать забвению? [13, с. 172].

Еще один важный аспект, привлекающий внимание исследователей, – количественное измерение памяти в условиях диджитализации. Распространение и популяризация социальных медиа побудило исследователей обратиться к такому аспекту, как количественное измерение памяти: Б.Н. Якобсен и Д. Бир анализируют, каким образом репосты, «лайки», комментарии и количество просмотров детерминируют обращение к историческим фактам и влияют на воспоминания о прошлом. Авторы вводят

термин «количественная оценка ностальгии» и приходят к выводу, что реакция в социальных сетях может оказать влияние на то, как человек относится к событиям прошлого и настоящего, изменить ценность воспоминаний. Более того, количественные инструменты оценки контента в социальных сетях «позволяют людям постоянно и все более активно заниматься своим прошлым, заставляя думать о том, какими воспоминаниями поделиться», «связывают воедино людей в рамках сообществ» [20, p. 1–2, 9].

Наконец, исследователи обращают внимание на роль социальных медиа и Интернета в целом в формировании образов прошлого. Эта тема приобретает особую актуальность для России в контексте изучения глобальных «войн памяти» и столкновения исторических нарративов в интернет-пространстве. Если обратиться к отечественной литературе, то проблематика взаимодействия исторической памяти и медиа, роли социальных медиа в формировании образов прошлого у молодежи в последние несколько лет стала актуальной и рассматривается в разных аспектах: в политологическом (А.Ю. Бубнов, Д.А. Аникин, С.В. Володенков), в контексте изучения процессов и коммуникативных практик в социальных медиа (С.И. Белов, Г.И. Зверева).

И здесь мы выходим на еще один распространенный в настоящее время термин – «сетевые сообщества», под которым в современной литературе понимается «специфическая форма организации Интернета, выражение его строения и структуры, в том числе, социального строения и социальной структуры» (Курбатов, 2012). Д.А. Аникин и А.Ю. Бубнов (Аникин, Бубнов, 2020) вводят понятие «сообществ памяти» – это дискурсивные сообщества, взаимодействующие на конкретной площадке в Интернете, объединенные интересом к истории и актуальной политике. Внутри таких сообществ в процессе совместного создания медиатекстов и комментирования память превращается в коллективный проект. Авторы отмечают, что актуализируемые воспоминания в таких сообществах определяются не столько объективной значимостью в контексте эпохи, сколько зависят от политических ориентиров участников, и нередко являются идеологическим конструктом, использующимся в контексте актуальных политических процессов.

Таким образом, тема медиатизации памяти достаточно активно обсуждается зарубежными и отечественными исследователями. При этом необходимо отметить, что проблема воздействия видеоблогов и социальных медиа на исторические представления молодежи относительно недавно стала рассматриваться в научной литературе.

Анализ литературы, обращение к собственному опыту и общение со студентами позволяет выделить возможности и проблемы, которые дает нам эпоха цифровизации.

Новые возможности:

– оцифровка архивов (сегодня каждый может обратиться к истории семьи. Самым ярким примером являются базы данных «Мемориал», «Па-

мять народа»). Возможность сохранить в оцифрованном виде уникальные исторические источники;

– доступность информации. Для историков – возможность удаленного доступа к зарубежным архивам;

– цифровизация музейного пространства (уникальность парков «Россия – моя история») – существенно расширяет возможности использования материалов музеев в учебно-воспитательном процесс;

– виртуальные экскурсии (Сталинградская битва, дневник анны франк);

– безграничное общение (вебинары и онлайн-конференции. Например, в 2020–2021 гг. в УрГПУ прошло 6 российско-германских вебинаров);

– большие объемы сохраненной информации (каждый сам себе фотограф и историк, возможности современных гаджетов позволяют не только копить данные, но и автоматически создают, например, видеовоспоминания. А социальные сети напоминают, какие посты были написаны 2 года назад). Каждый из нас вольно или невольно оставляет свой собственный цифровой след;

– современные технологии изучения прошлого на уроках истории.

Но при всех преимуществах, конечно, есть и обратная сторона медали. Проблемы можно сформулировать при помощи ключевых вопросов.

Кто сохраняет? Благодаря современным технологиям, сегодня каждый сам себе историк. С другой стороны, в ближайшие 20 лет ответственность за сохранение исторической памяти перейдет к так называемому поколению Z (с 2000 г. и до 2024 г.). Это люди, которые «не чувствуют грани между реальной и виртуальной жизнями, это дети, которые не просто выросли с интернетом, а родились с аккаунтом в Instagram и уже не представляют себе жизнь без цифровых технологий». При этом для них характерно клиповое мышление. Они воспринимают яркие образы, а не длинные тексты, короткие ролики, а не документальные фильмы. Они в большей степени, чем представители других поколений, подвержены влиянию соц. сетей. Прошлое в их головах конструируется не профессиональными историками, а медиасредой, социальными сетями, лидерами мнений.

Что сохраняет? Какой цифровой след останется после нас? Как в потоке информации определить, что значимо, а что – нет?

Как и зачем сохраняет? В условиях, когда каждый может стать историком, создавать сообщества любителей истории, размещать видеоролики, комментировать те или иные посты, особенно значимым становится вопрос – кто регулирует этот процесс. К примеру, «накручивая» количество лайков можно делать определенные темы более или менее привлекательными. Удаляя неудобные комментарии, можно управлять дискуссиями в соц. сетях. И косвенно оказывать воздействие на пользователей. В данном контексте нельзя не согласиться с мнением А. Эрлл, которая отмечает, что «медиа не являются ни нейтральными, ни пассивными хранителями прошлого. Они создают посред-

ничество между человеком и его опытом и в то же время являются основой для будущих воспоминаний общества о самом себе» [10, с. 171].

В XXI веке все более актуальным становится вопрос об образе прошлого, представленном в сетевых медиа. В каких формах и с помощью каких выразительных средств должна транслироваться сегодня память о прошлом? Какие символы, оценки, представления о прошлом сформируются у современной молодежи, исторические представления которой во многом определяют не школьные уроки истории, а влияние сети Интернет ? Особую актуальность эти вопросы приобретают для российского общества, в котором наблюдается отсутствие консенсуса в отношении к собственному прошлому, особенно к советскому периоду истории. В качестве заключения нам бы хотелось обратиться к фразе Алейды Ассман: «Будущее памяти уже началось». Очевидно, что наш мир стремительно меняется, меняется система образования, меняются формы и методы коммеморации прошлого. Актуальными остаются вопросы о том, кто, что и как будет сохранять в будущем? Что будет знать о прошлом поколение альфа – следующее поколение людей? И, наверное, самый важный, хоть и риторический вопрос: какова роль педагогического сообщества в этом процессе? Как построить процесс преподавания истории таким образом, чтобы по максимуму использовать возможности эпохи цифровизации и свести к минимуму риски и проблемы?

Список литературы:

1. Аникин, Д.А. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти / Д.А. Аникин, А.Ю. Бубнов // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 1, № 53. – С. 19–28.

2. Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.

3. Белов, С.И. Видеоблогеры как актор политики памяти: влияние кинообзоров на восприятие российского исторического кино / С.И. Белов // Информационные войны. – 2019. – № 1(49). – С. 89–93.

4. Бубнов, А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного про-шлого в публичной сфере / А.Ю. Бубнов // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4. – С. 3–12.

5. Волков, Д. Гражданский активизм российской молодежи. 01.10.2020 [Электронный ресурс] / Д. Волков, С. Гончаров, М. Снеговая // Аналитический центр Юрия Левады. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi/. – Дата доступа: 13.10.2021.

6. Володенков, С.В. Особенности применения технологий переписывания истории в современном пространстве цифровых коммуникаций / С.В. Володенков // Электронный научно-образовательный журнал „История“. – 2020. – Т. 11, № 9. – Режим доступа: https://history.jes.su/s207987840011429-0-1/. – Дата доступа: 13.10.2021.

7. Курбатов, В.И. Сетевые сообщества Интернета как социальные конструкты / В.И. Курбатов [Электронный ресурс] // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 4. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-soobschestva-interneta-kak-sotsialnye-konstrukty. – Дата доступа: 13.10.2021.

10. Сафронова, Ю.А. Историческая память: введение / Ю.А. Сафронова. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с.

13. Balbi, G. Doing Media History in 2050 / G. Balbi // Westminster Papers in Communication and Culture. 2011. № 8 (2). P. 154 – 177.

14. Cohen, D.J. Digital History: A Guide to Gardening, Preserving, and Presenting the Past on the Web / D.J. Cohen, R. Rosenzweig – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006. – 328 p.

15. De Groot, J. Consuming History. Historians and Heritage in Contemporary Popular Cul-ture / J. De Groot. – New York : Routledge, 2009. – 292 p.

16. Hasebrink, U. Kinder und Jugendliche im Web 2.0 – Befunde, Chancen und Risiken / U. Hasebrink, C. Lampert [Electronic resource] // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2011. – № 3. – Access mode: https://www.bpb.de/apuz/33541/kinder-und-jugendliche-im-web-2-0-befunde-chancen-und-risiken – Access date: 13.10.2021.

17. Hein, D. Virtuelles Erinnern / D. Hein [Electronic resource] // Aus Politik und Zeitge-schichte. – 2010. – № 25–26. – Access mode: https://www.bpb.de/apuz/32669/virtuelles-erinnern – Access date: 13.10.2021.

18. Hoskins, A. Media, Memory, Metaphor: Remembering and the Connective Turn / A. Hoskins // Parallax. – 2011. – № 17 (4). – P. 19–31.

19. Hoskins, A. New Memory: mediating history / A. Hoskins // Historical Journal of Film, Radio and Television. – 2001. – Vol. 21. – № 4. P. 333 – 346.

20. Jacobsen, B.N. Quantified Nostalgia: Social Media, Metrics, and Memory / B.N. Jacobsen, D. Beer [Electronic resource] // Social Media + Society. – 2021. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/349695167_Quantified_Nostalgia_Social_Media_Metrics_and_Memory – Access date: 13.10.2021.

22. Katz, E. Personal Influence: the Part Played by People in the Flow of Mass Communica-tions / E. Katz, P.F. Lazarsfeld. – Routledge, 1955. – 508 p.

23. Korte, B. History Goes Pop. Zur Repräsentation von Geschichte in populären Medien und Genres / B. Korte, S. Paletschek. – Bielefeld : Kordula Röckenhaus, 2009. – 60 S.

24. On media memory: Collective memory in a new media age / ed. by A. Hoskins, J. Sutton. – London : Palgrave Macmillan, 2011. – 290 p.

25. Schmidt, J-H. Die Medienlogik der Informationsintermediäre und ihre Bedeutung für Meinungsbildung / J.-H. Schmidt [Electronic resource] // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2.05.2019. – Access mode: https://www.bpb.de/gesellschaft/digitales/digitale-desinformation/290575/die-medienlogik-der-informationsintermediaere-und-ihre-bedeutung-fuer-meinungsbildung – Access date: 13.10.2021.

Давлятова Е.В.

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА «КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ»

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, индивидуальная память, история, идентичность.

Проблема интерпретации исторического прошлого является объектом пристального теоретического и практического внимания в наши дни. Связано это с новыми геополитическими, социально-экономическими и культурными реалиями нынешнего времени. Попытки исследователей переосмыслить и переписать историю, с учетом своих политических целей и интересов, привели к появлению новых направлений в области исторического знания, в частности, началось изучение феномена историческая

память, в рамках которого впервые было использовано такого понятие как коллективная память. Впервые об это высказался М. Хальбвакс в своей работе «Социальные рамки памяти» в 1925 году [1]. Большинство исследователей признают, что его следующая работа «Коллективная память» положила начало изучению коллективной и индивидуальной памяти за рубежом, хорошо известную как «memory studies» [2].

М. Хальбвакс рассматривал существование коллективной памяти как необходимое условие сохранения идентичности общества. Он утверждал, что существуют два вида памяти: внутренняя (индивидуальная), и внешняя (коллективная), которые могут взаимодействовать друг с другом, но не смешиваться [3]. Также он считал, что память, формируясь в неоднородном пространстве, может деформироваться и не совпадать с официальной историей.

В конце XX века наблюдается новая волна интереса к феномену «коллективная память». Здесь можно выделить таких исследователей как Я. Ассман, А Ассман и П. Нора и др.

В культурно-историческом аспекте коллективную память рассматривал Я. Ассман, разделив ее на коммуникативную и культурную.

Под коммуникативной памятью он понимал, прежде всего, устную традицию в контексте повседневного межличностного взаимодействия. Культурную память он представлял «формализованной традицией, которая выходит за рамки опыта отдельных индивидов и групп и выражается в памятных датах, местах, церемониях, а также в письменных, изобразительных, монументальных памятниках» [4]. Я Ассман первым использовал понятие культурная память, отделил коллективную память от исторической и личной.

Современные исследования коллективной памяти можно разделить на те, которые анализируют роль эмоциональных факторов в коллективной памяти, тех, кто считает, что прошлое реконструируется для того, чтобы поддерживать современные социальные ценности в обществе и изучающих травмирующие события прошлого, и как они приспосабливаются к доминирующим ценностям и убеждениям в современном обществе[5, с.124].

К последнему направлению относятся работы Т. Адорно, который, изучая особенности коллективной памяти Германии в послевоенный период пришел к выводу, что в некоторых случаях имеет место факт коллективного самообмана, призывающий пересмотреть и переоценить прошлое, если это прошлое несет в себе чувство вины о содеянном. «От прошлого хотят избавиться: это справедливо, потому что в его тени жить невозможно и потому что если за вину и насилие всегда расплачиваться виной и насилием, то чувству страха не будет конца; и несправедливо, потому что прошлое, от которого хотят убежать, еще живо» [6].

Пьер Нора противопоставляет память и историю. Он считает, что «память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее. История есть делигитимизация пережитого прошлого» [7, с. 20].

Среди российских исследователей, занимающихся проблемой коллективной памяти, следует назвать Т.П. Емельянову. Она дает следующую интерпретацию понятия: «*коллективная память* – это средство сохранения социально значимой информации, без которой невозможно существование общества в целом, социальных групп и отдельных индивидов, входящих в общество [8].

Э. Эриксон и Б. Мишталь связывают коллективную память с индивидуальной и коллективной идентичностью. Б. Мишталь также указывает на то, что индивидуальная память подпитывает коллективную память. Есть зарубежные авторы, рассматривающие коллективную память как инструмент политического манипулирования (Нейгер, Мейерс, Занберг, Хаус), некоторые исследователи рассматривают коллективную память как химеру, либо как проблему фальсификации истории. Р. Козеллек и Р. Бургер считают, что коллективной памяти не существует.

Таким образом, рассмотрев основные теории феномена коллективной памяти следует отметить, что, прежде всего, наиболее проблематичным представляется само по себе определение понятия «историческая – коллективная – культурная память», хотя уже сама демаркация границ этого термина представляет существенный исследовательский интерес. Попытки определения содержания данного понятия порождают вариации, лежащие уже в плоскости концептуального определения предмета истории памяти как таковой. Одни исследователи считают возможным говорить о феномене «коллективная память» и определяют ее как комплекс общепринятых в социуме представлений о прошлом, как совокупность рефлексий о событиях прошлого. Другие говорят о «культурной памяти» как установленной в обществе исторической традиции, стоящей над персональным измерением памяти отдельного человека. Третьи полагают, что понятие «коллективная память» сомнительно, и предлагают заменить его термином «социальные (коллективные) представления о прошлом». Четвертая группа исследователей предлагает говорить не об исторической памяти как таковой, а о «коллективном образе прошлого», включающем в себя как историческое сознание во всех его формах от мифов до автобиографии, так и историческое познание как целенаправленное осмысление прошлого.

Список литературы:

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 264 с.

2. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас, 2005. – № 2–3. – С. 8–27.

3. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас, 2005. – № 2–3. – С. 10.

4. Корнеева, А.Ю. Концептуальные основания анализа коллективной памяти в европейском дискурсе. [Электронный ресурс]. – Режім доступа: https://research-journal.org/philosophy/konceptualnye-osnovaniya-analiza-kollektivnoj-pamyati-v-evropejskom-diskurse/. – Дата доступа: 09.10.2021.

5. Емельянова, Т.П. Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества / Т.П. Емельянова // Знание. Понимание. Умение – М.: изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. – № 2. – С. 123–129. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/2/Emelianova_Misharina_Great-Patriotic-War-Representations/. – Дата доступа: 10.10.2021.

6. Адорно, Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. N 2. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html/. – Дата доступа: 10.10.2021.

7. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. – СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.

8. Емельянова, Т.П. Коллективная память в контексте обыденного политического сознания / Т.П. Емельянова // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2012. – No4 (июль–август). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Emelianova_Collective-Memory/. Дата доступа 12.10.2021.

Далимаева Е.О.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

Ключевые слова: историческая память, мемориальные законы, интерпретация истории, информационная война, постмодернизм, гражданское воспитание.

Россия и Беларусь хронически опаздывают. Когда в мае 1940 года немецкие войска обошли с севера глубоко эшелонированную линию Мажино, которая, по замыслу французских стратегов должна была надежно защитить Францию от нападения, и, не встречая сопротивления, двинулись в глубь французской территории, один из офицеров французского генерального штаба в сердцах сказал, что «Франция всегда готова к предыдущей войне»[5, с.112]. Сегодня, как не печально это осознавать, мы снова на «странной войне» – войне за собственное прошлое, а мы к ней не готовы. Историю, как известно, пишут победители. Эта максима тоже устарела. При взгляде на беспрецедентные фальсификации истории Второй Мировой войны возникают сомнения: а точно ли Советский Союз победил? Эпоха постмодернизма привела к возникновению представления о том, что каждое мнение важно, а истины не существует, или, по крайней мере, она у каждого своя. Мы считали себя победителями и освободителями Европы, но снова проигрываем в информационной войне, сражения которой хронологически рассеяны, но в основном вновь ведутся на полях Второй Мировой.

Отсутствие четкого представления и хороших ожиданий от будущего, кризисное и неопределенное настоящее приводят к «эмоциональному перенасыщению прошлого» [3, с. 32]. Отсюда – войны памяти, идущие во многих восточноевропейских странах (и между ними). Особенно ожесточенные мемориальные конфликты пришлись на начало XXI века. Общество пыталось выработать для себя ориентиры будущего, что неизбежно приводит к поиску опоры в прошлом, только вот понимание прошлого бы-

ло крайне неудобным для построения либерального проекта общеевропейского будущего – и его (прошлое) переписали. Именно тогда во многих европейских странах возникли институты «национальной памяти», а по образцу мемориального закона о недопустимости отрицания Холокоста были приняты законы о закреплении определенного понимания событий XX века. Возникла тенденция к законодательному установлению исторической истины, а мы, как всегда, это начинание пропустили, продолжая наивно верить в то, что «каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение» (ст. 33 Конституции Республики Беларусь). Оказывается, можно закрепить на законодательном уровне фальсификацию истории – и упрекать нас в замалчивании прошлого. Можно, несмотря на решения Нюрнбергского трибунала, прописать в национальные герои нацистских палачей, и в ответ на справедливое возмущение казуистически отписаться, как это сделал польский институт национальной памяти, реабилитировав Ромуальда Райса по кличке Бурый, под чьим руководством были убиты минимум 79 православных белорусских крестьян (это только те случаи, что доказаны и не отрицаются даже польской стороной), что он не преступник, он лишь «создал ситуацию, в результате которой, независимо от его намерений, люди, которые ни при каких обстоятельствах не должны были пострадать, были убиты»[1]. И, кстати, польский «историк» Казимеж Краевский и адвокат Гжегож Висовский в оправдание Райса заметили, что он, дескать, мог сжечь куда больше белорусских деревень в повете Бельск-Подляшский, и убить не восемь десятков мирных жителей, а значительно больше. Так что, за незначительностью ущерба, считать его невиновным. Кстати, маленький штрих к портрету «героя»: арестованный в 1948 году Райс тут же выдал местонахождение своего заместителя подпоручика К. Хмелевского, на которого попытался переложить ответственность за свои злодеяния. Не менее одиозна, к примеру, и фигура Герберта Цукурса, латвийского летчика, гауптштурмфюрера СС, героизация которого в Латвии сорвалась благодаря энергичным протестам Израиля. Доказательств его причастности к массовым казням евреев было достаточно, тем не менее, в Латвии выпустили и марки с его изображением, и мюзикл поставили в 2014 году, назвав, правда, позднее, все это «частной» инициативой.

На фоне гигантских масштабов переписывания истории в западном мире наконец и в Российской Федерации стали возникать проекты защиты своей информационной и государственной безопасности, в том числе – защиты исторической памяти [4, с. 67]. В 2014 году Государственная Дума приняла Федеральный закон 128-ФЗ, внесший поправки в УК РФ, где появилась статья 354.1. – «Реабилитация нацизма». Отныне «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, со-

вершенные публично», – наказывается по закону [6]. В 2020 году Россия завершила этот процесс, добавив в обновленную Конституцию РФ часть 3 статьи 67: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значение подвига народа при защите Отечества не допускается» [2, с.20]. Если учесть, что институт национальной памяти, к примеру, в Польше, начал действовать в 1999 году, можно считать, что с поправками в УК и конституцию Россия опоздала минимум на 15–20 лет. Уже выросло поколение, у которого сформировано отрицательное представление о прошлом своей страны. Это поколение вступает в репродуктивный возраст, а значит, на повестке дня остро стоит вопрос о том, чтобы не упустить и следующее поколение.

В Беларуси задумались о потенциальной угрозе национальной безопасности только сейчас. Комплексный закон о «Недопущении реабилитации нацизма» был принят во втором чтении Национальным Собранием Республики Беларусь в апреле 2021 года. Мы тоже опоздали на 20 лет. Мы опять готовы к «прошедшей войне».

В прошлом каждой страны есть «удобные» и «неудобные» исторические страницы. Это диалектика, источником развития могут выступать только противоречия, в любой борьбе всегда есть проигравшие. Недопустимо односторонне рассматривать историю, превращая ее в поле для коллективного покаяния. Наши «зарубежные партнеры» наловчились виртуозно использовать практику двойных стандартов, навязывая нам, как наследникам своих дедов и прадедов, ощущение «национальной вины» за те или иные, бесспорно, сложные и страшные события XX века – за ГУЛАГ, за «оккупацию» Европы, за пражскую весну и т.д., нередко существенно преувеличивая их масштабы. С позиции риторики тот, кто оправдывается, всегда находится в заведомо проигрышном положении. Пора перенимать «передовые технологии» и не стесняться напоминать нашим соседям, что и в их историческом прошлом были «позорные» страницы, нужно только поискать. Польша возмущается пактом «Молотова-Риббентропа»? Почему бы польским гражданам не покаяться за соучастие в разделе Чехословакии в 1938 году? Обсуждая со студентами вопросы исторической памяти на занятиях по политологии и идеологии, регулярно провожу устные опросы и наблюдаю стандартную ситуацию: о пакте Молотова-Риббентропа слышали все, большая часть смутно представляет его содержание, и только единицы знают об ультиматуме Польши относительно Тешинской области Чехословакии, где проживали около 120 тысяч этнических чехов и 80 тысяч поляков. 1 октября 1938 года Германия оккупирует Судеты, в тот же день Польша вводит в Тешинскую область свои войска. Можно услышать возражения, что Чехия несправедливо приобрела права на эту территорию в 1920 году, воспользовавшись сложным положением Польши, и в 1938 произошло историческое воссоединение народа. Историческая параллель здесь достаточно очевидна, а вот отношение к событиям – противоположно.

Россию упрекают за депортацию татар, ингушей и т.д.? Да, это не слишком славная страница российского прошлого. Но давайте вспомним о принудительном выселении 12–14 миллионов немцев из Польши в 1945–1950 гг., о депортации немцев из Чехословакии в 1945-1946 гг., о Брюннском марше смерти, о трагедии в городе Ауссиг и т.д. Полмиллиона погибших – чем не масштаб трагедии, куда там Катыни. Но про Катынь студенты знают, а про депортацию немцев с территории стран Восточной Европы после окончания Второй Мировой войны – нет.

Таким образом, пора признать очевидное: мы снова на войне. И мы эту войну пока проигрываем. Законодательное закрепление исторической памяти не спасает от манипуляций. Только продуманная и последовательная стратегия битвы с идеологическим противником на его территории малой кровью может исправить ситуацию. Если мы опять остановимся у самой Москвы – «оккупированную» историческую память придется отбивать неимоверным напряжением сил и ценой больших духовных потерь.

Список литературы:

1. Институт национальной памяти [Электронный ресурс] / Институт национальной памяти. Польша. – Варшава 2021. – Режим доступа: https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/24154,O-IPN.html . – Дата доступа 06.10.2021
2. Конституция РФ с изменениями, одобренными общероссийским голосованием. - Москва: Издательство АСТ, 2020. – 64 с.
3. Копосов, Н.Е. Память строгого режима /Н.Е. Копосов – Москва, Новое литературное обозрение, 2011.- 315 с.
4. Противодействие попыткам фальсификации истории России: научные и законодательные аспекты. М.: Издание Государственной Думы, 2020. - 160 с.
5. Столяров, А.М. Освобожденный Эдем / А.Мэ Столяров – М.: «АСТ», «Хранитель»; СПб.: «Terra Fantastica», 2008 - 416 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) - [Электронный ресурс] / Уголовный кодекс. Россия. – Москва 2021. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ - Дата доступа 06.10.2021

Казак О.Г.

ПАРАДОКСЫ «ДЕКОММУНИЗАЦИИ» В ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ УКРАИНЫ

Ключевые слова: политика памяти, «декоммунизация», Украина, Закарпатская область, национальная идентичность.

Негативное отношение к советскому этапу истории является важным компонентном политики национальной памяти независимой Украины. Данная тенденция с разной интенсивностью проявлялась в периоды всех руководителей украинского государства и достигла наивысшего развития после событий 2014 гг. Весной 2015 г. Верховная Рада Украины приняла Закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического

(нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики», получивший неофициальное название «закон о декоммунизации». В нормативном правовом акте детально объяснялось, какие именно символы, изображения, имена, памятные знаки, относящиеся к коммунистическому прошлому, должны быть изъяты и запрещены к употреблению в публичной сфере. По всей стране развернулась кампания «декоммунизации» символического пространства: при органах местной власти создавались комиссии, задачи которых заключались в тотальной ревизии топонимики и «зачистке» населенных пунктов от памятных знаков, напоминающих о коммунистическом режиме. Социологические опросы засвидетельствовали невысокий интерес к проблеме граждан, которые резонно считали, что государство должно решать более насущные вопросы. Многие эксперты и представители общественности отмечали, что осуждение всего советского периода может привести к «нелепым и несправедливым последствиям» в свете возможных преследований за позитивные оценки советского периода, которые можно было истолковать как «пропаганду» коммунизма [2, с. 471–476]. Данные опасения оказались небеспочвенными, что особенно ярко проявилось в ситуации в Закарпатской области.

Закарпатская область (исторические названия – Подкарпатье, Угорская Русь, Подкарпатская Русь) вошла в состав Советской Украины в 1945 г. До этого регион входил в состав монархии Габсбургов (до 1918 г.), Чехословакии (межвоенный период), хортистской Венгрии (1938–1944 гг.). Местное восточнославянское население окончательно приняло украинскую модель национальной идентичности только во второй половине XX в. В межвоенный период украинофилы с переменным успехом боролись за влияние на жителей края с русофильской интеллигенцией, представители которой считали русинов частью общерусского культурно-цивилизационного единства, выступали за использование русского языка в различных сферах общественной жизни. В годы Второй мировой войны, когда Закарпатье входило в состав Венгрии, на официальном уровне декларировалась идея существования отдельного русинского народа, который мог развиваться исключительно в рамках венгерского государства. В это время именно коммунистические деятели (члены Коммунистической партии Чехословакии, Коммунистической партии Венгрии, Коминтерна и др.) оставались наиболее последовательными сторонниками идеи украинской национальной природы населения края. Так, в инструкции Политического секретариата Коминтерна от 13 августа 1927 г. отмечалось: «Центральным комитетом Коммунистической партии Чехословакии рекомендуется принять к сведению заявление Краевой организации Закарпатской Украины о том, что как в отношении языка, школы, так и национальности закарпатские товарищи объявляют себя украинцами. В соответствии с этим товарищам из Коммунистической партии Чехословакии рекомендуется избегать в печати, в парламенте, на собраниях старую терминологию «русины», «Закарпатская Русь» и т.п.» [8, л. 56]. Коммунистические газеты

одни из первых в культурном пространстве Закарпатья отказались от традиционного этимологического письма и начали использовать украинское фонетическое правописание. Один из лидеров коммунистов И. Мондок с парламентской трибуны 20 октября 1926 г. обвинял в Прагу в недостаточном внимании к украинской культуре [1, с. 85–94]. Местные власти, однако, проигнорировали проукраинскую позицию исторического деятеля: решением Ужгородской городской Рады в 2017 г. улица И. Мондока была переименована в улицу А. Капуша (военнослужащий, уроженец г. Ужгорода, погибший в 2015 г. в ходе боевых действий на востоке Украины) [5].

В процессе «декоммунизации» в Закарпатской области наиболее дискутируемым являлся вопрос об увековечивании памяти А. Борканюка (один из лидеров коммунистического движения в крае, ярый сторонник украинской национальной природы жителей Закарпатья, в 1939 г. эмигрировал в СССР, в 1942 г. был десантирован из Москвы в Закарпатье для организации партизанского движения, арестован и казнен; в советское время был одним из главным объектов героизации). В рекомендациях Закарпатской областной государственной администрации (2015 г.) отмечалось, что «из всех коммунистических деятелей Закарпатья, имена которых носят геонимы края, …не подлежат переименованию лишь те, которые носят имя А. Борканюка» [3]. На практике, однако, улицы А. Борканюка были переименованы в ряде населенных пунктов (например, в г. Рахов [6], г. Мукачево [4]). В то же время во многих населенных пунктах Закарпатской области (в частности, в г. Ужгороде) сохранились улицы, названные в честь педагога и ученого П. Линтура. После освобождения Закарпатья войсками Красной Армии он был одним из активистов движения, выступавшего за создание самостоятельной Карпаторусской республики в составе СССР или присоединение края не к УССР, а к РСФСР (данная позиция была изложена в письме И.В. Сталину). В характеристике П. Линтура, составленной представителями Красной Армии, отмечалось: «Выступает за воссоединение с СССР, но по вопросу воссоединения с СССР часто допускал ошибки, утверждая, что русины – русские, а не украинцы» [7, л. 53–54]. Подобные факты свидетельствуют о непоследовательности политики «декоммунизации».

Таким образом, многие факты переименований топонимов в Закарпатской области Украины в рамках политики «декоммунизации» видятся абсурдными, так как представляют собой отказ от коммеморации исторических деятелей, которые являлись наиболее последовательными сторонниками украинской идентичности восточнославянского населения региона.

Список литературы:

1. Казак, О. Г. Роль Коминтерна и Коммунистической партии Чехословакии в формировании украинской национальной идентичности восточнославянского населения Подкарпатской Руси / О. Г. Казак // История. Научное обозрение. Ostkraft / отв. ред. М. А. Колеров. – М., 2020. – № 13. – С. 83–99.

2. Касьянов, Г. Украина и соседи: историческая политика, 1987–2018 / Г. Касьянов. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 632 с.

3. Піпаш, В. Два села та 558 вулиць, площ і провулків на Закарпатті мали би змінити назви [Электронный ресурс] / В. Піпаш. – Режим доступа: https://zakarpattya.net.ua/Blogs/143392-Dva-sela-ta-558-vulyts-ploshch-i-provulkiv-na-Zakarpatti-maly-by-zminyty-nazvy. – Дата доступа: 04.10.2021.

4. Про перейменування назв вулиць міста [Электронный ресурс] : Рішення Мукачівської міської Ради, 29 листопада 2018 р., № 1217. – Режим доступа: https://mukachevo-rada.gov.ua/npas/pro-pereymenuvannya-nazv-vulits-mista-4. – Дата доступа: 04.10.2021.

5. Про упорядкування назв вулиць, провулків, площ міста [Электронный ресурс]: Рішення Ужгородської міської Ради, 12 вересня 2017 р., № 750. – Режим доступа: https://rada-uzhgorod.gov.ua/uploads/sites/2/2017/09/750-perelik-vulyts_18.09.2017.pdf. – Дата доступа: 04.10.2021.

6. Протокол громадських слухань по перейменуванню вулиць Борканюка, Івана Доробана та Партизанська у місті Рахів [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rakhiv-mr.gov.ua/protokol-hromadskyh-sluhan-po-perejmenuvannyu-vulyts-borkanyuka-ivana-dorobana-ta-partyzanska-u-misti-rahiv/. – Дата доступа: 04.10.2021.

7. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 53–54.

8. РГАСПИ. – Ф. 495. Оп. 103. Д. 112. Л. 56.

Комзолов И.Ю.

ЛИЧНОСТЬ ГЕНЕРАЛА ЛЮЦИАНА ЖЕЛИГОВСКОГО В ИСТОРИОГРАФИИ

Ключевые слова: Люциан Желиговский, Срединная Литва, историография.

Персона генерала Л. Желиговского, уроженца Ошмянского повета Виленской губернии (ныне – Сморгонский район Гродненской области), польского генерала и главы Срединной Литвы, представляется весьма значимой фигурой в истории Польши, Литвы и Беларуси первой четверти XX века. Личность и деятельность Л. Желиговского имеет неоднозначную оценку в историографии государств-соседей. Цель работы – выявить подходы к характеристике биографии и взглядов Л. Желиговского в историографиях Польши, Литвы и Беларуси.

Польская историография в соответствии с национальной идей старательно стремится приписать персону Л. Желиговского исключительно своей стороне и представить его действия в контексте борьбы за создание Польского государства. Среди польских историков (Wiesław B. Łach, Barbara Gumowska, Dariusz Fabisz) распространено мнение, что «мятеж Желиговского» (8 октября 1920 г.), предпринятый 1-ой белорусско-литовской дивизией за два дня до ратификации Сувалковского соглашения (принято 7 октября, но вступило в силу 10 октября 1920 г.), которое устанавливало польско-литовскую границу по «линии Фоша», был заранее спланированной акцией Ю. Пилсудского, разработанной еще в конце сентября 1920 года, а генерал выполнял лишь поставленную маршалом задачу [5]. В частности, наиболее известный исследователь деятельности Л. Желиговского Dariusz Fabisz также указывает, что генерал помогал осуще-

ствить Майский переворот 1926 года, возглавив войска на учениях под Варшавой, в качестве доказательства приводятся послевоенные мемуары Ю. Пилсудского, в которых значится, что именно маршал отдал приказ о занятии Вильно [2].

Авторитетные польские историки (Jerzy Jan Lerski, B. Kolarz) считают, что созданная генералом Срединная Литва (12 октября 1920 – 22 марта 1922 г.) была лишь марионеточным государством, сформированным с целью дальнейшего присоединения к Польше [6]. Последователи такого подхода к деятельности Л. Желиговского не берут во внимание ярко выраженную «краёвую» (литвинскую) позицию генерала, нашедшую отражение в его воззваниях к солдатам 1-ой белорусско-литовской дивизии, листовках, в которых он разъясняет значение государственного герба и флага Срединной Литвы [3], его мемуарах «Wojna w roku 1920. Wspomnienia i rozważania» [8], литературных трудах «O idee słowiańska» [7], «Zapomniane prawdy» [9] и воспоминаниях.

На основании этих противоречивых фактов среди польских историков не сформировалось единого мнения по данному вопросу.

Представители литовской историографии резко осуждают действия генерала и стремятся представить его, как и многих белорусско-польских деятелей описываемого периода, в образе поляка-захватчика, врага, самовольно нарушившего мирное соглашение (Сувалковское соглашение) и вторгшегося в Литовскую Республику. Большое значение литовские историки (Gintautas Vilkelis, Pranas Čepėnas) придают последствиям действий Желиговского (истории межвоенной Литвы) и дипломатической борьбе за возвращение Вильно («Виленский вопрос») [4], разгоревшейся после присоединения Срединной Литвы к Польше (18 апреля 1922 г.), в частности подробно описывается ряд дипломатических неудач, постигших государство в межвоенный период (признание границ Польши решением Лиги Наций от 3 февраля 1923) проблематика польско-литовских переговоров осенью 1925 г. и весной 1928 г. и восстановление отношений после кризиса 1927 г. [1].

Персона Л. Желиговского не нашла должного отражения в белорусской историографии, значимых исследований его биографии и деятельности не проводилось, генерал воспринимается исключительно как поляк, сражающийся за польское дело и имеющий опосредованное отношение к Беларуси. Единственные упоминания приводятся только в общих исследованиях белорусско-польских отношений первой половины XX века и кратких статьях на интернет-ресурсах, а также в публицистике, где генерал предстает как белорусский деятель, но данные работы не имеют под собой научного обоснования и написаны преимущественно публицистами. Среди значимых публикаций мы можем отметить статьи А. Трусова [10], где отражена «краёвая» позиция генерала и его приязненное отношение к белорусскому движению, впервые приводятся оценки деятельности Желиговского и создание Срединной Литвы видными представителями национальной интеллигенции (А. Луцкевичем, руководителем отдела белорусского

образования в департаменте просвещения Срединной Литвы Б. Тарашкевичем, историком В. Ластовским, А. Смоличем), показано как освещался этот вопрос в прессе (статьи в газете «Звон») и отразились данные события в народной памяти (поэма Камилы Макрецкой «1919 год, або Песня пра Літоўска-Беларускія дывізіі»).

Таким образом, наиболее основательные работы о личности Л. Желиговского написаны польскими историками, которые, тем не менее, рассматривают персону и деятельность генерала весьма однобоко. Внимание литовских историков сконцентрировано на более актуальных для них темах (Виленский вопрос, оформление нации в первой половине XX века). Личность Л. Желиговского остается на втором плане. В белорусской историографии сколько-нибудь масштабные работы о личности генерала и его позиции в ходе советско-польской войны отсутствуют. Он не воспринимается в качестве деятеля белорусской истории, очевидно из-за значительных расхождений во взглядах с национальной интеллигенцией и несоответствия его идей и принципов реалиям современного ему времени.

В своих речах и литературных произведениях Л. Желиговский никогда не употребляет термин «белорус» по отношению к самому себе, но широко применяет этноним «литвин» для обозначения национальной принадлежности [9]. В представлении генерала историческая Литва – это территории Виленщины, Лидщины и Гродненщины, а в более широком смысле – и вся Беларусь, жителей которой он называет «тутэйшыя» (самоназвание части белорусских крестьян в период XIX – начала XX века). Анализ мемуаров и «Забытых истин» Л. Желиговского дает четкое представление, что Литва для него имела сакральное значение.

По вопросу формы государственного устройства Срединной Литвы у генерала тоже возникли значительные расхождения с представителями белорусского национального движения. Основной целью он видел возрождение Великого княжества Литовского в форме федерации (в соответствии с федералистской концепцией Ю. Пилсудского) [9].

Идеи генерала Л. Желиговского, не имевшие значительной общественной поддержки, были забыты. Несмотря на их утопичность, очевидно, что его сердце всю жизнь болело за родину, которой он стремился вернуть былое величие, но которой не суждено было возродиться.

Список литературы:

1. Čepėnas, P. Naujųjų laikų Lietuvos istorija / Pranas Čepėnas. – Chicago : Dr. Griniaus fondas, 1986. – T. II. – S. 657–660.

2. Dariusz, F. Generał Lucjan Żeligowski 1865–1947. Działalność wojskowa i polityczna / F. Dariusz. – Warszawa: DiG, 2007. – 374 s.

3. Dziennik Urzędowy Tymczasowej Komisji Rządzącej. Litwa Środkowa. R. 1, nr 1 (17 listopada 1920). − Режим доступа : https://polona.pl/item/dziennik-urzedowy-tymczasowej-komisji-rzadzacej-litwa-srodkowa-r-1-nr-1-17-listopada,ODQ3Mjg1MjU/8/#info:metadata.

4. Gintautas, V. Lietuvos ir Lenkijos santykiai Tautų Sąjungoje / Vilkelis Gintautas. – Vilnius : Versus aureus, 2006. – 224 s.

5. Gumowska, B. Opowieść o gen. broni Lucjanie Żeligowskim. Cz. 1, Lata 1865–1920 / B. Gumowska. – Bydgoszcz, 1994. – 104 s.
6. Kolarz, B. Ustrój Litwy Środkowej w latach 1920–1922 / B. Kolarz. – Gdańsk : Wydaw. Uniwersytetu Gdańskiego, 2004. – 218 s.
7. Żeligowski, L. O idee słowiańska / Lucjan Żeligowski. – Londyn : F. Mildner & Sons, 1941. − 29 s.
8. Żeligowski, L. Wojna w roku 1920: wspomnienia i rozważania / Lucjan Żeligowski. – Warszawa : Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1990. – 157 s.
9. Żeligowski, L. Zapomniane prawdy / Lucjan Żeligowski. – Londyn : F. Mildner & Sons, 1943. – 43 s.
10. Трусаў А. Сярэдняя Літва // Наша слова. – 2004. – № 28 (663). – 21 ліп.

Косов А.П.

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТОК-ШОУ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПО ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И США

Ключевые слова: Россия, США, ток-шоу, информационная борьба, общественность, эксперты.

В последние годы на российском телевидении появился ряд общественно-политических передач, известных как ток-шоу, на которых обсуждаются актуальные проблемы внутренней и внешней политики России, а также текущая ситуация на мировой арене. Впервые программа в жанре ток-шоу появилась на американском телевидении в 1967 г. Ее ведущим стал Ф. Донахью. С первых же выпусков “Phil Donahue Show” заинтересовало телезрителей, а Ф. Донахью стал одним из самых популярных телеведущих в США [2, с. 235]. В России ток-шоу получили активное развитие лишь в 1990-е гг. До 2014 г. на российском ТВ было пять передач, которые в той или иной степени можно отнести к общественно-политическим ток-шоу: «Политика» с Петром Толстым (2013 г., Первый канал), «Поединок» (2010–2014 гг., Россия 1), «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» (2012 г., Россия 1), «Специальный корреспондент» (2002 г., Россия 1), «Право голоса» (2012 г., ТВЦ) [3, с. 165]. Сегодня широкую известность у телезрителей получили такие общественно-политические ток-шоу, как «Вечер с Владимиром Соловьевым» (Россия 1), «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» (Россия 1), «60 минут» (Россия 1), «Время покажет» (Первый канал), «Большая игра» (Первый канал), «Своя правда» (НТВ), «Место встречи» (НТВ), «Право знать» (ТВЦ) и др. Анализ рейтинговых показателей общественно-политических ток-шоу показывает устойчивый интерес зрителей к подобным проектам.

Одной из наиболее обсуждаемых внешнеполитических тем на российском телевидении стала проблема взаимоотношений России и США. Ей посвящены многие выпуски общественно-политических ток-шоу. О по-

ведении Соединенных Штатов на мировой арене рассуждают политики, чиновники, ученые, эксперты, журналисты. Их дискуссии, в свою очередь, влияют на умонастроения рядовых обывателей, являющихся телеаудиторией названных передач.

Цель представленной публикации – показать влияние политических ток-шоу на восприятие россиянами образа США и российско-американских отношений.

Обострение международной обстановки, в центре которого находится ухудшение российско-американских отношений, предоставляет широчайшее поле деятельности для подобных программ. Для большинства ток-шоу характерна акцентированность на самых актуальных текущих проблемах взаимоотношений Москвы и Вашингтона.

Вполне можно согласиться с постоянным участником подобных ток-шоу Г. Мирзаяном в том, что они являются единственным на сегодняшний день инструментом политического всеобуча, донесения актуальных новостей и трендов мировой политики до миллионов россиян [4].

Характерной приметой общественно-политических передач является выполнение социального госзаказа. При всем разнообразии представленных на ток-шоу мнений, здесь очень четко звучит именно государственная позиция, которую выражают их ведущие. Зачастую со стороны ведущих ток-шоу идет манипулирование сознанием аудитории. Особенно показательными являются реплики В. Соловьева, О. Скабеевой, А. Шейнина, Д. Куликова, задающие рамки дискуссии в категориях добро – зло, свой – чужой, белое – черное и т.д. Тем самым они повторяют сценарии своих западных коллег с той лишь разницей, что меняют плюсы на минусы. Их цель создать у российской общественности устойчивый образ врага или противника в лице Соединенных Штатов. И, по сути, в большинстве случаев им это успешно удается, что полностью отвечает интересам политических кругов страны.

Правда, существенным недостатком ток-шоу является то, что почти все передачи используют один, к тому же достаточно ограниченный, список экспертов. Несмотря на то, что периодически в эфире появляются новые лица, в основном из выпуска в выпуск мы наблюдаем одних и тех же участников. Одни из них являются сторонниками действующей власти, другие – критиками. Делается это с целью, чтобы сравнить мнения людей, находящихся «по разные стороны баррикад». При этом часть из них – дилетанты, которые нередко слабо разбираются в обсуждаемых проблемах. Особенно выделяются так называемые «всезнайки», поверхностно ориентирующиеся в данном случае в специфике российско-американских отношений и внешней политике США, но активно вступающие в дебаты с более квалифицированными оппонентами и стремящиеся их перекричать, чтобы доказать свою «правоту». К сожалению, в общественно-политических ток-шоу жанр дискуссии приобрел не свойственные ему признаки и превратился в сумбурный диспут с обвинениями и оскорбительными высказываниями участников передачи в адрес друг друга [2, с. 237].

Как правило, в каждой передаче присутствуют чиновники и депутаты, которые формулируют государственную позицию. Среди наиболее частых гостей ток-шоу можно назвать М. Захарову, В. Жириновского, О. Морозова, Л. Калашникова, А. Пушкова, В. Никонова, А. Журавлева, А. Хинштейна и др. Они доносят до телезрителей официальную линию поведения страны, а иногда некоторые из них, как, например, В. Жириновский, призывают даже к более радикальным действиям.

Вторую группу участников ток-шоу представляют эксперты из числа патриотов – С. Кургинян, Н. Стариков, С. Марков, М. Симоньян, К. Шахназаров, М. Делягин, Д. Абзалов, В. Третьяков, Е. Сатановский, С. Багдасаров, О. Барабанов, С. Михеев, Д. Куликов, Д. Дробницкий, С. Караганов, Д. Евстафьев, А. Сидоров, В. Корнилов, И. Коротченко и др. Их главный тезис заключается в том, что причиной ухудшения российско-американских отношений и нестабильности на мировой арене является исключительно поведение США, которые своими действиями дестабилизируют систему международных отношений.

Третья группа состоит из либералов, которые считают, что и Россия, и США виноваты в сложившейся ситуации в равной степени, поэтому они должны сделать шаги навстречу друг другу для выхода из кризиса. Они позволяют себе критиковать и Москву, и Вашингтон, но при этом не допускают жесткой критики ни в адрес России, ни в адрес США. К их числу можно отнести Д. Тренина, С. Станкевича, В. Рыжкова, А. Наумова, М. Юсина, Т. Пархалину, Г. Мирзаяна, А. Сытина, А. Никулина и др.

Четвертая группа участников российских ток-шоу представлена иностранцами – американцами, англичанами, поляками, немцами, чехами, израильтянами и др. Отдельно можно отметить украинских экспертов, поскольку с 2014 г. тема Украины неоднократно оказывалась в центре внимания всех общественно-политических ток-шоу. Как правило, иностранные журналисты (например, американцы М. Бом, М. Наклз, М. Васюра и др.), приглашенные на программу, не ведут конструктивного диалога с ведущими, настроены враждебно к России, иногда пытаются оскорбить своих оппонентов и ведут себя агрессивно. Их цель – принизить роль РФ в мире, создать определенный негативный образ и отношение к России [2, с. 236]. Живущего с 1993 г. в Вашингтоне американиста Н. Злобина на политических ток-шоу также представляют как американца. Возникает резонный вопрос: почему в таком случае на политические ток-шоу приглашают либералов, русофобов и прочих непатриотов? Ответ прост: они делают каналам рейтинги, а это реальные деньги. Если пригласить одних патриотов, то каждый выскажет свое мнение в защиту внешнеполитической линии России или даже выступит с призывом к более жестким действиям. В результате никакой интриги, что негативно скажется на рейтингах. Поэтому и зовут на эти передачи людей с альтернативной точкой зрения [2, с. 240]. Ведущие и провластные эксперты разносят их позицию в пух и прах. По сути, иностранцы, критикующие позицию РФ, как и многие

российские либералы, выступают в качестве своеобразных «мальчиков для битья». Зрителям это нравится, а рейтинги ток-шоу растут. В выигрыше остаются и приглашенные гости, многие из которых получают за участие в передачах приличные деньги [1].

Российские ток-шоу, выходящие на федеральных каналах, – «Вечер с Владимиром Соловьевым», «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», «60 минут», «Время покажет», «Большая игра», «Своя правда», «Место встречи», «Право знать» – формируют повестку дня в соответствии с национальными интересами РФ. Ведущие и приглашенные в эфир гости отстаивают государственную позицию страны на мировой арене, пытаясь дискредитировать альтернативные точки зрения, принадлежащие критикам официальной линии, из числа российских либералов и иностранных экспертов.

На наш взгляд, наиболее профессиональными экспертами представлена передача «Большая игра» на Первом канале. Во-первых, ее ведущими являются люди, профессионально разбирающиеся в российско-американских отношениях, – депутат Госдумы, известный американист В. Никонов и директор Центра Никсона в Вашингтоне Д. Саймс. Во-вторых, частыми гостями в студии «Большой игры» бывают также американисты и международники – А. Пушков, А. Мигранян, Д. Суслов и др. В-третьих, за комментариями по поводу развития двусторонних отношений и внешнеполитического поведения РФ и США ведущие постоянно обращаются к российским и американским экспертам и дипломатам.

Таким образом, общественно-политические ток-шоу являются одним из инструментов информационной борьбы с коллективным Западом, особенно с США. Они стали российским ответом на западную пропаганду, которая обвиняет Россию в дестабилизации мирового порядка. В первую очередь, указанные передачи направлены на внутреннюю аудиторию с целью формирования у россиян общественной позиции относительно США и развития российско-американских отношений. Тем самым стороны вернулись к черно-белому восприятию мира.

Список литературы:

1. Голованов, Р. Антироссийские эксперты в телешоу готовы терпеть побои за хороший гонорар [Электронный ресурс] / Р. Голованов // Комсомольская правда. – 2017. – 14 октября. – Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/26744.7/3772307/. – Дата доступа: 03.10.2021.

2. Грабельников, А.А. Политические ток-шоу на российских телеканалах / А.А. Грабельников, Н.С. Гегелова // Вестн. РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2018. – Т. 23, № 2. – С. 234–245.

3. Долгова, Ю.И. Феномен популярности общественно-политических ток-шоу на российском ТВ осенью 2014 г.− весной 2015 г. / Ю.И. Долгова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2015. – № 6. – С. 162−177.

4. Мирзаян, Г. Почему России нужны политические ток-шоу [Электронный ресурс] / Г. Мирзаян // Сноб. – 2021. – 6 января. – Режим доступа: https://snob.ru/entry/202375/. – Дата доступа: 30.09.2021.

Ксенофонтов В.А.

СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА В ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ

Ключевые слова: национальная безопасность, «цветная революция», «гибридная война», информационное противоборство, стратегия сокрушения, стратегия измора, культурно-мировоззренческая сфера.

Глобализация и информационно-коммуникационная революция при сохранении фактора военной силы в межгосударственных отношениях привели к качественному изменению смысла и целей современных военных конфликтов. Процессы трансформации конфликтов оказывают решающее влияние на философию и психологию войны.

Распространенным типом современного конфликта становится гибридный военный конфликт, который меняет логику современной войны. В интересах сохранения и развития государства важно уяснить причинно-следственные связи между войной, национальной безопасностью, гражданско-военными отношениями и гуманитарным знанием [4].

Обратим внимание, что конечной целью «гибридной войны» (далее – ГВ) является не завоевание и оккупация территории противника, а воздействие на сознание народа и переформатирование его культурно-мировоззренческой сферы в интересах глобального хозяина, строящего новый мировой порядок. Все большее значение на характер международной обстановки оказывает усиление глобального информационного противоборства, обусловленное стремлением ряда стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории. Идет, по словам ученого А. М. Ильницкого, ментальная война [3].

Западные стратеги активно используют в современных конфликтах комплекс средств по оказанию информационно-психологического воздействия, приводящего к дестабилизации внутриполитической и социальной стабильности в различных регионах мира и к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности государств [1].

Одним из главных объектов информационной войны (далее – ИВ) являются общественное и индивидуальное сознание и подсознание населения и личного состава ВС, в основе которого лежат национальные ценности и национальные интересы государства-жертвы. Именно на подмену национальных ценностей и национальных интересов ложными интересами и ценностями, на их полное разрушение в ходе ГВ и «цветной революции» направляется совокупность подрывных операций [1, с. 175].

В условиях, когда полномасштабная война является нерациональной, в политическом и военном руководстве США сформировалась стратегия войны нового типа – ГВ, нацеленная не на разгром противника, а на его

«удушение», лишение его субъектности и снятие с исторической арены. Антропосфера становится важнейшим театром современной войны [5].

Как отмечает, член-корреспондент АВН А. А. Бартош, ИВ война как важная составная часть «цветной революции» и ГВ представляет собой способ воздействия на информационное пространство противоположной стороны для достижения стратегических целей за счет хаотизации ключевых сфер деятельности людей: сферы административно-государственного (политического) управления; культурно-мировоззренческой сферы; социально-экономической сферы [1, с. 177].

Акцентируем, что *главное внимание в ходе ИВ уделяется размыванию философской и методологической культуры народа государства-противника*, хаотизация его сознания, подрыва доверия к лидерам и уверенности в будущем, разрушению системы национальных ценностей и интересов, внедрению ложных экономических и нравственных установок. Современные конфликты приобретают многомерный характер, включая информационное, финансовое, экономическое, дипломатическое и специальное воздействие на противника в реальном масштабе времени.

Общим для стратегий «цветной революции» и ГВ является информационно-психологическое воздействие на противника в ходе ИВ, ведущейся в соответствии с избранной стратегией. При этом, цели, интенсивность и содержание информационных операций будут разными, они могут быть раскрыты при анализе базовых стратегий любого вида войн – стратегий сокрушения и измора. Кратко рассмотрим эти стратегии.

Стратегия ИВ применительно к **«цветной революции»** представляет собой частный вид стратегии непрямых действий и включает систему политических, социально-экономических, информационно-идеологических и психологических мер воздействия на сознание населения страны, личного состава правоохранительных органов и ВС с целью подрыва власти за счет провоцирования акций массового гражданского неповиновения, последующего свержения правительства и перевода страны под внешнее управление. Важной задачей является разработка комплекса ложных национальных ценностей и интересов, которые за счет умелого манипулирования сознанием последовательно внушаются населению и правящей элите. Наступательный характер, высокие темпы реализации комплекса мероприятий ИВ, ориентированных на достижение успеха в сжатые сроки, позволяют отнести ее к *стратегии сокрушения.* Данный вид агрессии («цветная революция») направлен на осуществление государственного переворота и смену власти.

Результатом проведения комплекса информационных операций при подготовке и в ходе «цветной революции» является военно-политическая, социальная, экономическая нестабильность и турбулентность, которая создается за счет умелого использования внутренних и внешних факторов для провоцирования недовольства населения и массовых выступлений.

Отметим, что сценарий развязанной в 2020 году «цветной революции» в Беларуси как фазы гибридной агрессии детально проанализирован в пособии под редакцией профессора Н. Е. Бузина [2].Так как, удар по власти, характерный для «цветной революции» не всегда достигает цели, в этом случае применяется стратегия ГВ, нацеленная на изнурение страны-жертвы и осуществляемая с использованием широкого спектра действий.

В **«гибридной войне»** для решения задач непрямого воздействия на противника используется информационная стратегия, представляющая собой разновидность *стратегии измора.* Следуя этой стратегии в ходе ИВ, государство-противник на протяжении длительного периода времени тайно, без формального объявления войны использует технологии информационно-психологического воздействия в интересах нарушения единства и территориальной целостности государства, дестабилизации внутриполитической и социальной ситуации. Важное место отводится разрушению традиционных духовно-нравственных ценностей, переформатированию культурно-мировоззренческой сферы. Деструктивные информационно-коммуникационные технологии ориентируются в первую очередь против военно-политического руководства, национальных элит, молодежи, личного состава ВС и в целом населения страны-мишени [1, с. 183].

Важной составляющей стратегии ИВ, направленной на измор и изнурение противника, является оказание давления на руководство и население страны путем целенаправленного воздействия на военную сферу национальной безопасности.

Таким образом, в основе сочетания стратегий сокрушения и измора лежат механизмы поэтапного усиления и эксплуатации критичности с целью хаотизации обстановки в стране-мишени. Только создание комплексного учения о войне и постоянный анализ технологий насилия будут способствовать обеспечению национальной безопасности.

Список литературы:

1. Бартош, А. А. Гибридная война: учебное пособие / А. А. Бартош. – М.: КНОРУС, 2021. – 306 с.

2. Бузин, Н. Е. «Цветная революция» в Республике Беларусь: особенности и механизм реализации: пособие / Н. Е. Бузин [и др.]. – Минск: НИИ ВС РБ, 2020. – 98 с.

3. Ильницкий, А.М. Ментальная война России / А.М. Ильницкий // Воен. мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.

4. Ксенофонтов, В.А. Война, национальная безопасность, гражданско-военные отношения, гуманитарное знание: взаимосвязь явлений и перспективы их развития / В.А. Ксенофонтов // Гуманитар. проблемы воен. дела. – 2015. – № 4(5). – С. 17–27.

5. Ксенофонтов, В.А. Антропосфера как важнейший театр современной войны / В.А. Ксенофонтов // Вышэйшая школа. – 2021. – № 2. – С. 37–40.

Липская А.А.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ И КУЛЬТУРА ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Ключевые слова: историческая память, идеология, национальное самосознание, ценностные ориентиры.

Историческая память – это системообразующий элемент общественного сознания с присущим ему механизмом запечатления, хранения, воспроизводства социокультурной информации, обеспечивающей актуализацию традиционных форм жизнеосуществления социальных субъектов и определение характера инновационного развития всех сфер жизнедеятельности отдельного человека и всего общества [1].

В XXI веке благодаря развитию компьютерных технологий информационное общество превратилось в реальность: человечество получило доступ к различным видам информации, возможность обращения к ним в режиме реального времени. В этих условиях важно знать правила доступа к информации, обладать определенной культурой поиска и отбора необходимых источников, уметь пользоваться информацией или создавать качественно новую информацию.

Историческая память как научная категория и социально-политическое явление выступает как совокупность ценностных ориентаций и действий, предпринимаемых социумом, по символической реконструкции прошлого в настоящем. Эти представления о прошлом подтверждают для членов общества их коллективную идентичность и символически утверждают их единство во времени и пространстве благодаря созданию общей истории [2]. Представление об общей истории, её идентичное эмоциональное восприятие большинством общества порождает политическую мифологию и предопределяет его реакцию на соответствующие политические события, имеющие аналоги в прошлом. Таким образом, историческая память имеет четкую обратную связь с политическим настоящим. Все это особенно актуализирует данную тематику на постсоветском пространстве.

В связи с тем, что на сегодняшний день, в эпоху Интернета и повсеместной тенденции к медиатизации и цифровизации практически всех сфер жизни как общества в целом, так и человека в частности, особое значения для развития и сохранения исторической памяти приобретают информационные технологии. В особенности, социальные медиа, так как, во-первых, именно на их базе протекает большинство коммуникационных процессов в интернете, а, во-вторых, они стали своего рода познавательной средой откуда черпается значительная доля самой различной информации об окружающей действительности и в целом стали средой в которой формируется картина мира конкретного индивида. В большей степени это относится к молодежи как наиболее активной и восприимчивой группе пользователей социальных медиа.

Все выше сказанное актуально и для Республики Беларусь, т.к. вопросы идеологии, национального самосознания белорусов, сохранения и развития исторической памяти, развития интернета поднимаются на государственном уровне, например, в Послании белорусскому народу и Национальному собранию Президента Республики Беларусь Александра Григорьевичем Лукашенко 2019 года [3], в научном сообществе такими учеными как Денисова Н.Ф. [4], Бровчук Н.М. [4], Ластовский А.Л. [5] и др. Социальными сетями как видами социальных медиа в Беларуси по данным HootSuite пользуется 49% населения [6]. В связи с этим интерес представляет выявление основных проблем и перспектив развития социальных медиа как площадки для сохранения и развития исторической памяти.

Таким образом, можно сделать вывод, что ключевыми особенностями социальных медиа являются, во-первых, возможность участия любого человека в коммуникационном процессе среди большого круга коммуникаторов, во-вторых, ориентированность социальных на взаимодействие между индивидами. Социальные медиа – это не самое широкое понятия. Они являются видом новых медиа, однако именно социальные медиа оказывают наибольшее влияние на историческую память и именно в рамках социальных медиа можно наиболее удобно на нее воздействовать, потому что, как это уже было отмечено, именно из социальных медиа современный индивид получает значительную долю информации начиная от новостей и заканчивая профессиональными знаниями, более того, значительная доля межличностной коммуникации проходит на базе социальных медиа. Именно поэтому, в сущности, эффективное развитие и сохранение исторической памяти невозможно без использования описываемого коммуникационного канала, т.к. его важность в любом современном обществе чрезвычайно велика.

В связи с этим возникает вопрос выделения видов социальных медиа, т.к. появляется необходимость определиться с конкретными площадками, через которые возможно осуществлять сохранение и развитие исторической памяти. В научной литературе данный вопрос не получил широкого распространения. Таким образом, в качестве видов социальных медиа можно выделить: социальные сети; видеохостинги с элементами социальной сети; фотохостинги с элементами социальной сети; блоги; форумы; многопользовательские онлайн игры с возможностью коммуникации между пользователями и/или элементами социальной сети; другие интернет ресурсы с возможностью коммуникации между пользователя и/или элементами социальной сети. В общем и целом, можно ответить тот факт, что в рамках любого из вышеуказанных видов социальных медиа тем или иным образом можно осуществлять развитие и сохранение исторической памяти, однако наиболее перспективными видится использование в качестве основных следующих видов: социальные сети, видеохостинги с элементами социальной сети и онлайн энциклопедии с возможностью взаимодействия между пользователями. В этих трех видах сконцентрировано большое количество пользователей и создание соответствующего контента в них наиболее удобно. Хотя основным субъектом и носителем истори-

ческой памяти является человек, важную роль в ее формировании играет государство, т.к. именно оно может осуществлять системную и комплексную политику в области идеологии и стимулировать формирование тех или иных ценностных установок путем проведения комплекса информационно-просветительских мероприятий будь то на местном или республиканском уровнях. В качестве примера таких мероприятий можно привести создание информационно-просветительских групп в социальных сетях, создание роликов аналогичной тематики на видеохостингах с элементами социальных сетей, создание онлайн энциклопедий со свободной формой заполнения и т.д. В качестве основных перспектив социальных медиа как платформы для сохранения и развития исторической памяти можно выделить следующее: 1. Возможность создания на местном уровне системы взаимодействия между населением и государством по вопросам сохранения и развития исторической памяти. В первую очередь, в рамках создания информационно-просветительских групп в социальных сетях, роликов на видеохостингах, свободно моделируемых энциклопедий; 2. Осуществление научно-популярной деятельности по вопросам сохранения и развития исторической памяти; 3. Включение граждан в процесс сохранения и развития исторической памяти; 4. Более эффективное внедрение в общественное сознание национальных ценностей и установок; 5. Повышение популярности государства и истории Беларуси среди населения. При этом использование социальных медиа для сохранения и развития исторической памяти ведет к таким проблемам как несоответствие необходимых высоких требований к качеству контента и зачастую невысоким исполнением и плохой проверяемостью данных в уже созданном, а также высокая токсичность интернет комьюнити в целом в социальных сетях и видеохостингах с элементами социальных сетей. Указанные проблемы выявляют насущную потребность научной и компетентной модерации контента, призванного сохранять и укреплять историческую память.

Список литературы:

1. Кулиш В.В. Социальное измерение функционирования исторической памяти молодежи // Ученые записки РГСУ. – 2010. – № 6. – С. 32.

2. Репина, Л.П. История исторического знания / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2006. – 288 с.; С. 254.

3. Лукашенко А.Г. Президента белорус. народу и Нац. собр., 19 апр. 2019 г. / А.Г. Лукашенко // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Денисова, Н.Ф. Историческая память белорусов: социологический анализ / Н.Ф. Денисова, Н.М. Бровчук // Весці НАН Беларусі. Сер. Гуманітарных навук. [Электронный ресурс]. – 2018(1). – Режим доступа: https://vestihum.belnauka.by/jour/article /view/426?locale=ru_RU. – Дата доступа: 10.09.2019.

5. Ластовский А. Л. Историческая память как фактор укрепления белорусской национальной идентичности // Социологический альманах. 2010. Вып. 1. С. 187–195.

6. SMM в Беларуси: актуальная статистика от от сервиса Hootsuite [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: https://ratingbynet.by/smm-vbelarusi-aktualnaya-statistika-ot-servisa-hootsuite. – Дата доступа: 09.09.2019.

Півавар М.В.

СТАН, ПРАБЛЕМЫ І ПРАПАНОВЫ Ў ФАРМІРАВАННІ ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМЯЦІ ВІЦЕБСКАГА РАЁНА

Ключавыя словы: месцы памяці, гістарычная памяць, гісторыка-культурная каштоўнасць, памятныя месцы, краязнаўчы атлас.

Пад гістарычнай памяццю, якая мае мноства шматзначных вызначэнняў, мы разумеем усе віды інфармацыі аб падзеях мінулага, іх часе і месцы, удзельніках гістарычных падзей, а таксама здольнасць даражыць гістарычнымі традыцыямі свайго народа. Гістарычная памяць важнейшы канал перадачы інфармацыі аб мінулым між пакаленнямі, важнейшы фактар складаючы нацыянальную ідэнтычнасць. Зразумела, што падзеі недаўніх часоў маюць большы ўплыў на яе фарміраванне. Зразумела адсюль, што важнейшым накірункам фарміравання гістарычнай памяці беларускага народа ў пасляваенны час з'яўляецца Вялікая Айчынная вайна. І па блізасці да сучаснасці і па масштабах і выніках падзей для лёсу народа. Разгледзім, якім чынам падзеі мінуўшчыны застаюцца ў гістарычнай памяці народа на тэрыторыі Віцебскага раёна.

Важнейшым увасабленнем гістарычнай памяці з'яўляюцца гісторыка-культурныя каштоўнасці. Ахова гісторыка-культурнай спадчыны ў Беларусі ажыццяўляецца на аснове "Кодэкса аб культуры". У спіс гісторыка-культурных каштоўнасцяў Беларусі па Віцебскім раёне занесены 55 аб'ектаў. У тым ліку: 28 воінскіх пахаванняў часоў Вялікай Айчыннай вайны, 22 помнік археалогіі, 5 помнікаў архітэктуры, гісторыі. У тым ліку: паштовая станцыя ў Бараўлянах, музей-сядзіба «Здраўнёва», комплекс земляробчай школы ў Лужасна, Увазнясенская царква ў в. Лужасна, сядзіба «Мілае» у в. Мазалава [1, с. 123].

Падобная сітуацыя не ўнікальна для Віцебскагараёна. Так, у Гарадоцкім раёне – 26 помнікаў вайне, 20 помнікаў археалогіі, 1 помнік архітэктуры. У Докшыцкім – 23 помніка археалогіі, 4 помніка архітэктуры, 4 помніка вайны. У Дуброваенскім – 14 пахаванняў вайны, 11 помнікаў археалогіі, 2 помніка архітэктуры. У Лепельскі – 10 помнікаў архітэктуры, 33 помніка археалогіі, 5 помнікаў вайны. У Лёзненскім раёне – толькі 24 помніка вайны.

Захаванню гісторыка-культурнай спадчыны ў раёне перашкаджаюць некаторыя **праблемы**.

1. **Не ўсе аб'екты гісторыка-культурнай спадчыны ўзяты пад ахову дзяржавы**. У раёне ёсць яшчэ некалькі вартых аховы аб'ектаў гісторыі і культуры, у тым ліку: помнік вайне 1812 г. у в. Вароны, былая сядзіба У. Адамава ў в. Вял.ікія Лётцы (кан. XIX), былая царква Узвіжання Крыжа (1815) у в. Лужасна, былая сядзіба Астрэйкаў ў в. Лукі (кан. XIX) і інш. Як помнікі тэхнічнай архітэктуры варты ўвагі: гаспадарчыя пабудовы маёнтка "Мілае" (1804), будынак былога вадзянога млына каля былой в. Шкялі, гаспадарчыя пабудовы ў в. Падбярэззе, фрагменты брукаванай дарогі ў в.

Вялікія Лётцы і каля Суража і інш.З помнікаў археалогіі неабходна ўзяць пад ахову курган і каменныя крыжы каля в. Сушчова, курганы каля в. Малыя Лётцы, гарадзішча каля в. Шэвіна, каменны крыж у Суражы і іншыя.

2**. Па-за ўвагай дзяржавы застаецца шэраг месцаў памяці, звязаныя з падзеямі Вялікай Айчыннай вайны**. У сувязі з прыняццем у 2006 г. закона «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны», у новы Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцяў увайшлі толькі **28** аб'ектаў Віцебскага раёна, звязаных з Вялікай Айчыннай вайной. У 1985 г. у іх было **151** (з 185)[2, с. 180–200]. Указ Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 109 ад 24.04. 2016 г. "Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн" ахоўвае толькі пахаванні (воінскія і ахвяр вайны) [3]. Не маюць ахоўнага статуса помнікі. З высокамастацкіх аб'ектаў узяты толькі так званы "Віцебскія вароты", які з'яўляецца разам з мемарыяльнымі комплексамі "Прарыў" (Ушацкі раён) ці "Курганам Славы" (Смалевіцкі раён) сімвалам барацьбы савецкага народа з фашызмам. добра вядомы ў Беларусі і былым СССР. Тэрміновай аховы патрабуюць помнік дзецям М.П. Шмырова (Сураж), помнік Герою Савецкага Саюза А.Я. Углоўскаму (Вымна), помнік лётчыкам 953-га штурмавога авіяпалка (Вароны), помнік Герою Савецкага Саюза М. Сільніцкаму (ст. Лужасна) і іншыя.

Цэлыя катэгорыі помнікаў і памятных месцаў не ўвайшлі ў спіс. Сярод іх: * ***месца спаленай вёскі*** *(13 аб'ектаў)*;

- **месцы загубы савецкіх грамадзян**. (Лужасна, Міхалкова, ур. Зайцава);
- **магілы ахвяр вайны**. У раёне толькі 6 узяты пад ахову дзяржавы. А не ўзятых больш за 70, у тым ліку і месцы масавай загубы мірнага насельніцтва!;
- ***помнікі****(21)*. У тым ліку помнік на месцы першага бою партызанскага атрада М.П. Шмырова (Цімахі); помнік на вышыні 222,9; помнік на месцы прарыва варожай абароны (в. Макарава) і іншыя;
- ***мемарыяльныя дошкі*** (3);
- ***памятныя месцы*** (19):помнікі землякам (Бабінічы, Вароны, Мазалава, Хамякова), помнік вучням і настаўнікам, якія загінулі ў гады вайны (Бабінічы)і інш.;
- ***месцы нараджэння славутых асоб***(10):М. Лынькова (Зазыбы), А. Рыпінскага, А. Бялыніцкага-Бірулі, М.Я. Нікіфароўскага, Ф.А. Сурганава, І. Храпавіцкага і інш.

Варта, на нашу думку было б лічыць месцамі памяці і ахоўваць і фартыфікацыйныя збудаванні часоў вайны (ДОТы, бункеры, траншэі) якія дайшлі да нашага часу (Баронікі, Лосвіда). Асобнай праблемай застаюцца месцы Халакосту. У савецкі час на магілах яўрэйскага насельніцтва, забітага фашыстамі пісалі "мірныя савецкія грамадзяне" (што адпавядала рэчаіснасці), але цяпер іх сваякі настойваюць на тым, каб на помніках пазначалася нацыянальнае паходжанне.

3. Што рабіць з помнікамі савецкай ідэалогіі? У раёне застаюцца 12 помнікаў У.І. Леніну, памятныя шыльды ў гонар М.І. Калініна, 50-годдзя Савецкай улады і інш. Яны не ўключаны ў спіс ГКК, але застаюцца існаваць як мемарыяльныя аб'екты.

4. Праблема рэгістрацыі і захавання новых помнікаў гісторыі і культуры. У апошні час з'явіўся шэраг аб'ектаў, якія адлюстроўваюць гістарычную памяць народа, варты надання ім статуса гісторыка-культурнай каштоўнасці. Напрыклад, алея славутых землякоў Віцебскага раёна ў в. Ноўка, мемарыял у гонар Ленінскага камсамола ў в. Копці, помнік у гонар Лучосы ў в. Шапечына, Асобна адзначым праблему ўшанавання памяці пра ахвяр рэпрэсій 1930-х гг. (металічны крыж каля в. Вароны, 'айсы).

Магчымыя шляхі вырашэння. Адным з шляхоў выйсця з склаўшаяся сітуацыі з'яўляецца інвентарызацыя ўсіх аб'ектаў гісторыка-культурнай спадчыны, як старых, так і новых, і ўкладанне "Краязнаўчага атласа Віцебскага раёна". На яго аснове райаддзел культуры, разам з грамадскай камісіяй павінны правесці селекцыю і склдасці прапановы аб уключэнні найбольш важных у Дзяржспіс ГКК і наданні ім 3-й катэгорыі.

Выступіць з ініцыятывай распрацаваць Пагадненне між Міністэрствам культуры і міністэрствам абароны, з мэтай стварэння "Зводу помнікаў і памятных месцаў Вялікай Айчыннай вайны", у які б увайшлі як пахаванні савецкіх воінаў і ахвяр вайны, так і мемарыяльныя аб'екты, якія ўвекавечваюць памяць пра яе падзеі. Падрыхтаваць дакументы для надання статуса гісторыка-культурнай каштоўнасці 3 катэгорыі.

Спіс літаратуры:

1. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / склад. В.Я. Абламскі, І.М. Чарняўскі, Ю.А. Барысюк. – Мн.: БЕЛТА, 2009. – 684 с.

2. Збор помнікаў гісторыіі культуры Беларусі. Віцебская вобласць / рэд. кал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн.: БелЭн, 1985. – 496 с.

3. Указ Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 109 ад 24 сакавіка 2016 г. "Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн"// kodeksy-by.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/norm_akt/source-%D0%9F% D1%80%D0% 0% /109-24.03.2016.htm – Дата доступа: 12.01. 2021 г.

Ткач А.И., Ребеко А.П.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ И КУЛЬТУРА ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Ключевые слова: информационные технологии, культура, информация, Интернет.

Этап становления и развития современного общества так или иначе связан с развитием информационных технологий, которые влияют на современную культуру и молодежь в целом.

В наши дни деятельность средств массовой информации прямо или косвенно влияет на политическое сознание, которое приводит к изменению или укреплению отдельных убеждений. Из числа всех средств массовой информации значительно положение занимает Интернет, будучи информационной системой, формирующей множество сетей, включает огромное число пользователей. Благодаря удобному хранению и передачи информации он заслуженно занимает место в первых рядах среди телевидения, радиостанций и печатных изданий. До недавнего времени процесс развития Интернета создал подходящие условия практически для всех сфер жизнедеятельности человека и, взаправду, повлиял на становление молодежи. Абсолютно любой человек благодаря всемирной сети Интернет может узнать о последних новостях в мире. Именно поэтому, благодаря доступности, средства массовой информации в интернете стали наиболее популярными.

В связи с ростом и развитием Интернета может показаться, что общепринятые, то есть традиционные источники информации, которые оказывают влияние на политические взгляды населения приходят в упадок и теряют своё значение и потенциал. Например, такие, как телевидение, печатные издания, радиостанции. Возникает вопрос, какими источниками информации пользуются белорусы? Граждане нашей страны ответили следующим образом: телевидение – 57,2%, печатные издания – 27,6%, радио – 14,3%, информационные и новостные сайты – 52,3%

Результаты опроса легко можно объяснить тем, что политические силы воспринимают и делают акцент на Интернете и СМИ, как на одном из значимых средств борьбы за власть. Но это не значит, что это является недостатком. Это направление также обладает своими преимуществами. Интернет —это не просто способ получения определенной информации и площадка для общения, это самостоятельное явление культуры, где лидеры партий, государств вещают о власти, борются за нее, привлекая новых сторонников. Поскольку в основном пользователи сети интернет — это молодежь, то большинство ресурсов: видео, блоги, презентации, посты предназначены в первую очередь для этой группы.

Стоит обратить внимание, что веб-ресурсы также способны основывать противоположную позицию по отношению к получаемой информации, которая может не совпадать с информацией, освещаемой в средствах массовой информации. Интернет сам по себе является неоднозначным явлением в жизни человека, он может позитивно влиять на формирование личности, человеческой индивидуальности, уровня образованности, но и проявлению экстремистской деятельности. Поэтому Интернет несет за собой не только положительные инновации, но и современные виды молодежной протестной активности, которые потенциально могут содействовать радикальным формам демонстрации и отстаивания определенными субъектами политического процесса своих интересов. Действия такого характера стали очень активно применяться во многих странах мира.

Интернет становится самостоятельным, зачастую автономным ресурсом влияния, стимулирующем такие формы протестной активности. Они обладают выраженным подстрекающим характером, именно поэтому обладают большой популярностью среди юных пользователей интернета. Для обращения внимания выбирают наиболее острые социальные проблемы. Однако по видимым преимуществам интернета: анонимности, быстрого выполнения задач, возможности открытой конфронтации с непредвиденными последствиями, кроется опасность экстремистской, радикальной политической культуры, которая негативно влияет на функционирование политической системы, что приводит к её гибели. Из этого следует, что власть должна предпринять комплекс мер по нейтрализации радикальных и экстремистских настроений и действий.

Информационные технологии и, в частности, интернет является инструментом формировании исторической памяти у молодежи. Она постоянно деформируются извне, поскольку сеть имеет глобальный, то есть мировой характер. Любой блоггер или активист, имея какой-либо канал в Интернете, может конкурировать с классическими СМИ, определять информационную повестку, воздействовать на массовое сознание. Историческая память подвергается насилию благодаря замалчиванию главных событий и искажения действительности. Подавление значимых событий – это часть стратегии деструктивной информационной кампании. Ярким примером является фальсификация истории на Украине, осуществляемой украинской властью над населением. Суть этого явления состоит в том, что некоторые националистически настроенные украинцы, не желающие иметь с русскими общую историю, решили придумать себе новую, в которой нет места русскому народу. Ради выстраивания собственной исторической концепции, украинские псевдоисторики пошли не только на многочисленные умолчания и исторические спекуляции, но и на прямую ложь и искажение фактов.

Без сомнений можно сказать, что политическая культура находится под влиянием сети Интернет, на базе электронных средств массовой информации, задача которых объективно, правдиво и справедливо освещать происходящие процессы. Благодаря интернет-технологиям формируется поколение граждан, привыкших к самовыражению, участию в обсуждении важных государственных и общественных вопросов.

Список литературы:

1. Авзалова, Э.И. Интернет-участие как новая форма политического участия граждан / Э.И. Авзалова // Ученые записки Казанского университета. Сер., Гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 187–193

2. Братчик, А.С. Проблема фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны на Украине / А.С. Братчик. // Постсоветские исследования. – 2021. – № 1. – С. 43–51

3. Виды вбросов, защита населения от искаженных фактов, роль госорганов и журналистов в информационных войнах: эксперты обсудили способы борьбы с фейка-

ми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sb.by/articles/u-istiny-ne-byvaet-dvoynikov.html. – Дата доступа: 06.10.2021.

4. Инновационные формы протестной активности молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-formy-protestnoy-aktivnosti-molodezhi/viewer. – Дата доступа: 03.10.2021.

5. Колпаков, В.В. Роль Интернета в формировании политической культуры / В.В. Колпаков // Вопросы управления. – 2017. – № 2. – С. 144–150

6. Оценка благосостояния, политика и доверие к СМИ - Мусиенко прокомментировал итоги масштабного соцопроса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belta.by/society/view/otsenka-blagososostojanija-politika-i-doverie-k-smi-musienko-prokommentiroval-itogi-masshtabnogo-434064-2021/. – Дата доступа: 05.10.2021

Турянская О.Ф., Борисов В.И.

УНИЧТОЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА УКРАИНЕ КАК СРЕДСТВО ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Ключевые слова: бандеровщина, информационная война, национализм, Украина, учебник, фальсификация, школьное образование.

Трагедия украинского народа, ввергнутого в XXI веке в огонь гражданской войны, требует ответа на вопрос – почему это произошло? Уже тридцать лет образовательная политика на Украине является следствием прямого заказа западных стран, по которому издавались учебники, готовились школьные учителя. Процесс навязывания заданных смыслов, требуемых ориентиров привел к своему логическому результату – народ раскололся на тех, кто пошел за навязываемыми смыслами и на тех, кто этим чуждым смыслам активно противился. Но надо понимать, что конечной целью был удар по России, по историческому, культурному, ментальному, духовному единству людей, разделенных современными государственными границами, но составляющих один народ, прошедший тысячелетний путь совместного исторического развития.

Уже давно известны исторические перлы национал-свидомых историков Украины о том, что Черное море выкопали древние укры, они же создали первое на Земле украинское государство, отец Христа – украинец и т.п. бред. Многие над этими историческими изысканиями смеются, но другая часть негодует, потому что эти вымыслы вошли в школьные учебники, на национал-фашистской идеологии воспитывается молодежь.

Для примера возьмем три учебника, вышедшие за последние двадцать лет, с интервалом, приблизительно в десять лет.

Общая линия во всех учебниках пронизана одной идеей: вся история Украины представляет собой процесс неутомимой борьбы ее населения за создание собственного независимого украинского государства. При этом имеется в виду территория современной Украины, которая в течении веков была частями различных стран, государств, социумов, или вообще представляла собой

как, например, значительная часть современного Донбасса – территорию «Дикого поля». Но абсурдность такой позиции почему-то никого не смущает.

Приведем в качестве основания нашей позиции текст школьного учебника: «На протяжении многих столетий украинцы мечтали о независимом государстве. В середине 80-х годов XX века начинается новый этап борьбы украинского народа за независимость» [5, с. 129]. При этом, в образе врага, выступающего против этих устремлений украинского народа, выступают и мифические «москали», и царское правительство, и большевистские вожди в Москве, и партийное руководство Советского Союза, и, наконец, обобщенный образ современной Российской Федерации.

Приведем несколько цитат, чтобы показать, как исторический материал используется в качестве средства воздействия на сознание молодежи с целью вызвать у нее негативные чувства. «Величайшей трагедией тех лет стал голодомор – так называют специально спланированный на Украине голод… Общие потери украинского народа в годы спланированного голода составили 5 млн. человек» [5, с. 170]. Жертвой «спланированного голода» представлены исключительно «украинские крестьяне», целенаправленно подвергшиеся уничтожению.

Виновниками трагедии в тексте названо «правительство большевиков», центром названа Москва. А факт, что в УССР было свое большевистское правительство, умалчивается. И в результате проведенных манипуляций, именно Москва (Россия) предстает как источник зла, беды, ужаса, страданий. Именно эта негативная, отторгающая эмоция и есть главной целью данного текста.

Другой учебник, вроде бы не содержит националистических выводов. Но стоит прочитать внимательнее, так становится видна плохо замаскированная этнонационалистическая идеология. Говоря о коллаборационистах, авторы сознательно принижают русский народ: «Из них 200–300 тыс. человек были украинцы, остальные – в большинстве – составляли русские». Отступающие советские войска проводили «эвакуацию и тактику выжженной земли в Украине» [3, с. 25–26]. Описывая школьное образование в 90-е годы, авторы указывают на увеличение количества украиноязычных школ, открытие школ на крымско-татарском, румынском, венгерском и др. языках, но не указано количество русскоязычных школ, будто на русском языке никто на Украине не говорит. (3, с. 291). И таких вроде бы малозаметных перлов в учебнике достаточно, которые показывают в отрицательном виде русский народ.

Еще один из «свежих» учебников для 11 класса. Остановимся только на описании событий последних годов. «Еще во времена горбачевской перестройки правительство СССР планировало отобрать Крым у Украины, в случае провозглашения ею независимости, а Донбасс должен был получить автономию». Откуда такие сведения у авторов? Неизвестно.

«В Харькове пророссийские силы и завезенные из России боевики несколько раз захватывали областную государственную администрацию.

С кровопролитием удалось отстоять Одессу… 16 апреля 2014 года было объявлено про начало Антитеррористической операции на Востоке Украины. Ее цель - противодействие незаконным российским и пророссийским вооруженным формированиям, преодоление террористической угрозы и сохранение территориальной целостности Украины» [2, с.190].

Россия, 300 лет назад отвоевавшая Крым, имеет на него больше прав, чем Украина, случайно получившая полуостров в 1954 г. Кровавые события 2 мая 2014 г. в Одессе описываются одной строчкой: «С кровопролитием удалось отстоять Одессу». От кого удалось отстоять? От одесситов?

И подобные исторические «шедевры» в обилии имеются в каждом школьном учебнике по истории Украины. Нынешняя политика на Украине делается выходцами из Галиции, западной Украины. О них министр пропаганды гитлеровской Германии Геббельс писал: «Бандеровцы – это умалишенные маньяки, другими словами, озверевший скот. Но именно такие нам нужны в данный период времени, чтобы уничтожить непокорных славян. А затем они сами должны быть уничтожены, так как зверям не место среди людей» [1, с. 275–276]. Такова характеристика хозяина, по отношению к бандеровцам – как к скоту, который нужен для самых грязных бесчеловечных поступков. А потом и его можно забить, как скот.

История Украины писалась авторами концепций и учебников как история, полная чувства ненависти, обиды, унижения и жажды возмездия, направленная не на сохранение памяти миллионов, а на ее уничтожение и трансформацию. Украинский историк П. Толочко пишет по этому поводу: «складывается впечатление, что ничего кроме «борьбы с ненавистным режимом», которую вели диссиденты, в Украине на протяжении 65-летнего периода советской истории ничего и не было» [4, с.4].

Приведенные нами примеры учебных текстов свидетельствуют о том, что «История Украины» используется в системе образования, как средство социально-психологического воздействия на учащуюся молодежь с тем, чтобы духовно, ментально, душевно вырвать ее из потока общей истории с народами СНГ, российским народом. Историческое образование на Украине носит характер социально-политической манипуляции, является средством ведения информационной войны. Молодежь разделилась на тех, кто поверил и, кто не поверил и не принял предлагаемых фактов, понятий, образов, их «обновленных» значений и смыслов, развел ее по разные стороны баррикад, сделал детей единой семьи врагами друг другу.

Список литературы:

1. Борисов, В. Время подонков: хроника луганской перестройки. – Луганск: «Шико», 2018. – 384 с.

2. Даниленко, В.М. Смольніцька М.К. Історія України / В.М. Даниленко, М.К Смольніцька // 11 клас Нова програма. – К.: Генеза, 2019. – 224 с.

3. Пометун, Е., Гупан, Н. История Украины: учебник для 11 классов: уровень стандарта, академический уровень. / Е. Пометун, Н. Гупан. – Киев, 2011. – 343 с.

4. Толочко, П. Про нову концепцію викладання історії України в школі / П. Толочко // 2000. Аспекты. Истоки. – 2010.– № 16 VII. – 4 с.

5. Турченко, Ф.Г. Новітня історія України (1939 – 2001) / Ф.Г. Турченко, П.П. Панченко, С.М. Тимченко // Підручник для 11-го кл. загально осв. навч. закл. – К.: Генеза, 2001. – 384 с.

6. Турянская, О.Ф. Историческое образование: средство манипуляции сознанием молодежи или механизм трансляции духовно-нравственных смыслов прошлого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dspace.ltsu.org/bitstream/123456789/3578/1/172-18_s.PDF. – Дата доступа: 29.09.2021.

Фролов И.В., Кабирова И.А.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ, ИСКАЖАЮЩИЙ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: информационная война, компьютерные игры, символы, идеи, молодежь, историческая память, политическое сознание.

XX век, по мнению многих экспертов, является временем создания нового типа войны, а именно информационной войны. Этот термин определяется как процесс противоборства человеческих общностей, направленный на достижение политических, экономических, военных или иных целей стратегического уровня, путём воздействия на гражданское население, власть и вооружённые силы противостоящей стороны посредством распространения специально отобранной и подготовленной информации [1, с. 73–80].

Одним из способов ведения современной информационной войны является использование компьютерных игр как инструмент пропаганды. В настоящее время популярность компьютерных игр постоянно растёт, из-за чего практически все слои населения оказываются степени под их влиянием. Посредством внедрения в игру специальных элементов, символов и идей можно исказить историческую память и формировать политическое мнение аудитории т.к. компьютерные игры предполагают погружение игрока в мир игры человек становиться соучастником событий, участником событий. В особенности игры эффективны в формировании представлений у молодёжи, как наиболее подверженным всякого рода влияниям.

Целью исследования является выявление фактов искажения исторической памяти и изменения политического мышления в компьютерных играх и способов по противостоянию информационному влиянию игр. В исследовании используется аналитический метод.

В качестве примера искажения исторических фактов и политического мышления можно привести эпизод из известной игры «Company of Heroes 2» (разработанной компанией Relic Entertainment, и выпущенной 25 июня 2013 г.), где игроку демонстрируется армия советского союза в период Великой Отечественной войны. На протяжении всей игры СССР и его армия представляется игроку в неблагоприятном свете, красноармейцы

представлены как слабые деморализованные солдаты, которые могут идти в бой только под дулом заградительных отрядов НКВД. Сталинградская битва завершилась победой СССР, по интерпретации игры, исключительно благодаря угрозам со стороны НКВД, которые заставили идти в бой красноармейцев, погибающих в огромном количестве, т.к. советские военные руководители не способны на рациональное и эффективное военное командование. Кроме этого в игре присутствуют и другие эпизоды изображающие военные преступления советской армии против своих граждан и союзников: сцены расстрела польских партизан, поддерживающих наступление Красной армии; поджоги мирных деревень вместе с жителями, что объясняется игроку как отчаянная военная необходимость для противодействия немецкой армии, предложенная самим И.В. Сталиным [2]. Т.о. игра формирует не только искаженное представление об армии СССР времен ВОВ, но и образ тоталитарного, бесчеловечного советского государства.

Более современным примером является игра «Call of Duty: Modern Warfare» (разработанная компанией Infinity Ward и выпущенная 25 октября 2019 г.), в которой идет подтасовка исторических образов и фактов. В игре присутствует упоминание о «Шоссе Смерти» - эпизоде войны в Персидском заливе, когда в ночь с 26 на 27 февраля 1991 г. ВВС США и союзники на шоссе между Эль-Кувейтом и иракской границей нанесли массовые бомбовые удары по конвою эвакуируемых гражданских лиц из города Кувейт [3]. В результате тысячи мирных жителей были убиты из-за ошибки в идентификации типа конвоя, ВВС США приняли его за военный конвой. В игре же, виновником этого военного преступления называется Россия, являющаяся оккупантом вымышленной страны Узыркстан [4]. Такое завуалированное сюжетом игры искажение примеров реальных событий создаёт образ причастности России к военным преступлениям на Ближнем Востоке конца XX в.

Такая интерпретация исторических событий и навязывание агрессивного образа некоторых государств, ведет не только к подозрительному и негативному отношению к их представителям, но и заранее неправильной трактовке их действий и поведения в международной политике. В результате игрок, подверженный влиянию таких идей будет видеть в гражданине постсоветского пространства – врага всего человечества. Формирование такого отношения и есть проявление информационной войны, т.е. создание и насаждение идеологических установок на сознание. А за образом идеологического превосходства западной цивилизации следуют идеи, в которых историческая роль государств и народов всячески принижается и умаляется, что мы видим на примере отношения государств Западной Европы к истории и вкладу СССР во Второй Мировой войне.

Компьютерные игры как средство информационной войны оказывают огромное влияние на подрастающее поколение, которое из-за отсутствия исторических знаний и собственной, устоявшейся политической позиции, воспринимает идеи этих игр как догму. Главным и наиболее эффективным средством противодействия этому является повышение уровня об-

разования, знания истории Отечества и политической грамотности среди молодёжи. Ещё одним способом противодействия является создание отечественных компьютерных игр, основанных на исторической правде и государственной идеологии. Игры должны стать не только средством для развлечения, но и элементом образования и воспитания молодежи.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что в своём содержании компьютерные игры могут нести определенные идеи, искажающие исторические представления молодежи об окружающем мире, делая их носителями враждебных для своей страны ценностей. Средствами противодействия этому является повышение уровня образования среди молодежи, а также создание отечественных исторически достоверных компьютерных игр.

Список литературы:

1. Манойло, А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта / А.В. Манойло // Информационные технологии и безопасность Материалы V Международной научно-практической конференции, Киев. – 2005. – №8. – С. 329.

2. Почему новый взгляд на войну в компьютерных играх так оскорбляет россиян. [Электронный ресурс] – Режим доступа https://www.polygon.com/2013/7/25/4553536/is-company-of-heroes-2-anti-russian – Дата доступа: 11.10.2021.

3. Резня при выводе солдат на «Шоссе Смерти» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20140814211443/http://deoxy.org/wc/wc-death.htm – Дата доступа: 11.10.2021.

4. Есть такие люди – геймеры. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.igromania.ru/news/87675/Est_takie_lyudigeymery_o_chyom_ reportazh_Pervogo_kanala_pro_Modern_Warfare.html, – Дата доступа: 11.10.2021.

Янчук В.А.

ЗАПАДНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ И ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ДРУГИХ СТРАН

Ключевые слова: моральные ценности, демократия, свобода, право, идеология.

Збигнев Бжезинский, крёстный отец, советник нескольких президентов США, автор бестселлера «Великая шахматная доска», ныне покойный, характеризуя отношения между США и ЕС, выразился так: «Западная Европа, а также все больше и больше и Центральная Европа остаются в значительной степени американским протекторатом, при этом союзные государства напоминают древних вассалов и подчиненных»[1, с. 106]. И на той же странице говорится: «любое расширение пределов Европы автоматически становится также расширением границ прямого американского влияния». Поэтому важно выяснить, какие моральные ценности пытается Запад навязать всему миру и ответить на вопрос: стоит ли ими руководствоваться или жить своим умом. В связи с этим надо заметить, что в современных условиях термины, идеи, определенные принципы, смыслы, концепции и идеологии играют очень важную роль. Президент США Р. Рейган, напри-

мер, в идеологической войне с СССР использовал термин «империя зла», хотя, по сути, по сравнению с США, СССР был «империей добра». Словарный ценностный запас политических деятелей и идеологов Запада невелик. Чаще всего они используют в качестве «демократической» дубины всевозможных санкций против Беларуси, России и Китая такие термины, как демократия, свобода, права человека, частная собственность, рынок, конкуренция, а теперь в широкий обиход вводят и аббревиатуру ЛГБТ.

Особенно часто используется термин **демократия**. *Демократия* – это власть абсолютного большинства народа, используемая в его интересах. В капиталистических странах господствует, как считает лауреат Нобелевской премии, американский экономист Джозеф Стиглиц, демократия одного процента. Он приводит пример: абсолютное большинство американских сенаторов и конгрессменов входят в 1% самых богатых людей [2]. Они дают деньги на избирательные компании, владеют информационными технологиями, им принадлежат более половины мирового дохода и богатства. Подлинная демократия — это власть не меньшинства, как это имеет место в капиталистических странах, а реального абсолютного большинства, когда, например, кандидаты в президенты находятся в равных условиях проведения избирательной кампании, а один из них выражает в наибольшей степени национальные интересы, набирает намного больше голосов из списочного состава избирателей и побеждает уже в первом туре. Это демократия большинства, подлинная демократия, а не разорванная, как при капитализме. Это значит, что именно меньшинство должно подчиняться большинству, а не наоборот. В нашей стране 9 августа прошлого года кандидат в президенты Республики Беларусь А. Лукашенко набрал голосов избирателей в восемь раз больше, чем С. Тихановская, и заслужено победил. Поэтому вполне обоснованным является вывод о том, что А. Лукашенко, как, законно избранный Президент Республики Беларусь, представляет собой абсолютное большинство избирателей и выражает национальные интересы. Приведем противоположный пример. В Германии на выборах в Бундестаг победила партия СДПГ, набрав 25,7% голосов проголосовавших избирателей, или менее 20% от списочного состава избирателей. На втором месте оказалась партия Ангелы Меркель ХДС/ХСС – 24,1% (18,3%). За победителя проголосовал только каждый пятый избиратель. Какая это власть большинства?

На втором, пожалуй, месте по затуманиванию сознания людей находится слово **«свобода»**. Но нет абсолютной свободы. Любая свобода ограничена определенными рамками. Иногда говорят, что свобода одного человека заканчивается тогда, когда начинается свобода другого человека. Свобода – это возможность выбора. Различают две формы проявления свободы: внутреннею и внешнею. Внутренняя свобода обусловлена субъективно-психологическими особенностями человека. Её границы зависят от уровня развития интеллекта человека, его знаний, эмоций и т.д. Внешняя свобода какого-либо субъекта обусловлена наличием у него соответствующих ресурсов, которые ограничивают свободу отдельного человека, группы людей и

государства в целом. Такими ресурсами могут быть деньги, природные богатства, созданные человеком средства производства, энергия, информация. Кроме того, ограничителями свободы также являются обязанности и ответственность субъекта свободы. Каждый свободный человек, следовательно, должен соблюдать обозначенные законодательством страны обязанности и нести ответственность за их несоблюдение. Важным ограничителем свободы является и безопасность граждан и страны в целом. Таким образом, можно сделать вывод о том, что свободное поведение граждан, естественно, в любой стране ограничивается наличием ресурсов свободы, обязанностями и ответственностью, безопасностью страны и граждан.

Поводом для вмешательства во внутренние дела других государств у США и ЕС являются и права человека. При этом Запад присвоил себе функции прокурора и судьи для оценки положения с правами человека в других странах. Хотя они не принимались во внимание в США во время президентских выборов. Самый яркий пример нарушения прав беженцев мы недавно наблюдали в Литве и на белорусско-литовской границе, но руководство Литвы со стороны Брюсселя никаким санкциям не подвергается. Правосудие ЕС молчит. Срабатывает принцип «руководители Литвы, конечно, сукины дети, но это свои сукины дети». Права человека, как и его свободы, также имеют границы реальной реализации. Их образуют: наличие ресурсов для реализации прав человека; совокупность определенных обязанностей и ответственности у правополучателя и праводателя. Вполне обоснованным событием в Республике Беларусь стало принятие закона, предусматривающего уголовную ответственность за реабилитацию нацизма, возбуждено уголовное дело по фактам геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, в настоящее время наблюдается желание руководства стран ЕС и США исказить итоги Второй мировой войны, поставить на одну доску жертв и палачей, освободителей и агрессоров, подвергаются сомнению решения Нюрнбергского трибунала. Палачи белорусского народа до сих пор проживают в некоторых соседних странах. Предпринимаются попытки сделать из них героев. Умаляется роль СССР в победе над фашистской Германией.

На основе сказанного можно сделать вывод о том, что народу Республики Беларусь подходит модель общества, основанная на принципах равноправия, сотрудничества, взаимопомощи и единства народа. В этой модели государство выражает национальные интересы и, следовательно, является подлинно демократическим.

Список литературы:

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский; [пер. с англ. О Уральской]. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – 384 с.

2. Стиглиц, Д. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / Д. Стиглиц: [пер. с англ. Ф.А. Исрафилова]. – М.: Эксмо, 2016. – 480 с.

III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА, ИДЕОЛОГИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Адуло Т.И.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ – ВАЖНЕЙШАЯ КОМПОНЕНТА ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Ключевые слова: *государство, идеология, политическая идеология, государственная идеология, идеология государства, историческая память*.

При рассмотрении вопроса о взаимосвязи исторической памяти и идеологии государства представляется нужным определиться, прежде всего, с содержанием ключевого понятия «идеология государства». К сожалению, до настоящего времени оно остается не проясненным. И в научных публикациях, и в учебной литературе, как правило, не фиксируется различие, имеющее место в содержании понятий «политическая идеология» и «идеология государства», что в значительной степени усложняет процесс разработки теории идеологии и создает проблемные ситуации в практической работе идеологической вертикали.

В своих исследованиях придерживаюсь следующей трактовки содержания вышеназванных понятий. Исходя из имеющихся теоретических наработок, идеологию определяю как *систему идей, выражающих интересы и цели различных субъектов политики и служащую орудием сохранения, либо, наоборот, разрушения существующих властных институтов, отношений и замены их новыми* [1, с. 16]. Иное содержание вкладываю в понятие *«идеология государства».* В отличие от понятия «идеология» («политическая идеология»), содержание которого четко сориентировано на завоевание (сохранение) политической власти тем или иным субъектом политики, понятие *«идеология государства» в содержательном плане означает внутриполитическую и внешнеполитическую стратегию государства как субъекта политики* [1, с. 18–19]. По объему содержания данное понятие намного шире понятия «политическая идеология». И не только по объему содержания. Если говорить об идеологии государства как социальном феномене, т. е. теоретическом сознании, воплощенном в социальную практику, то оно гораздо шире политической идеологии и по своим функциям. Идеология государства направлена *не на завоевание, а на сохранение* наличной политической власти, на осмысление процесса функционирования государственного механизма и его возможную корректировку, в случае необходимости, с целью недопущения сбоев в его работе в области внутренней и внешней политики. Несомненно, государство, выстраивающее свою собственную идеологию, охватывающую все основные сферы общественной жизни, берет в качестве базовой политической идео-

логии какую-то одну из существующих в мире идеологий, которая в состоянии обеспечивать интересы подавляющей части граждан данного государства. Но оно вынуждено считаться при этом и с другими политическими идеологиями, за которыми также стоят граждане. По этой причине *в политическом плане* идеология государства как бы возвышается над всеми существующими в данном государстве идеологиями, аккумулируя в себе их позитивные, жизнеспособные стороны и выступая в виде их результирующей. Этим специфическим свойством – своей ориентированностью (целеустремленностью) на защиту (сохранение) существующей системы политической власти – идеология государства отличается от других форм теоретического сознания – философии, религии, искусства, науки.

В этой связи считаю нужным сказать об используемом обществоведами и политиками понятии «государственная идеология». Оно не совсем адекватно социальным реалиям, поскольку у граждан подспудно возникает мысль о существовании наряду с государственной идеологией идеологии не государственной. Но если с содержанием первой мы определились, то что, в таком случае, следует понимать под «не государственной идеологией», в том числе под не государственной идеологией Беларуси? Поэтому следует закрепить и использовать понятия «идеология государства» и «идеология белорусского государства».

Как и политическая идеология, идеология государства должна выстраиваться в теоретическом и в практическом планах таким образом, чтобы ее сторонников было как можно больше. Только охватив собой сознание больших масс людей, хотя бы подавляющей части граждан страны, она будет в состоянии выполнять свою основную функцию – служить теоретической основой жизнедеятельности государства в конкретную историческую эпоху. В противном случае она, как и само государство, окажутся на обочине истории – на смену ей придет иная идеология, а возможно, и иное государство, что и случалось не так уж редко. Самый яркий пример такой ситуации – уход с политической арены СССР, для которого коммунистическая идеология была одновременно и политической идеологией, и теоретической базой идеологии государства.

Идеология государства выстраивается на экономических, политических, духовных и иных устоях. Важное место среди них занимает историческая память. Вне исторической памяти идеология государства не станет востребованной гражданами. В этом не трудно убедиться, анализируя политические события, охватившие Беларусь осенью 2020 года.

Для того, чтобы состоялась столь масштабная политическая акция, нужны отвечающие ее масштабу онтологические основания – веские наличные социальные противоречия в обществе, вызревшие на экономической почве и готовые незамедлительно перерасти в социальные антагонизмы. Статистические данные, социологические опросы, характеризующие общественное сознание, свидетельствуют о том, что объективных эконо-

мических оснований для протестного движения в Беларуси не было. Это подтверждается и тем фактом, что после неудавшегося политического переворота западные политтехнологи сделали ставку именно на разрушение экономических устоев белорусского государства.

Для протестного движения в Беларуси не было и политических оснований. В политическом плане действующая конституция и сложившаяся система государственного управления общественными процессами вполне устраивали подавляющее большинство граждан Беларуси. Даже сейчас, когда ведется активная работа над изменением Основного закона Республики Беларусь, более половины граждан считают нужным сохранить его в существующем виде. На примере Украины и других постсоветских государств они убедились, к чему может привести радикальная смена политических устоев. Они понимают, что т.н. «демократизация» ведет к хаосу и, в конечном счете, к развалу страны.

Следовательно, протестное движение выстраивалось на базе других весомых факторов. Большинство аналитиков убеждены в том, что Запад активно задействовал в первую очередь сферу общественного сознания молодежи, в процессе формирования которого либо полностью исключалась, либо осознанно искажалась отечественная, национальная историческая память. Именно этим на протяжении многих лет занимались в Беларуси различные неправительственные фонды.

Как ни печально, но нельзя не сказать о допущенных просчетах в образовательной и воспитательной сферах белорусского общества. В стране за годы ее суверенного существования не удалось сформировать молодого поколения, обладающего логически развитым мышлением, способным отличить истину ото лжи, критически воспринимающим западную идеологию и социальную практику, а главное, понимающего логику исторического процесса как такового. Думается, государственным институтам следовало более жестко контролировать деятельность в Беларуси различных зарубежных фондов, которые выстраивали свою деятельность отнюдь не с целью формирования молодого белорусского поколения на отечественной истории.

Укажем и на непоследовательную позицию тех отдельных представителей творческой интеллигенции, которые превыше всего ставили культурные и духовные ценности Запада, а не Востока, в том числе исторические ценности белорусской нации.

Список литературы:

1. Адуло, Т.И. Философско-теоретические основания понимания сущности идеологии и идеологических процессов / Т.И. Адуло // Философские исследования / редкол. Т.И. Адуло (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2015. – Вып. 2. – С. 9–23.

Барабанова К.С.

Ф. САЛМАНОВ: ПЕРВОПРОХОДЕЦ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НЕФТЯНОЙ ЦЕЛИНЫ

Ключевые слова: Север, Западная Сибирь, первопроходец, Салманов, память.

История освоения Севера Западной Сибири началась в XVI веке. В 1594 г. был основан Сургут, самый большой город региона. Его история наиболее полно иллюстрирует историю освоения Севера Запада Сибири. В 1926 г. он потерял статус города, который был возвращен только после открытия нефтяного месторождения после 1965 г. Открытие нефти и разработка ее месторождений часто можно сравнивать с целиной, отсюда и распространенное название региона – нефтяная целина. В случае с такими крупными социалистическими проектами как целина и Байкало-Амурская магистраль мы видим сформировавшиеся образы целинника [4] и БАМовца [10], первооткрывателей и строителей. Для Севера Западной Сибири такими первооткрывателями стали нефтяники. В данном случае не всегда эти люди добывали нефть, они могли быть геологами, инженерами строителями.

Местами памяти являются не только географические объекты на карте, но «ритуалы общества без ритуалов» [5, с. 26] – каменные надгробия, Жанна д'Арк, Марсельеза. Переходя из памяти в историю, фигура Жанна д'Аркменялась, как менялись и акторы, которые использовали ее в своих целях [1]. Схоже в политике памяти трансформировался образ Александра Невского [9].

Орлеанская дева и А. Невский являются частью национального мифа, схожие места памяти могут присутствовать и на локальном уровне. Отметим, что последние годы в России актуализирована индивидуализация памяти.

Одно из центральных мест в пантеоне покорителей нефтяной целины занимает фигура Ф.К. Салманова. Талантливый геолог и организатор руководил разведкой и организацией добычи нефти в регионе в качестве начальника Сургутской нефтеразведочной экспедиции. Именно под его руководством была найдена нефть [6].

В 2007 г. в честь 50-летия начала работы геологоразведчиков в Сургуте был открыт «Дом Ф. Салманова». В этом доме геолог проживал с 1957 по 1961 г. В экспозиции представлены личные вещи Салманова, а на веранде размещена коллекция буровых долот, проб горных пород и нефти. Кроме того на территории находятся образцы техники 1950-60-х гг. и вагончик геологоразведчиков. В 2009 г. на его территории был установлен памятник, мемориальная доска и памятный знак в честь Салманова. В 2010 г. на территории Музея геологии, нефти и газа в Ханты-Мансийске был установлен памятник. Компания «UTair» в 2008 г. присвоила имя Салманова своему самолету Ту-154М [8]. С обновлением парка самолетов имя Салманова получил Boeing 737-800. Салманов стал местом памяти не

только для Югры, но для соседних регионов, ставших частью проекта по освоению нефтяной целины. В 2009 г. памятник геологу был открыт в Салехарде Ямало-Ненецком автономном округе.

В 2018 г. в рамках конкурса «Великие имена России», целью которого было присвоение имен выдающихся соотечественником российским аэропортам, за имя Салманова развернулась борьба между Сургутом и Нижневартовском. В первом туре были сформированы первичные списки и оба города выдвинули имена Ф. Салманова и первого губернатора ХМАО-Югры А. Филипенко. Также Нижневартовск выдвинул на голосование имя героя Советского Союза летчика Н. Архангельского, а Сургут – Ермака Тимофеевича. По результатам голосования в первом туре им Ф. Салманова было присвоено международному аэропорту города Сургута. Для второго тура для Нижневартовского аэропорта в шорт-лист было добавлено имя В.И. Муравленко – одного из организаторов советской нефтяной промышленности и руководитель крупнейшего в нефтяной промышленности СССР предприятия «Главтюменьнефтегаз» [3, с. 204 - 220; 7]. В пространстве нефтяной целины имя В.И. Муравленко, победившее во втором туре голосования для Нижневартовского аэропорта, наиболее актуально для Тюмени и Тюменской области. На что указывает и то, что имя В.И. Муравленко было заявлено в первом туре голосования по аэропорту Тюмени, который в результате получил имя Д. Менделеева. Показательно, что на конкурс имен для аэропортов в регионе нефтяной целины были заявлены имена видных деятелей нефтяной промышленности. С одной стороны Салманов выступает как место памяти в Сургуте. С другой нефтяник-первопроходец является местом памяти для всего региона нефтяной целины.

С истории о нефтяниках началось создание «Сибириады» А. Кончаловского, получившей гран-при спесиаль в Каннах. По его словам в 1974 г. председатель Госкино СССР Ф. Ермаш предложил ему поставить фильм о нефтяниках Сибири к съезду партии. В ее основу должна была лечь история открытия Березовского газового месторождения и биография Ф. Салманова. В ходе подготовки сценария Кончаловский познакомился с биографиями первооткрывателей тюменской нефти Ровниным, Эрвье и Салмановым. И именно фигура последнего была использована в фильме. Следует отметить, что в ходе работы над сценарием, «Сибириада» из фильма о нефти превратилась в историю России [2, с. 144].

В 1978 г. вышел телефильм «Стратегия риска» А. Прошкина, состоявший из трех серий. Основой сюжета стал рассказ о нефтянике-новаторе Фариде Керимовиче Аскерове, чьим прототипом стал Ф. Салманов.

Список литературы:

1. Винок, М. Жанна д´Арк // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, М. Винок. – СПб., 1999. – С. 225–295.

2. Кончаловский, А. Возвышающий обман /А. Кончаловский. – М: Эксмо, 1999. – 368 с.

3. Копылов, В. Е. Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера) / В.Е. Копылов. – Кн. 2. – Тюмень: Слово, 2001. – 352 с.

4. Мазур, Л.Н. Забытая легенда: художественные фильмы об освоении целины 1950 – 1970-х гг. /Л.Н. Мазур// Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 477–484.

5. Нора, П. Проблематика мест памяти / Франция – память / П. Нора, М. Озуф, М. Винок. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.

6. Салманов, Ф. К. Жизнь как открытие / Ф.К. Салманов. – М.: РТК-Регион, 2003. – 410 с.

7. Трапезников, А.А. Виктор Муравленко. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 317 с.

8. YUTное небо UTair // Официальный бортовой журнал авиакомпании – «ЮТэйр», 2015.

9. Шенк, Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.

10. Povoroznyuk, O. The Baikal-Amur Mainline Memories and Emotions of a Socialist Construction Project // Sibirica Vol. 18, No. 1, Spring 2019: Pp. – 22 – 52.

Бородич В.М., Вожгурова О.В.

ОДНА РЕМИНИСЦЕНЦИЯ. К ОТНОШЕНИЮ МЕЖДУ ЛИЧНОСТЬЮ И ГОСУДАРСТВОМ

Ключевые слова: личность, государство, роботизация, либерализм, кризис.

Размышляя о возможности роботизации человеческого *бытия*, следует задуматься над включением проблемы в более широкий и глубинный контекст, нежели тот, который может быть увязан со слишком «экзистенциальным» понятием «жизнь». Как и обратно, уместно задуматься и о феномене возможной роботизации самого человека – как существа (субстанции), а не только как «совокупности всех социальных (и прочих) отношений».

Есть и такой «поворот» темы, где сам человек оказывается как бы за скобками: «феномен роботизации бытия вообще».

И всё-таки – о человеке. О его принципиальном отличии от робота. О том, что не сводимо к роботизации. Более того – ей, в принципе, враждебно. Или, по крайней мере, оппозиционно. Мы имеем в виду личность.

Понятно, что многое зависит от трактовки самих понятий: *человек, личность, робот*. А также тех, которые так или иначе стягиваются в фокус предметного внимания: интеллект, разум, сознание, мышление, жизнь, свобода и т.д.

Дело в том, что проблема роботизации уходит своими корнями, гораздо дальше, нежели начало эпохи Просвещения, с его установками на «овладение Природой», обоснованными программами механицизма, деизма и т.п. Декарт, Ламетри, Лейбниц… – всё это, конечно, значимо, конкретно, выразительно. Здесь – предыстория современной кибернетики, информатики и про-

чего. Однако, если перелистать Средневековье (вкупе с Возрождением) и окунуться в Античность, с её Мифом и Логосом, то можно обнаружить нечто не менее впечатляющее и, главное, проливающее некоторый свет на скрытые от взгляда перспективы и риски современного проекта.

Когда у А.Ф.Лосева просили дать оценку модели «платоновского государства» (ближайшего к совершенному), замечательный антилиберал-платоник, поморщившись, изрекал: это – не общество, а завод по разведению лошадей.

Существенно то, что отвращало русского философа от «предложения» глубоко им уважаемого великого грека. В государстве Платона нет места для личности. Собственно, оно направлено на уничтожение её в самом зародыше или (в силу всё-таки «несовершенства ближайшего») допущение только в карикатурной форме, как инструмента, а может и просто предмета развлечения.

Заостряя проблему, Лосев и вовсе утверждает, что Античность не знает личности как таковой. Не знает, не признаёт, предчувствует, страшится. Дело в том (по Лосеву), что личность всё-таки есть. И именно – здесь, в человеке. Пусть и не «природно-сущностно», как она допускается в Абсолюте.

В конструкции бытия неопифагорейца Платона «есть» сверхбытийное Благо (Абсолют, Единое неоплатоников), есть сущий Ум (Интеллект, почти «бог» деистов), есть Душа и Мир, и даже «не-сущая» Материя. Есть субъект и объект. А личности нет! Вернее, обнаруживается «зловеще-зловредное» её подобие – продукт некой болезни-извращения-заблуждения. Именно это самого Платона пугает и распаляет. Да и не только Платона…

Собственно, «христианскость», нередко приписываемая Платону (особенно гуманистами эпохи Ренессанса), есть следствие аберрации в сознании воспринимающих. Поскольку агрессивное неприятие (предостережение) принимается за акт признания. Хотя, как известно, крайности сходятся. Платон – антихристианин (а не христианин!) до Христа. Как, допустим, Фридрих Ницше – антихристианин после Христа.

Ум Платона (его идеальный Космос) – Матрица, Программа, Суперкомпьютерная Память. Сверхъестественный (но не «искусственный»!) Интеллект.

«Мудрецы-монахи-жрецы» в его Государстве – не люди. Это – «сверхроботы». Собственно, роботы (или роботы второго порядка) – солдаты. А вот третья «каста» (землепашцы, ремесленники и пр.) – именно люди. Вернее, они тоже роботы, но… Своевольные! Испорченные. Они – хуже животных (и, вероятно, рабов – хотя тему «рабов» поднимает уже Аристотель). Животные – тоже роботы. Но недостаточно наделённые интеллектом. А потому – скорее, автоматы, чем роботы. Это – уже в контексте современных различений.

Тогда понятно и то «государство», которое, по Платону, является совершенным. Кроме роботов там никого не должно быть. Место людей должны занять «говорящие орудия» (рабы), либо следует ограничиться лишь двумя категориями «граждан». Хотя почему бы не допустить и более сложную иерархию. Главное – исключить свободную волю.

Если в современной концепции собственно *цифровой реальности* роботы первого поколения, созданные сугубо человеком, уступают могуществом роботам «2.0», в производстве которых должны принять участие (вопрос о степени) первые, то у Платона «солдаты», напротив, ниже «монахов». «Напротив» – это если допустить механизм происхождения (нисхождения) одних от других. А именно, если понимать солдата, как ухудшенную (сниженную) копию жреца.

В общих чертах, примерно так.

В какой исторической ситуации появляется на свет модель Платона? – Кризис (предчувствие катастрофы) греческого общества. Кризис античного полиса-государства. Демократического!

В двадцатом веке аналогичный кризис демократии на первом своём витке привёл к апробации проектов государств корпоративного (фашистского) типа. Особняком стоит СССР, что во многом определяется особенностью уже «русского мира».

А на втором витке мы получаем проект, которого так опасался даже мыслитель-нацист Хайдеггер. Это и есть наша компьютерная революция, положившая начало созданию принципиально иной реальности – «цифровой». Реальности, в продолжении своём, отличной не только от природы, но и от культуры.

Чем всё это чревато? – Возможно, чем-то вроде Апокалипсиса. Если «робот 2.0» и следующие за ним «генерации» действительно выйдут из-под нашего контроля (да и в случае «контроля» не всё однозначно). И «законы-запреты Азимова» могут оказаться лишь фиговым листком.

Кстати, идея «прививки» роботу эмоционально-чувственного (оценочного) комплекса перекликается с солдатом Платона – существом, как-то «душевным». А вдруг таким образом удастся сконструировать личность более высокого типа, нежели человек?! Однако, скорее всего, личность вовсе не конструируема. Как и жизнь. Таким способом возможна её карикатура – «квазиличность» или даже «антиличность».

Ведь и «роботы» Платона – продукт не конструирования как такого, а акта, противного эманации. Некий катарсис-анабасис. Возвращение-восстановление. «Конструктивизм» вырастает из субъективистского активизма Просвещения и через него. Это в эпоху Возрождения, у гуманистов (христианских платоников), речь шла о неком аналоге самому платонизму (или неоплатонизму). С тем отличием, что целью являлся не робот, а именно личность. Здесь и теперь! По сю сторону, а не в транскрипции только Воскрешения.

С Просвещением тоже не всё просто. Вряд ли стоит огульно уличать его в «антиличностной реакции». Скорее, наоборот. Но корни *современного* проекта видятся там: Деизм. Механицизм…

Гоббс. Человек по природе – плох. Но «дурное» в человеке, по Гоббсу, именно свобода. И здесь уже трудно провести различие между свободой и своеволием, как проводит его затем Кант. По Канту, наше спасение как раз в свободе, которую он жёстко противопоставляет человеческой природе. Природе, как и у Гоббса, плохой, но – иначе. В его философии (достаточно противоречивой) идёт борьба всё-таки за личность, а не против неё.

Сегодня личность оказывается между молотом и наковальней. Наковальня прорастает из дискредитации либерализма и попытки отказа (напрочь!) от модели правового государства. Являет собой реанимацию той или иной версии корпоративистского проекта. А молот… Молот высвечивает уже из «цифровой реальности». И также не в единственной версии-распечатке.

Неизбежность? – Не факт. Но угроза наличествует. Сработает ли тезис Гёльдерлина, столь почитаемый тем же Хайдеггером (где опасность, там и спасение), тоже не факт…

Список литературы:

1. Лосев, А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона / Платон. Собрание сочинений: в 4 т. // Философское наследие, т. 112. Академия Наук СССР, Институт философии. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 3–63.

Вардомацкий Л.М.

ИНОКУЛЬТУРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК: ФОРМЫ, СПОСОБЫ, РИСКИ

Ключевые слова: глобализация, язык, языковое влияние, семантика, семантические коннотации, лексика, лексические заимствования, англицизмы.

Как известно, язык – это универсальное и единственное в широком его понимании средство общения, условие формирования и стабильного развития общества. Лексика – наиболее подвижный пласт языка, поскольку неразрывно и постоянно связана с внеязыковой действительностью и отражает ежедневно возникающие новые социальные реалии. И совершенно справедливым является утверждение, что словарь любого языка – это зеркало как общества в целом, так и отдельных социальных и профессиональных групп населения. Формирование словарного языка – постоянный, сложный и противоречивый процесс как с точки зрения функционирования внутриязыковых законов и правил, так и сточки зрения его общественного восприятия. Пуризм по отношению к языку достаточно часто (и справедливо!) подвергался критике, начиная, может быть, со знаменитого пуш-

кинского выражения: «Но панталоны, фрак, жилет – всех этих слов на русском нет». На самом деле языковые заимствования – совершенно обычный, естественный и даже необходимый (например, в терминологии) процесс межъязыковых взаимодействий. Как пишет Г.И. Шевченко, иноязычные заимствования полезны и необходимы, если они в полном объеме выполняют «свою главную функцию – удовлетворение потребности языка в языковом материале» [1,4]. Вопрос стоит лишь в плоскости оправданности демонстративно, публично вводимой в родной язык иноязычной языковой единицы.

Цель настоящей работы – попытка выделения и классификации новых способов и форм проникновения в русский язык инокультурных языковых элементов, которые по своей структуре и содержательному наполнению не являются средством восполнения отсутствующих или семантически недостаточно номинированных в русском языке понятий, а, следовательно, являются чужеродными и избыточными. Определение таких групп «заимствований» и аргументация их негативного воздействия на язык, а, следовательно, и на носителей этого языка – одна из задач современного языкознания. И в этом несомненная *актуальность* лингвистических исследований, проводимых в этом направлении в последние десятилетия лишь эпизодически.

Материалом для исследования послужили наблюдения над особенностями включения и использования в различных сферах устного и письменного общения элементов иноязычной речевой культуры.

Степень оправданности тех или иных способов и путей пополнения лексического состава языка является предметом непрекращающихся уже более двухсот лет дискуссий, в процессе которых обсуждаются как вопросы искусственного конструирования слов из родного языкового материала (например, русскими поэтами-представителями известных течений начала прошлого века), так и прямых заимствований из инокультурной языковой среды или лексических построений на основе иностранных языковых элементов. И, как кажется, благодаря таким дискуссиям современных «славянофилов» и «космополитов» отсекаются различные крайние взгляды, что и обеспечивает языку поступательное движение, непрерывную связь с реальностью и выполнение его основной функции – обеспечивать стабильную устойчивость общественных отношений.

К оценке и оправданности лексических заимствований обращались многие известные ученые (не только лингвисты) и политические деятели и приходили к совершенно противоположным выводам. Часто один и тот же мотив, одно и то же побуждение, например, забота о чистоте родного языка, как пишет Л.П. Крысин, могут стимулировать совершенно противоположные оценки прямого заимствования [2, 27–28].

Начало XXI века характеризуется заметной активизацией процесса заимствований из англо-американского языка практически во все языки мира. Такие заимствования стремятся «внедриться» и в русский и белорус-

ский языки, вытесняя собственные, традиционные языковые формы. Во многих областях нашей жизни нас уже окружают сплошные англицизмы: наименования новых технологий, экзотических блюд, компаний, профессий, должностей. И это в целом абсолютно естественный и объяснимый процесс: англицизмы в последние десятилетия явились той питательной средой, которая оказала заметное влияние на все языки мира, и на русский, в том числе. Вопрос в данном случае лишь в степени оправданности включения иноязычных, инокультурных лексических единиц и форм в систему давно сложившегося языка.

Активная информационная глобализации начала 21-го века естественным образом влечет за собой и глобализацию языка, отражается в языке, порождая новые, еще более жесткие проблемы. Дело в том, что во всех областях глобализации, и в языке, в том числе, субъективно или объективно отсутствуют условия «равноправия» в процессе взаимодействий. Наоборот, в процессе межязыковых контактов наблюдаются элементы одностороннего влияния или даже подавления языка-реципиента. Фронт такого влияния сегодня заметно расширился. И в понятие «языковые заимствования» сегодня следует включать не только собственно лексические единицы, приходящие из другого языка в качестве названий новых понятий и процессов, но и новое орфоэпическое и орфографическое оформление уже существующих слов по правилам чужого языка, и называние различных публичных объектов в традициях иноязычной речевой культуры, и специфическое языковое оформление компьютерного пространства, и формирование так называемых «ников» в системе виртуального общения молодежи. Особую активность в этом направлении проявляют различного рода коммерческие и, в частности, торговые предприятия.

В качестве примера приведем здесь лишь незначительную часть названий, представленных лишь в одном(не самом большом) торговом центре, где со всех сторон на посетителя давят сверкающие, но в подавляющем большинстве случаев совершенно непонятные с лексической точки зрения названия (орфография оригиналов сохранена):*Brandfactory, Matriks, Dimanch Lingerie, Allegro, Samura, Wilmax, Trendy, Ami, Xistore, Happy holidays, Eliste, Fashion, Burvin, Bags, Olmar, Dejavu, Mustang, Shoes Accessories, Keddo, tomfarr, Lakbi, Ola, Nelva, Gode, Oodji, Makey, Zebra, Motovelo, Luxuryfox, Parfum, Vintage, Hitzona, Breakout, Avon, nailart, maik-up.*

Понятно, что владельцы таким образом ищут формы привлекательности своих торговых точек и способы усиления рекламного воздействия на посетителей, вовлечения их в свое товарное пространство. Но в условиях массовой однотипности такого рекламного приема степень его успешности становится весьма сомнительной. А вот степень скрытого негативного воздействия такого «рекламного» приема все более очевидна. И связана она с недопониманием огромной роли языка в жизни человека, в формировании личности. Приведенные (и многое другие подобные примеры)

формирую небрежное отношение к языку, что диалектически реализуется в небрежности мышления. Орфографическое или графическое видоизменение слова ведет на самом деле вначале к затемнению, а потом и к искажению его первоначального значения, к потере коренных связей между словами. И наконец иноязычное оформление в неоправданных случаях культурно-экономического пространства по правилам чужого языка ведет к искусственному вуалированию собственных национальных достижений, создавая впечатление иноязычного превосходства.

Нельзя думать, что проблема эта только русского или белорусского языков. Через нее проходят практически все и малые, и большие языки. И решается она формированием определенной государственной языковой политики. Так, например, во Франции в 1975 году был принят закон о защите французского языка «от вторжения английского и любого другого языка, а значит и чужой культуры». Там же в 1994 году был принят так называемый «Закон Турбона», который регулирует использование французского языка в том числе в вывесках, маркировке товаров, названиях коммерческих и торговых организаций.

Обсуждение необходимости разработки такого закона у нас – вполне назревшая задача. Законодательное регулирование включения элементов иноязычной речевой культуры в различные сферы функционирования современных русского и белорусского языков стало бы важной платформой для, с одной стороны, упорядочения, нормализации и развития фонетической, лексической и грамматической систем языков, с другой, что еще более важно и очевидно, инструментом сохранения исторической памяти и преемственности культурно-образовательных традиций.

Список литературы:

1. Шевченко, Г.И. Фразеологизмы античного происхождения в славянских языках / Г.И. Шевченко. – Минск, БГУ, 2005. – С. 4.

2. Крысин, Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л.П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27–34.

Вашурин А.Н.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

Ключевые слова: история, память, идентичность, этнокультурные процессы, многообразие, глобализация.

Историческая память, как определённая форма сохранения традиционных ценностей неизбежно связана с этнической культурой, которая в настоящее время становится всё более глобализующейся, всё более пронизанной культурными изменениями мировой цивилизации. В этих условиях актуальной становится проблема сохранения исторической памяти кон-

кретного этноса, борьба за историческую правду, противостояние историческим фальсификациям.

Культурное наследие того или иного народа обычно связывается с развитием этногенеза и, следовательно, является культурным опытом связанным с исторической памятью. Он обретается через национальную историю, когда осваивается конкретная территория, когда племя приспосабливается к определённым условиям существования, создающийся в форме общих для данного народа бытовых и духовных ценностей, этических и эстетических правил поведения, выражающих внешнюю коммуникативность народа и его внутреннюю составляющую, обязательную для полноценного функционирования этноса.

Культурная значимость народных традиций, обычаев, нравов, представляет из себя в современном мире специфическое соединение исторически народных и новых элементов, где сосредотачивается практика существования этноса в цивилизационном пространстве.

Новейшая история развития этносов показывает, что в современном технократическом и информационном обществе народная культура трансформируется из закрытой составляющей в открытую, в которой увеличивается значение глобализационных факторов, изменяющихся скачкообразно в унисон современной международной цивилизации. Традиционная культура всё более попадает под влияние научно- технической революции, всё более приобретая черты массовой. Особую роль играет в этом процессе информационная интернет- среда, оказывая глобальное влияние на индивида современного социума, порой сознательно создавая аберрации исторической памяти и таким образом искажая подлинные события прошлых лет.

При данных обстоятельствах, часто случается так, что народ не в состоянии консервативно отстоять свою первичную культурную социальную среду и вследствие этого начинает примерять на себя инновационные не отражающие его историческую суть обычаи.

В условиях современных реалий, сохранение этнокультурных ценностей становится серьёзной проблемой, такой же, как и условия их существования. В результате происходит превращение народной культуры в массовую, стирание исторической памяти.

В наше время человечество учится жить в условиях новой информационной эпохи. В этих условиях большой привлекательностью начинают пользоваться такие социально-философские проблемы как судьба модернистских инсталляций, судьба этнических культур, обычаи и моральные нормы которых практически несовместимы с определёнными ценностями западной цивилизации.

Вольное или невольное переписывание истории, искажение исторической памяти, нивелирования её роли в сфере культуры, без учёта влияния и особенностей этнокультурных ценностей в перспективе могут привести к новому цивилизационному и культурному разделению, к обостре-

нию международных отношений, росту этнических противоречий, конфессиональных конфликтов, на фоне увеличения населения земли, усиления борьбы за ресурсы в силу их ограниченности, роста количества экологической проблематики.

Вполне очевидно, что в современной мировой социальной системе, актуализируются системные кризисные явления, в контексте которых этнокультурные ценности вновь становятся востребованными, населением восточных и западных государств.

В связи с этим возникает проблема сохранения исторической памяти народов в противостоянии глобальной унификации, когда этносу пытаются навязать отказ от национальных приоритетов, ценностей, от героического прошлого.

Противостоять этим тенденциям, бороться за сохранение исторической памяти – одна из важнейших задач системы современного гуманитарного знания.

Список литературы:

1. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.

2. Блауберг, И.В. Проблема целостности и системный подход / И.В. Блауберг. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 45 с.

3. Глущенко, Г.Ю. История versus память: к проблеме взаимосвязи истории и памяти / Г.Ю. Глущенко // Философская мысль. – 2018. – № 1. – С. 37–50.

4. Дровянников, В.И Методика управления развитием социальной сферы на основе динамической модели / В.И. Дровянников, И.Н. Хаймович, Е.А. Чумак // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 12, ч. 6. – С. 1206–1209.

5. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. – М.: РАН, 2018 – 508 с.

6. Российская нация; Становление и этнокультурное многообразие / под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. – 462 с.

Волошина В.Ю.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, демифологизация истории.

Переход в исторических исследованиях от событийной модели прошлого к социокультурной актуализировал изучение феномена исторической памяти. Современного историка теперь интересует «не столько содержание события в момент, когда оно происходило, но тот шлейф трансформирующегося во времени смысла» [2, с. 17].

Первопроходцами изучения проблем исторической памяти по праву считаются М. Хальбвакс, П. Нора, П. Рикёр, супруги Ассман, М. Барг и др. В современной отечественной историографии этим проблемам уделяется особое внимание на страницах альманаха интеллектуальной истории

«Диалог со временем», бессменным редактором которого является Л.П. Репина.

В памяти о прошлом исследователи выделяют три вида: индивидуальную, коллективную (социальную) и историческую (культурную). Они различаются по срокам и способам сохранения, носителям, интерпретации прошлого, роли в национальной идентичности и источникам. В данном выступлении предлагается рассмотреть проблемы формирования исторической памяти, которая не возникает сама по себе, а *специально формируется,* исходя из потребностей настоящего на основе памяти поколений, научных представлений о прошлом, а также благодаря целенаправленной «*политики памяти*» со стороны государства, направленной на утверждение и закрепление актуальных для него интерпретаций исторических событий разнообразных коммеморативных практик государственными и общественными институтами и специалистами. В формировании исторической памяти можно выделить как теоретико-методологические, политические, идеологические, психологические аспекты, так и организационно-практические.

В зависимости от актора выделяют различные способы, методы и институты воспитания исторической памяти. Сюда относятся празднование годовщин и юбилеев, проведение торжественных приемов, награждение ветеранов, создание памятников и мемориалов, выставок, посвященных тому или иному событию в истории или символу (национальному гербу, флагу) и т.п. Для создания, сохранения и трансляции необходимы профессиональные носители и разветвленная инфраструктура (СМИ, типографии, архивы, музеи, выставочные залы, кинотеатры и пр.). При этом необходимо подчеркнуть, ведущую роль государства в осуществлении «политики памяти», поскольку его государственные образовательные и воспитательные учреждения через преподавание истории и других дисциплин, связанных с изучением национальных традиций и культуры, воспитывают у молодого поколения чувства национальной гордости и патриотизма. Государство ни в коем случае не должно отказываться от этой роли в пользу общественных движений и частных организаций. Образование не должно быть услугой, которую оказывают населению, его качество и содержание представляет важнейший государственный интерес и являются обязательными условиями культурной безопасности страны. К сожалению, в настоящее время мы не видим должного внимания к этой работе со стороны нашего государства. Так, в последние годы в российских вузах на неисторических факультетах произошло значительное сокращение аудиторных часов на преподавание отечественной истории (со 108 до 32). При этом абитуриенты, не сдающие ЕГЭ по истории, приходят в вуз с очень низким уровнем подготовки по этому предмету и оказываются не в состоянии освоить его в отведенное время. Они легко становятся благодарной аудиторией для разного рода пропаганды, направленной на искажение исторической памяти.

Одной из основных теоретико-методологических проблем является соотношение «истории», т.е. прошлого реконструированного учеными, и «памяти», которая сохранилась у современников событий на уровне индивидов и социальных групп. Как правило, они не совпадают, поскольку задачей историка являются сопоставление, анализ и обобщение имеющихся фактов прошлого, выявление между ними причинно-следственных связей, Ученые формируют и транслируют исторические знания в общество, при этом, они могут открывать новые факты, которые, по каким-либо причинам, не запечатлелись в памяти поколений, но что-то объясняют в прошлом. В свою очередь, современники в воспоминаниях реконструируют собственный жизненный опыт. Воспоминания конкретного человека могут неверно, по сути, освещать то или иное событие в силу слабой информированности автора, его политической ангажированности, идейных и политических убеждений, интеллектуального потенциала, социального статуса и пр.

Существуют также и межпоколенческие различия в восприятии прошлого и в особенностях культуры политического мышления. Представители третьего, четвертого и далее поколений уже отстраненно воспринимают событие, в котором принимали участие прадеды и прапрадеды. Оно для них утрачивает былую эмоциональную окраску и актуальность, сохраняясь на уровне семейных преданий. Например, для большинства нынешних потомков эмигрантов первой волны уже не столь дороги письма, дневники и воспоминания их предков, они их выбрасывают или, в лучшем случае сдают в архив. Зачастую, для молодежи, устремленной в будущее, представители старшего поколения, вспоминающие о прошлом, видятся «дряхлеющими» консерваторами, не вполне понимающими настоящее. Немаловажную роль здесь играет также непрезентабельный образ старости. Именно поэтому очень важно в работе с молодежью использовать современные информационные технологии и говорить с ней на понятном языке.

Важнейшей проблемой формирования исторической памяти является демифологизация истории. Под мифом в современном историческом знании понимаются интегрированные в настоящее представления о прошлом. В этом смысле появление мифа неизбежно. Поскольку память социально и исторически детерминирована, то в ответ на вызовы времени в обществе возникают те или иные исторические мифы, объясняющие настоящее прошлым. Однако, говоря о демифологизации истории, в данном случае мы имеем в виду ее умышленные фальсификации, ставшие в современном мире важнейшим инструментом развернувшейся информационной войны между Востоком и Западом. В последнее время, когда такое судьбоносное событие нашей истории XX века как война с фашизмом по времени все более удаляется от нас, и уходят ее непосредственные участники, в обществе, не угасают, а наоборот разгораются жаркие дискуссии об интерпретации войны. Можно услышать циничные рассуждения, что именно Советский Союз стал главным виновником развязывания Второй мировой

войны, а в разгроме фашизма он не сыграл ведущей роли, что подвиг героев-панфиловцев – выдумка военных корреспондентов, что гуманитарная катастрофа, случившаяся в Ленинграде во время его блокады, целиком лежит на совести советского руководства, что за победу над фашизмом советские люди заплатили излишне высокую цену и тому подобный бред. Это неслучайно, во-первых, потому, что именно сейчас происходит переформатирование памяти, из коллективной она переходит в культурную. По словам Л.П. Репиной, «субстанция коллективной памяти исчезает и замещается довольно приблизительными коллективными представлениями», происходит «процесс последовательной “усушки и утруски” памяти, отбора фактов, их упорядочивания, а затем переупорядочивания». [1, с. 44.] А, во-вторых, в условиях развернувшейся после распада СССР мощной информационной войны искажение исторических событий, на которых базируются патриотизм и национальная идентичность, направлены на ослабление безопасности нашей страны разрушение ее культурного кода. В этом случае демифологизация истории из научной проблемы превращается в инструмент идеологической борьбы и вносит весомый вклад в формирование исторического сознания общества.

Список литературы:

1. Репина, Л.П. Историческая память и современная историография / Л.П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39–52.

2. Чеканцева, З.А. Французская революция XVIII века как событие будущего между научным дискурсом и зеркалами памяти / З.А. Чеканцева // Диалог со временем. – М.: ИВИ, 2016. – № 56 – С. 16–38.

Головач А.А., Дашкевич Е.Р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ

Ключевые слова: память, историческая память, историческое сознание, социокультурный феномен.

Историческая память составляет основу, ментальное ядро общественного сознания, обеспечивая возможность идентификации и самоидентификации отдельной личности и общества в целом. В настоящее время изучение исторической памяти стало одним из активно развивающихся направлений исторической науки. Высокая востребованность понятия «историческая память» во многом объясняется как его собственной «нестрогостью» и наличием множества определений. Вся терминология памяти характеризуется многозначностью [1, с. 243].

Память бесконечна, все сознание опосредовано ею, даже сиюминутное ощущение настоящего получает осмысление посредством памяти [2, с. 12]. Именно исходя из памяти и заложенных в ней схем, человек ориен-

тируется, сталкиваясь с новыми явлениями, которые ему предстоит осознать. То, что происходит «здесь и сейчас», интерпретируется на основе ранее накопленных знаний и, таким образом, само настоящее, в котором мы живем, выстроено из прошлых событий.

Если рассматривать соотношение понятий «историческое сознание» и «историческая память», то можно увидеть, что эти понятия настолько тесно связаны, что часто воспринимаются как синонимы. «Память» рассматривается чаще всего в контексте понятия «сознание», как его функция, информационная основа и процесс. Л.П. Репина характеризует историческую память с позиции социокультурного феномена, нацеленного на осмысление исторических событий и их символическую репрезентацию [3, с. 411].

С другой стороны, память – это психический процесс, связанный с запоминанием, сохранением и воспроизведением прошлого опыта человека, народа, страны и включением его в сферу сознания.

Если охарактеризовать суть и содержание исторического сознания, то можно сказать, что оно представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей.

Выделяются два основных подхода к оценке соотношения этих понятий:

1) более широкое распространение получил подход, в рамках которого память воспринимается как часть сознания, один из психических процессов (ощущение, восприятие, мышление, память), определяющих функционирование сознания, т. е. как более узкое понятие [4, с. 84];

2) в контексте физиологического подхода сознание (сознательное) рассматривается как понятие более узкое по отношению к памяти, т, к, она включает еще и бессознательное [5].

Историческая память не только актуализирована, но и избирательна – она нередко делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие. Попытка выяснить, почему это происходит, позволяет утверждать, что актуализация и избирательность в первую очередь связаны со значимостью исторического знания и исторического опыта для современности, для происходящих в настоящее время событий и процессов и возможного их влияния на будущее. В этой ситуации историческая память нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения человека в данный период времени.

Таким образом, проблемы изучения исторической памяти являются отражением растущего интереса исторического сообщества к не вполне традиционным сюжетам, связанным не с описанием исторических собы-

тий, а с их восприятием современниками, потомками, историками. Эти проблемы находятся в зоне междисциплинарности и требуют согласования и доработки, привлечения новых источников и методов их изучения, т.е. поиска новых форм исторического познания.

Список литературы:

1. Мазур, Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти / Л.Н. Мазур // Изв. Урал. федер. ун-та. – 2013. – № 3. – С. 243–246.
2. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
3. Репина, Л.П. История исторического знания / Л.П. Репина В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: ДРОФА, 2004. – 288 с.
4. Щербатых, Ю.В. Общая психология / Ю.В. Щербатых. – СПб.: Питер, 2008. – 272 с.
5. Понимание и память: сознание и бессознательное [Электронный ресурс] / А.Ю. Агафонов. – Режим доступа: http://andrey-agafonov.narod.ru/books/pp.htm. – Дата доступа: 20.10.2012.

Голубев В.А.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ НАСИЛИЯ И ПОЛИТИКИ «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ» В СОВРЕМЕННОМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: толерантность, двойные стандарты, социум, свобода.

Политика двойных стандартов – явление, при котором идентичные политические и социальные феномены или объекты расцениваются поразному в зависимости от того, чья сторона ближе оценивающему. Официально данная политика не признается, однако де-факто она есть базис современных политических отношений в мире. Целью проведения данной политики на современном этапе является борьба за демократию в западном ее понимании, установление западных ценностей и правил. Зачастую данные ценности агрессивно навязываются даже с применением военной силы, как например, события в Югославии в конце 90-х гг. XX в. Одним из инструментов, являющихся проводником данной политики, является толерантность в искаженном ее понимании.

Термин «толерантность» (лат. Tolerantia – терпеливость, терпение) на сегодняшний день имеет множество значений и используется в различных сферах социальной жизни. В наши дни выделяют следующие сферы деятельности общества, где проявляется толерантность: религиозную, гендерную, расовую, политическую и т.д. В конце XX в., с приходом общества эпохи постмодерна, термин «толерантность» стал неотъемлемой частью жизни западноевропейского социума. Отождествив ранее указанный термин с понятием, «свобода», западноевропейские политики, социологи и философы указали на необходимость культивировать толерантность как

основное качество европейского общества и государств, входящих в состав Европейского союза [см. 1]. В итоге стали подниматься вопросы о существующих различного плана меньшинств, составляющих какую-либо часть социума. В изначальной постановке вопроса говорилось о необходимости защиты их прав и свобод. Инициатива, за некоторым исключением, в целом была пассивно поддержана гражданами европейских государств.

Однако в дальнейшем, по мере развития тех или иных процессов, стал наблюдаться отход от тенденции защиты прав к тенденции превалирования прав. Иными словами, под лозунгом защитой прав меньшинства стали ущемляться права большинства. Особенно это стало заметным в национальном, религиозном и культурном аспектах. После значительного увеличения процента мигрантов из государств Ближнего Востока и Африки в результате событий так называемой «арабской весны», выходцев из Турции, стремящихся войти в состав ЕС, европейское общество столкнулось с беспрецедентным феноменом, когда права и свободы собственных граждан стали менее значимыми для правящих элит, нежели права и свободы мигрантов. После коллизий между мигрантами и европейцами на культурно-религиозной почве (например, празднование религиозных праздников, традиционное употребление в пищу определенных видов продуктов, проведение религиозных обрядов и установление определенных праздничных дат), вынудило европейские власти пересмотреть реализацию принципа толерантности. Однако данный пересмотр был сделан не по принципу компромисса, а в пользу национально-этнических меньшинств. Обвинение европейского населения в «неподобающем внешнем виде», провоцирующем мигрантов на действия сексуального характера или на иное насилие, можно рассматривать никак иначе, как покушение на права и свободы граждан.

Сюда же можно отнести поощрение и пропаганду однополых браков, нетрадиционных отношений, предоставление лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией больших прав и свобод по сравнению с большинством традиционной сексуальной ориентации.

Здесь можно отметить, что манипуляция с термином «толерантность» целиком и полностью соответствует политике т.н. «двойных стандартов», проводимых европейскими политическими деятелями во внутренней и внешней политике. Например, с одной стороны, защита религиозных и культурных прав меньшинства является долгом демократического общества как защита свободы совести, с другой – защита путем ограничения прав большинства является отнюдь не признаком свободы и демократии. Это является нарушением не только морально-этических норм, но и актов законодательства. Так, в декларации принципов терпимости, принятой генеральной Ассамблеей ООН в 1995 г., говорится: «Проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживать-

ся своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим» [2].

Не менее остро данный вопрос затрагивает и политическую толерантность. В любом государстве, вне зависимости от его формы, существует определенный процент людей, не согласных с проводимой властями политикой. Мирно выражать свое мнение – право любого гражданина. Однако на практике оказывается, что должная свобода расходится с сущей ее реализацией. События в Париже в 2020 г. и Берлине в 2020 г. являются примером того, что власть представляла собой ту силу, которая не позволит какой-то деструктивной реализации событий. Однако основной вопрос заключается не в этом. Любая власть должна уметь защитить себя и свое государство. Вопрос в оценке и отношении к явлению. Если в западноевропейских государствах такие события рассчитываются как «покушение на демократию», то в сопредельных государствах западными политиками это рассматривается как нарушение прав и свобод граждан, что влечет за собой немедленное наложение каких-либо санкций.

И это не единичные события. Толерантность давно стала элементом манипулирования и политики «двойных стандартов», где одинаковое явление или процесс рассматриваются не как нечто объективное, а со стороны, выгодной тому, кто ее освещает. Толерантность превратилась в своеобразный элемент насилия над обществом, став инструментом силы, воздействующей на сознание и психологию человека. Трансляция необходимых мыслеформ и ценностей, чуждых большинству, является неотъемлемой частью внутренней политики государств Западной Европы. При этом данная пропаганда характеризуется как единственно верное представление о свободе. Введение в учебных заведениях уроков гендерного и полового воспитания, пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, предоставление больших прав и свобод религиозному и этническому меньшинству и трактовка данных действий как единственно верных можно охарактеризовать как особый вид насилия над большинством собственных граждан. Несогласие или неприятие данной трансляции расценивается как антидемократизм, ксенофобия, гомофобия, фашизм и пр. Помимо вышеупомянутого, транслируется образ поведения, нормы общения с т.н. меньшинствами, согласно которым, их ценность в обществе ставится на гораздо более высокий уровень по сравнению с большинством.

Однако главной проблемой для соседних государств, в частности, для Беларуси, является отнюдь не реализация данной политики в Европе. Главной проблемой является агрессивная экспансия вышеупомянутых ценностей и норм на граждан нашей страны под видом свободы и демократии, навязывание своих политических и социальных институтов, стре-

мящихся разрушить нашу государственность, лишить гордости за свою историю, лишить истории в целом, заставить отказаться от своего прошлого и, тем самым, поставить под сомнение свое будущее. Существование наших ценностей и норм, их защита не признаются согласно проводимым «двойным стандартам». Чем это может обернуться для страны и для государства в целом, в политическом плане показывают события в Украине, где, помимо фактического уничтожения института государства началось «переписывание истории» и возрождение идей нацизма.

В самих европейских государствах извращение и манипулирование термина «толерантность» вытекает в резкий рост радикальных движений и неофашизма как реакцию на действие мигрантов и защиту этих действий со стороны власти, снижение рождаемости и сокращение численности коренного населения, и одновременную пропаганду однополых браков, которые ведут к ускорению вышеописанных процессов.

Таким образом, на сегодняшний день существует искаженная трактовка термина «толерантность», которая представляет собой определенный вид насилия как инструмента политики «двойных стандартов». К сожалению, точного ответа, для чего происходят данные действия, нет. Однако для нашей страны важно четко обозначить свои приоритеты и ценности, быть готовой их защищать, помнить и чтить свою историю и свои традиции, при этом учитывать, что взаимодействовать с иными государствами возможно только на равных условиях, то есть не допускать общения с собой с позиции силы. В западноевропейских странах толерантность давно уже стала не созидательным качеством, формирующим здоровое общество, а извращенным понятием, которое используется для проведения политики «двойных стандартов».

Список литературы:

1. Кирхмайер, В. Толерантность станет душой Европы / В. Кирхмайер // DW: Новостной информационный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dw.com/ru/%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%B4%D1%83%D1%88%D0%BE%D0%B9%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D1%8B/a-2317688 – Дата доступа: 29. 09. 2021

2. Декларация принципов терпимости / Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // Основной портал Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc. shtml – Дата доступа: 29. 09. 2021

Дружина Н.Л.

ЯЗЫК, КОГНИЦИЯ, ГЕНДЕР

Ключевые слова: гендер, лингвистика, языковая асимметрия, гендерно-нейтральный язык, немецкий язык.

Характерной чертой современной лингвистики, стремящейся объединить в себе широкий круг наук, является пристальное внимание к разработке проблем, связанных с гендерными исследованиями в языке. Формирование данного научного направления в языковедении в последние десятилетия XX века связано с развитием постмодернистской философии, сменой научной парадигмы в гуманитарных науках, феминистскими движениями в англо-американской общественной, научной и политической среде.

Созданием теоретической базы гендерных исследований, разработкой проблем лингвогендерологии и феминистской лингвистики занимались Р. Лакофф, К. Уэст, Д. Зиммерман, Дж. Батлер и др. Позиция ученых основывалась на признании ими гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа о том, что язык структурирует и направляет мышление, поэтому сознание человека в значительной степени определяется особенностями языка.

Одной из первых к теме «язык и пол» в своей работе «Язык и место женщины» (1975) обратилась американская исследовательница Р. Лакофф, которая писала: «Когда говорят о женщине, подразумевают ее объектность …, а ее социальные роли считают производными и зависимыми от мужских» [3, с. 45].

На начальном этапе значимое место в гендерно-лингвистических дискуссиях занимали проблемы андроцентризма (ориентированность на мужчину) и сексизма в языке. «Sprache ist sexistisch, wenn sie Frauen und ihre Leistungen ignoriert; sie ist sexistisch, wenn sie Frauen in Abhängigkeit von oder Unterordnung zu Männern beschreibt und wenn sie Frauen nur in stereotypen Rollen zeigt; sie ist sexistisch, wenn sie Frauen durch herablassende Ausdrücke demütigt und lächerlich macht» / В языке присутствует сексизм, когда он игнорирует женщин и их достижения; в нем есть сексизм, когда он описывает женщин в положении зависимости от мужчин или подчинения мужчинам, и когда представляет женщин только в стереотипных ролях; в нем есть сексизм, когда он посредством снисходительных выражений унижает или высмеивает женщин [1, с. 4].

По мнению немецкого лингвиста Г. Кланн-Делиус, сексизм или гендерно-несимметричное речевое употребление проявляется несколькими способами:

1. Generisches Maskulinum / «обобщенный» мужской род.

2. Отношения зависимости: *Bundespräsident Scheel und Ehefrau Milred / бундеспрезидент Шел и супруга Милред.*

3. Представление женщин в традиционных ролях: *Otto baut ein Vogelhaus, Anna hilft ihm dabei / Отто мастерит скворечник, Анна помогает ему в этом.*

4. Пейоративы в языке: *das schwache Geschlecht / слабый пол, Milchmädchenrechnung / (досл. счет молочницы; субъективизм, предвзятость* [2, с. 184–185].

Представители школы феминистской лингвистики выступали и выступают с критикой общего мужского рода, употребление которого ассоциируется в большей степени с мужчинами и в меньшей степени дает представление о том, что в мире есть как мужчины, так и женщины. Еще одним аргументом для критики *generisches Maskulinum* является проблема когнитивной репрезентации женщины, то есть фактически вопроса о том, подразумевается ли в общем значении мужского рода что-либо женское.

Итак, уже в прошлом столетии лингвисты указывали на необходимость формирования гендерно-корректных практик и связанной с ними перенастройки языка / языков на современное понимание сущности женщины и ее прав. Основная цель – так называемая «визуализация» женщин в языке и культуре, то есть «in all jenen Bereichen, in denen sie bisher marginalisiert waren» / во всех тех областях, где они до сих пор были маргинализированы [4, с. 101].

Обсуждение проблем сексизма в языке повлекло за собой появление терминов «гендерно-нейтральный», «гендерно-симметричный», «гендерно-чувствительный», что связано с тенденциями глубинной демократизации общества, где основными характеристиками выступают статусное равенство и равные возможности. Данные термины призваны расставить политические и лингвистические акценты в вопросах равного и справедливого отношения ко всем гендерным группам и идентичностям. Гендерная нейтрализация в отличие от нейтрализации языкового сексизма предусматривает не только инклюзию для женщин, предоставив им равные с мужчинами возможности для лингвистического выражения, но и использование новых форм в гендерно-небинарном обществе.

К примеру, идеи гендерной нейтрализации нашли применение в языковой политике Германии, где предусмотрены определенные правила для лиц, работающих в административно-правовой сфере, СМИ, общественных организациях, вузах и т. д. Так, на сайтах немецких университетов можно найти директивы для реализации гендерной нейтральности (употребление бинарных формулировок: *Leser und Leserin / читатель и читательница*; символов для уравнивания всех гендеров: *гендерная звездочка, гендергэп* – гендерный пробел или гендерный штрих и др.).

В целом, гендерное «выравнивание» языка осуществляется путем феминизации, то есть с помощью реконструкции женских номинаций – феминитивов либо путем «стирания» гендерных маркеров. Так, авторитетный справочник немецкого правописания, которым считается орфографический

словарь Дуден, планирует в течение 2021 года добавить 12000 новых словарных статей для обозначения профессий в женском роде. Однако некоторые языковеды полагают, что данная инициатива неправомерна. Например, в 2018 году немецким Федеральным конституционным судом была отклонена жалоба клиента-дамы одного из банков о необходимости обращения к ней *die Kundin / клиентка* на основании того, что существительное *der Kunde / клиент* может употребляться по отношению к человеку любого пола.

В рекомендациях по устранению гендерной асимметрии также подчеркивается необходимость употребления нейтральных обращений *Studierende / учащиеся* вместо *Studenten / студенты*, *Lehrende / обучающие* вместо *Dozenten / преподаватели* и т. п.

В немецкоязычном лингвокультурном пространстве вопросы гендерно-корректного употребления языковых единиц дополняются дискуссиями о транссексуальности и интерсексуальности. В 2017 году немецкий Федеральный конституционный суд признал так называемый третий пол. В лингвистическом плане языковая нейтральность для данной гендерной идентичности реализуется с помощью подчеркивания между «мужской» основой и «женским» окончанием, что служит символом небинарной идентичности.

Таким образом, особый интерес к гендерно-корректному употреблению языковых единиц связан с необходимостью признания современным обществом гендерного равенства не только на уровне общественного сознания, но и в сфере языка. Новое видение пола и гендера предполагает лингвистическую инклюзивность, то есть включенность в языковое и культурное пространство всех гендерных групп и идентичностей. Немецкий язык в настоящее время находится в процессе продолжающейся несколько десятилетий гендерной реформы, включающей в себя изменения в гендерно-маркированной лексике, внедрение феминитивов и новой транс*терминологии.

Список литературы:

1. Hellinger, M. Eine Sprache für beide Geschlechter / M. Hellinger, Chr. Bierbach. – Bonn : die Deutsche UNESCO-Kommission, 1993.
2. Klann-Delius, G. Sprache und Geschlecht / G. Klann-Delius. – Stuttgart : Metzler, 2005. – 349 p.
3. Lakoff, R. Language and Woman’s Place / R. Lakoff. – New York : Harper and Row, 1975. – 309 p.
4. Lutter, Chr. Cultural studies / Chr. Lutter, M. Reisenleitner. – Wien: Löcker, 2008.

Игнатович А.Е., Татарчук Е.И.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В 1945–1953 ГГ. В СОВЕТСКОМ, СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Ключевые слова: историческая память, образ, органы внутренних дел, правоохранитель, кинематограф.

Тема борьбы с послевоенным бандитизмом оказалась популярна у кинематографистов. Необходимо поставить вопрос о сохранении исторической памяти о сотрудниках органов внутренних дел того времени. Цель работы – охарактеризовать образ послевоенных правоохранителей в современном кинематографе с точки зрения исторической памяти. Объект исследования – советский пятисерийный телевизионный фильм «Место встречи изменить нельзя» (1979) [1], российский сериал «Ликвидация» (2007) [2] и созданный на киностудии «Беларусьфильм» историко-приключенческий детектив «Следы на воде» (2018) [3].

В телефильме «Место встречи изменить нельзя» столичный уголовный розыск выступает против банды «Черная кошка». Однако анонсированные КиноПоиском «убийства, засады, погони, перестрелки» [1] уходят на второй план перед образами правоохранителей. Прототипом Шарапова послужил Владимир Арапов, ставший позднее начальником отдела МУРа (актёр Конкин поразительно внешне похож на него, но по характеру он не соответствовал образу скромного милиционера), а у Жеглова прототипа не было, в основу его образа легло много знакомых братьев Вайнеров [1]. Идея авторов романа братьев Вайнеров «Эра милосердия», который стал основой киносценария, заключалась в том, что «после окончания большой войны … человеческая жизнь вырастает в цене, наступает пора учиться гуманизму» [4]. Но в фильме не показано преимущество Шарапова над Жегловым. Слова Жеглова – «Вор должен сидеть в тюрьме» – оказались созвучны народному пониманию справедливости. Несмотря на госзаказ, парадокс в том, что Жеглов если не отрицательный, то неоднозначный персонаж: жёсткий, но справедливый [5]. Но именно таким Жеглов и нравится зрителю.

Сериал «Ликвидация» также основан на реальных событиях. Сценарий фильма был создан на основе материалов дневника Давида Михайловича Курлянда, служившего в должности заместителя начальника Одесского уголовного розыска в послевоенные годы. Именно он стал прототипом главного героя [6]. Курлянд раскрывал сложные дела одно за другим, тщательно планировал операции и не рисковал, как его экранный образ. В фильме показано послевоенное время в Украине, когда милиция боролась с бандитскими формированиями. Деятельность последних носила не только криминальный, но и антисоветский характер. Главный герой – начальник отдела по борьбе с бандитизмом Одесского уголовного розыска Давид Гоцман. Ему долго не удавалось напасть на след банды, которая орудовала

в те времена. К тому же летом 1946 г. в ссылку в Одессу был отправлен маршал Жуков, который кардинально решает проблему послевоенной преступности, отдав приказ ликвидировать преступников на месте без суда и следствия. На этом фоне Гоцман – это действительно правоохранитель, который действует по закону, даже в отношении к преступникам. Образ Гоцмана – положительный, но колоритный и живой.

Фильм «Следы на воде» также является экранизацией – в основе фильма лежит роман «Чужие среди своих» доктора исторических наук, профессора, полковника милиции в отставке Н. Ильинского: «В книге я описал реальную историю, которую обнаружил в архивах… Предателю, подручному эсэсовцев, удалось скрыться, он убил советского солдата, завладел его документами, после чего под чужим именем проник в милицию... Начальника Пореченского райотдела я «списал» с полковника Федотова, в прошлом начальника Новогрудского отдела милиции» [7]. Стоит особо отметить кадры кинохроники в начале и конце киноленты, что создаёт образ исторической достоверности. Главный герой – разведчик, старший лейтенант Смолич, которого отправили на усиление местной милиции в Поречье. В западных районах Беларуси бандиты таинственного Фрейшюца, бывшего пособника фашистов, терроризируют население. Смолич и начальник уголовного розыска Крикунов должны обезвредить неуловимого врага. До прихода молодого и амбициозного Смолича бандитами на территории города как будто никто и не интересовался, и только с его приходом выходят на их след, рвение в работе внесло сдвиги в поиске главаря банды. Создатели фильма формируют максимально положительный образ. Правда, некоторые зрители отмечают, что Смолич вышел слишком чопорно-официальным, неживым [8]. В целом, рейтинги фильма невысоки [4].

Бесспорно, работы кинематографистов отражают историческую реальность. Послевоенная бедность и относительная доступность оружия подталкивала на криминальный путь некоторых бывших солдат и офицеров. Также не стоит сбрасывать со счетов активность пособников нацистов. Всё это внесло значительные изменения в деятельность милиции: поставлены актуальные времени задачи, подразделения органов внутренних дел организовывались по войсковому принципу, ряды милиции пополнили фронтовики.

Таким образом, данные художественные фильмы способствуют сохранению исторической памяти о сотрудниках органов внутренних дел послевоенного времени. При этом советские кинематографисты выполняли государственный заказ, современные российские – создавали, прежде всего, коммерчески успешный продукт, белорусские – делали кино к юбилею для поддержания положительного имиджа милиции. Однако во всех случаях они формируют положительный, но достаточно реалистичный, исторически верный образ милиционера в послевоенные годы, прежде всего, потому что герои имеют реальных прототипов. Ключевыми чертами характера этого собирательного образа являются решительность и принципиальность.

Список литературы:

1. Место встречи изменить нельзя (мини-сериал 1979) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/series/77202/ – Дата доступа: 04.10.2021.
2. Ликвидация (сериал 2007) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/series/378244/ – Дата доступа: 29.03.2021.
3. Следы на воде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belarusfilm.by/films/sledy-na-vode/ – Дата доступа: 29.03.2021.
4. 35 лет между Жегловым и Шараповым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20141111/1032734337.html – Дата доступа: 04.10.2021.
5. Гореликов, А. Менты и копы: Как за 100 лет менялось полицейское кино в России и США / А. Гореликов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/media/article/3260148/ – Дата доступа: 04.10.2021.
6. Давид Гоцман в жизни и на экране: легендарный одесский сотрудник уголовного розыска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kulturologia.ru/blogs/060216/28250/ – Дата доступа: 29.03.2021.
7. 23 февраля "Беларусьфильм" покажет фильм режиссера Александра Анисимова "Следы на воде" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sb.by/articles/osnovano-na-realnykh-sobytiyakh.html. – Дата доступа: 29.03.2021.
8. Фильм «Следы на воде» – отзывы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://otzovik.com/reviews/film_sledi_na_vode_2017/ – Дата доступа: 29.03.2021.

Канашевич Н.М.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Ключевые слова: историческая наука, историческая политика, Отечество, государственная идеология, информационная война.

В условиях, когда спекуляции на исторической теме все больше используются в сфере информационно-психологического воздействия на белорусское общество извне, историческая политика рассматривается в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь (2019) в качестве одного из важнейших факторов обеспечения национальной безопасности [2]. Представляется, что интерпретация содержания этого нового понятия требует уяснения соотношения понятий «историческая наука» и «историческая политика» в контексте современных реалий.

Задачей научных исторических исследований, как известно, является изучение специфики национальной истории в контексте общего исторического процесса и ее предметом являются «факты как они есть». Государственная историческая политика, хотя и опирается на историю народа, но это не история, и она не призвана описывать, «как это было на самом деле». Область исторической политики, по нашему мнению, – это **история Отечества:** на основе исторических фактов и с позиций сегодняшнего дня она высвечивает в национальной истории победы и уроки, базисные цен-

ностные основания жизни, народных героев, духовных и идейных вождей, которые становятся национальными символами.

Понимаемая в этом плане историческая политика, **несомненно, несет в себе идеологический компонент,** непосредственно связанный с потребностью обеспечения национальных интересов, гражданской консолидации и национально-государственной безопасности, воспитания патриотических и гражданских качеств. История Отечества – это и есть область национально-государственной идеологии и идейно-воспитательной работы. Историческая политика – это способ не только сохранить историческую память народа, но и поставить национальные архетипы и символы на службу национально-государственным интересам и задачам сегодняшнего дня. Государственная историческая политика призвана обозначить связь общественного сознания с отечественной историей, интерпретировать ключевые вехи его истории, культуры и этногенеза, его фундаментальные цивилизационные, этнонациональные и религиозные ценности.

Усиление этого направления идеологической работы, наблюдаемое в последнее время в Беларуси, имеет принципиальное значение. Актуально в свете событий второй половины 2020 года звучит предостережение, сделанное незадолго до этого в статье белорусского историка А. Ковалени, который заявил, что в отличие от многих зарубежных стран, «значение исторической политики как инструмента стратегии выстраивания и формирования национальной идентичности в Беларуси недооценивается» [1, с. 10]. Разделяя эту точку зрения, считаем, что поиск средств создания необходимого молодому суверенному государству системного образа национальной истории, историко-государственного мировоззрения и национальной идентичности еще не завершен.

Представляется, что в белорусской истории пока недостаточно выяснены и выражены персонифицированные аспекты многих ее периодов. Далеко не все ее значимые персонажи стали национальными символами. Это можно сказать в отношении Льва Сапеги, образ которого несет идею сильной государственности и справедливого государственного обустройства, и многих других. Достойны восхищения образы связанных с Беларусью по рождению, предприимчивых, духовно свободных людей, например, Игнатия Домейко – ученого и национального героя Чили, долгие годы бывшего ректором Чилийского университета, или Николая Судзиловского-Русселя – основателя социалистической партии Румынии, первого президента Гавайской республики.

Следует признать, в преддверии 100-летия образования БССР многое было сделано в плане персонификации современной истории белорусского народа. Однако многое еще предстоит сделать, чтобы воссоздать, начиная с истоков, историю белорусского Отечества как историю образов и имен, которые могут быть национальной гордостью. Аксиомой можно считать то, что чувство патриотизма, гражданственности, готовности беречь свое

общее национально-государственное наследие формируется через знание истории и культуры своего народа.

Вопросы исторического и политического содержания национальной государственности, как показали события 2020 года, стали предметом острой политической и идеологической борьбы. По отношению к Беларуси отдельными представителями польских элитактивно используются различные исторические спекуляции. Чтобы возместить отток польских трудовых мигрантов в Европу, «этнических соотечественников» пытаются убедить жить и работать на «исторической родине». Проводя политику культурной экспансии, определенные польские круги спонсировали в Беларуси ряд частных школ, лицеев, курсов, где кроме польского языка преподавалась история Польши, учреждена правительственная программа К. Калиновского, позволяющая белорусам бесплатно обучаться в польских университетах. Как противодействие этим действиям в информационной политике белорусского государства наблюдается отход от замалчивания имевших место в прошлом негативных фактов, выявление истинных целей подобных исторических манипуляций.

В контексте данных событий принципиальное значение имеет деятельность по разработке совместной государственной исторической политики в рамках Союзного государства России и Беларуси. В 1990-е годы в наших государствах активно экспериментировали с исторической памятью, и те, кто получал тогда школьное образование, имеют деформацию многих понятных для старшего поколения сюжетов. В системах образования России и Беларуси сегодня отмечают расхождения в трактовке исторических событий, а людям с искаженной исторической памятью трудно понимать друг друга.

Углубление интеграционных процессов предполагает создание не только экономического, но и общего союзного гуманитарного интеграционного пространства, в том числе сближение взглядов по значимым событиям и датам нашей общей истории. Важная роль в сохранении общей исторической памяти братских народов принадлежит образованию. В рекомендациях постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России (2020), содержатся предложения по подготовке учебно-методических пособий для педагогов, учебной программы и учебного пособия по истории Союзного государства. Особое значение для гражданского и патриотического воспитания молодежи Беларуси и России на фоне деструктивной информационной кампании в преддверии 80-летияпобеды советского народа над нацистской Германией и ее союзниками, имеет совместная деятельность по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне, противодействию фальсификации роли СССР и героизации преступных деяний.

Таким образом, государственная историческая политика – это теоретически систематизированный комплекс представлений о государственно-

сти конкретного народа, в виде политически и идеологически ориентированного осмысления его истории в целях создания того образа прошлого, который способствует реализации сегодняшних национальных интересов и целей. Постановка вопроса о принципиальном значении государственной исторической политики в условиях Беларуси важна в целях обеспечения национальной безопасности и гражданской консолидации общества, сохранения духовной самобытности белорусской нации в современном глобальном мире, развития Союзного государства Беларуси и России.

Список литературы:

1. Коваленя, А. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 3–12.
2. Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020 – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/P219s0001_ 1553029200.pdf

Купченко К.В., Никитина Н.В.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИКИ УНИЧТОЖЕНИЯ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1943 ГОДОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Смоленская область, оккупация, мирное население.

В годовщину начала одной из наиболее противоречивых, одновременно героических и трагических, войн нашей истории – Великой Отечественной войны,– вновь актуальными становятся проблемы малоизученных вопросов этого периода, без изучения которых невозможно воссоздать ход событий, происходивших как на территории Смоленщины, так и в других регионах страны.

Несмотря на то, что тема Смоленского региона периода встречается практически во всех исследованиях по военной истории как общей, так и специальной направленности (отдельные аспекты оккупационного режима, эвакуации), можно отметить, что события войны на территории Смоленской области изложены эпизодически, и глубина их рассмотрения далеко не одинакова. Слабо разработанными или абсолютно не исследованными остаются, например, вопросы о численности смолян, эвакуированных с территории области в 1941 г. и оставшихся в оккупации; о масштабах участия жителей Смоленщины в коллаборационистском движении, о количестве потерь, понесенных противоборствующими армиями в боях на смоленской земле и др.

Проблемными в части открытости, доступности, исследованности остаются и вопросы преступлений в отношении мирного населения на ок-

купированных территориях в годы Великой Отечественной войны, сознательное уничтожение гражданских лиц, не вписывающихся в концепцию нацистской идеологии по национальному (еврейское население, славяне, цыгане), или физиологическим (инвалиды, лица с ограниченными возможностями) основаниям [См.: 3; 5; 8; 10;].

Преодолению лакунарности данной проблематики способствует привлечение документарных источников.

Однако необходимо отметить, что за последнее время в регионе было издано всего несколько собраний документов. В частности, это сборник материалов, хранящихся в смоленских архивах и рассекреченных в период со второй половины 80-х до середины 90-х годов XX века, изданный к 60-летию освобождения области от немецко-фашистских захватчиков [См.: 2] и сборник архивных документов о преступлениях нацистов и их пособников, подтверждающих факт геноцида против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны, посвященный Смоленской области [См.: 1]. Однако, надо признать, что в настоящее время публикации документов, посвященных Смоленской области в годы войны, на региональном уровне крайне редки [См.: 6; 7; 11].

Часть документов архивных фондов использовались при реализации историко-просветительского проекта «Помни о нас…», посвященного памяти пациентов психиатрических клиник, детей-инвалидов, постояльцев домов престарелых и инвалидов, врачей-евреев, не успевших эвакуироваться с территории Смоленской области и убитых в период нацистской оккупации региона в 1941–1943 годах [9].

Особое значение для нашего исследования имеют документы, хранящиеся в фонде Р-1630 Государственного архива Смоленской области (ГАСО) «Смоленская областная чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям». Основная масса документов фонда характеризовала преступления захватчиков на территории области и проблемы, связанные с оккупационным периодом в истории Смоленщины.

Определенный интерес представляют собой переводы дневника «командующего» тылом немецко-фашистской группы армий «Центр» и одновременно начальником области «Митте» генерала фон Шенкендорфа [4]: содержится информация за несколько месяцев 1942 г. об основных мероприятиях оккупантов в районе ближнего армейского тыла (оккупированные районы Смоленской области), сведения о борьбе с партизанами, информация о формированиях коллаборационистов и т.д.

Анализ региональной архивной базы по теме исследования выявил минимальное количество документов, как правило, статистического характера, содержащих материал о жизни советского общества в период лета-осени 1941 г. Данная особенность характерна для всех регионов нашей

страны, подвергшихся оккупации и оказавшихся в зоне боевых действий. Документы учреждений и организаций, содержащие в себе основной пласт информации, погибли. Восполнить утрату документов из других источников по многим вопросам не представляется возможным. Все, чем располагают исследователи – это информация очевидцев, военнослужащих, вышедших из окружения, эпизодические сведения, поступавшие в различные штабы, документы, захваченные у противника. Исключение составляют материалы областного управления НКВД по Смоленской области, которые находились на особом хранении.

Исследование региональных архивохранилищ показало, что они содержат разнообразный материал, позволяющий в сочетании с документами центральных архивов значительно расширить источниковую для исследований, внести детализацию и определенные коррективы в общие концептуальные подходы в изучении темы.

Список литературы:

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Смоленская область: Сборник архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. О.В. Иванов; сост. С.В. Карпова. – М.: Фонд «Связь Эпох»: Кучково поле Музеон, 2020. – 656 с.

2. «…Все судьбы в единую слиты…» По рассекреченным архивным документам. – Смоленск, 2003.

3. Вызывая огонь на себя: положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941-1943 гг. / сост. : И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, Е.В. Тестова / под ред. И.А. Альтмана.– М.:Центр «Холокост»; Ростов н/Д: Феникс, 2012.

4. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 8. Д. 389.

5. Грахоцкий А.П. Процесс против Вильгельма Дёринга: «общественный интерес» и расстрел душевнобольных детей в Шумячах / А.П. Грахоцкий // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 1 (122) – С. 11-22.

6. Комаров, Д.Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны / Д.Е. Комаров. – Смоленск, 2004.

7. Комаров, Д.Е. Смоленское сражение в архивных документах / Д.Е. Комаров // Край Смоленский. – 2005. –№ 9-10. – С.38-47.

8. Не забудем, не простим: Сб. документов о зверствах немецко-фашистских захватчиков на Смоленщине. – Смоленск, 1945. – 63 с.

9. «Помни о нас...»: Выставочный проект, посвященный памяти пациентов психиатрических клиник, детей с инвалидностью и врачей-евреев, которые стали жертвами нацистской оккупации на Северном Кавказе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.nsvictims.ru. – Дата доступа: 04.10.2021.

10. Смоленская область. Книга Памяти мирных жителей. – Смоленск: Смядынь, 2005.

11. Шерстнев, В. Трагедия сорок первого. Документы и размышления / В. Шерстнев. – Смоленск, 2005.

Nazriev K.K.

IMAGE OF POLITICAL OPPOSITION IN PUBLIC CONSCIOUSNESS

Keywords: political consciousness, opposition consciousness, public opinion, political parties, opposition parties, opposition identity, political understanding.

Opposition consciousness exists as a form of political consciousness in every political system [1, c. 11]. It has an abstract, cognitive aspect and includes the subjective aspect of political life. It is a kind of perception of policy, interests and positions by policy actors. The level of openness and closedness of political consciousness depends on the political climate - the conditions created by the political regime. It can be a reflection of a healthy and moderate opposition, or it can be an irreconcilable and radical opposition. Opposition consciousness is formed as a result of the influence of political space and political environment on people's minds. A situation in which public dissatisfaction and non-realization of the interests of a section of society contributes to the formation of opposition consciousness. Opposition consciousness is a set of feelings, desires, imagination, ideas and a set of values that are specific to a particular group of people and have the potential to mobilize them. Opposition consciousness can be at the surface there are individual and group. At the grassroots level, the effectiveness of the existing government will cease to exist, and there will be a change of elite.

Opposition consciousness is formalized by the existence of opposition in society. This is a natural and positive human right, as such an ideological position is guaranteed by the democratic state to the citizen. This type of public consciousness can exist only in societies where freedom of speech, will, and pluralism are not persecuted by the state. Opposition consciousness is the opposition's perception, which is manifested by the masses at all levels and is always associated with political activity and participation.

In the context of Tajikistan's fledgling democracy, the opposition is an important pillar of political life. Without it, a democratic society is inconceivable. In this connection, its existence is required in the domestic society. The first step in the existence of the opposition must be the opposition consciousness, but without the opposition there can be no concept of opposition. It is necessary to create a fundamental basis for the formation of this phenomenon. However, we faced a number of obstacles in the process of democratization, which led to a negative image of the opposition in the public mind. First of all, this “opposition as a subject of controversy” has not yet been expelled from the public consciousness. This has led to a negative perception of the opposition in society. In order to disinfect it, it is necessary to form public opinion at a new level and quality that can reflect the positive image of the opposition. As a first step, it should be implemented among young people, as it is a key, mobile and future segment of society. In connection with this article, a survey was conducted to get acquainted with political moods, views and opinions, their attitudes to society, the

political process, their position in society, which in general is a reflection of the opposition consciousness and political culture. The purpose of the survey was to get acquainted with the level of political knowledge, opposition consciousness and political culture of young people, based on which a decision was made and a prediction was made [2, c. 343].

The first thing that has received the most attention is the public perception of the opposition. That is, how the phenomenon of opposition is reflected in the public consciousness, or whether they have formed an alternative model for the understanding of this phenomenon, or whether it is brought closer to another concept, identified and enlightened, or not.

Political life, with all its political events and phenomena, has contributed to the formation of public opinion about the opposition. Past and present political events have made a significant contribution to shaping public perceptions of the opposition. Concepts close to opposition - opposition, opponent, political friend and political enemy - have different status in the public mind. Each has its own set of factors in recognizing the opposition. However, this is not a simple matter, and it is the reason for the opposition's actions. Public perception of the opposition is the beginning of a political-opposition action.

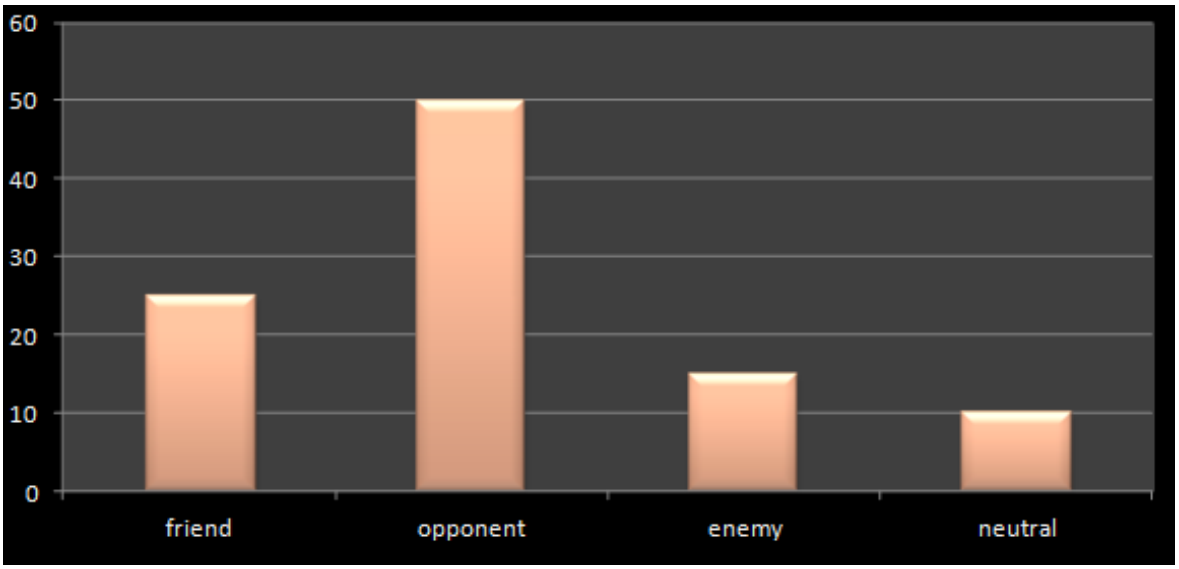

Diagram №1. Public understanding of the opposition

1. Opposition as a political friend, which existed in the form of a “political friend who makes up for shortcomings”, was agreed upon by 25% of respondents;

2. Opposition as a political opponent, expressed in the form of a “political opponent who is always critical”, was supported by 50% of respondents;

3. Opposition - "political enemy", 15% of respondents agreed;

4. The rest of the respondents were neutral in their definition of the opposition.

It turned out that the opposition was perceived among young people as a "political opponent". There are other forms of understanding, but this is more important.

In the next section, we will examine which political party is the opposition from the people's point of view. The list of nominated political parties was as follows: Communist Party of Tajikistan (CPT), Islamic Revival Party of Tajikistan (IRPT, forbidden in Tajikistan), Agrarian Party, Social Democratic Party (SDPT), Party of Economic Reforms, Socialist Party, Democratic Party (DPT), The People's Democratic Party (PDPT), the political party mentioned in the next picture, is, from the point of view of the opposition, an opposition party [2, c. 343].

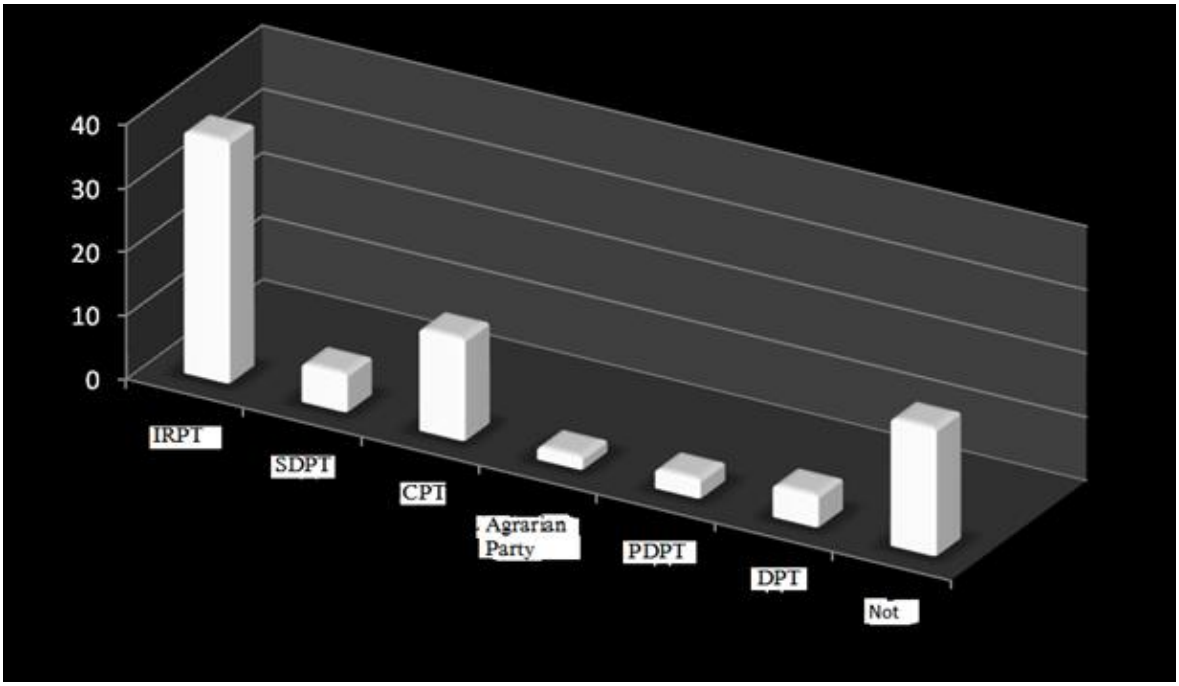

Diagram № 2. Which political parties are considered opposition?

It is known that the majority of respondents attribute opposition status to two parties: the Islamic Revival Party and the Communist Party. In fact, the role of these two political parties in the political process seems to be prominent. However, some respondents believe that there is no opposition party in Tajikistan. Some do not yet understand the position of forces in the political arena. For example, some respondents identified the PDPT as an opposition party. This indicates that the knowledge and political consciousness of young people is currently a concern. The Democratic and Agrarian Parties of Tajikistan are not the most opposition parties in this ranking.

In the previous section, if the public position on the level of opposition was defined by political parties, in the next section it will be clarified how these parties are reflected in the public consciousness and what alternative model of opposition to the opposition under the same opposition party.

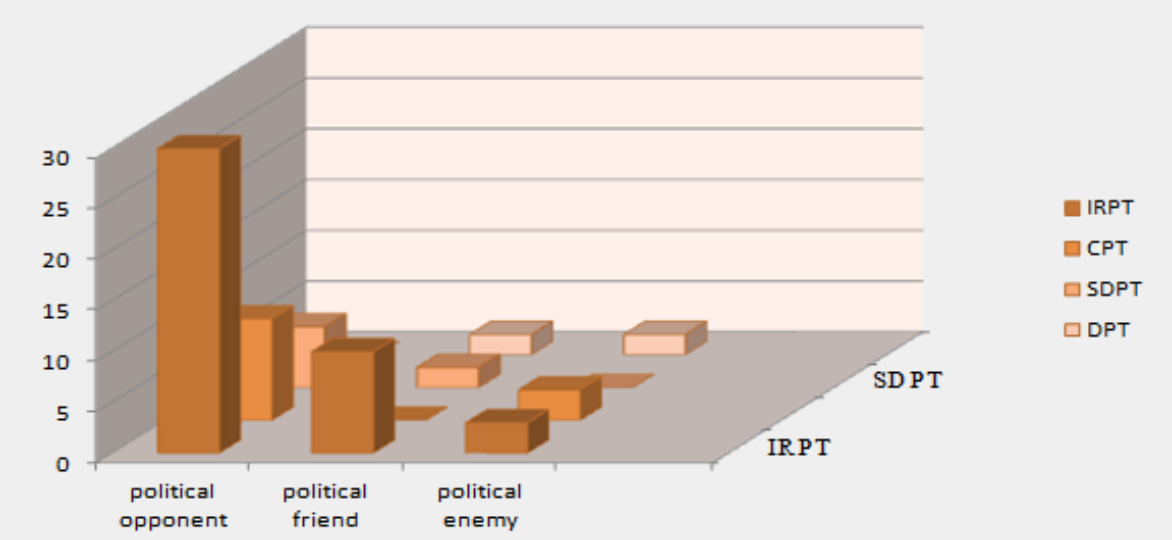

Diagram № 3. The level of opposition of political parties

In the chart above, the majority of respondents (50%) understood the political opposition as a political opposition. We will now determine which party is most likely to be a political opponent:

– The Islamic Revival Party of Tajikistan, according to 30% of respondents, is known as a political opponent or (a political opponent that is always critical). A small percentage call it a political friend and another 3 percent a political enemy;

– The Communist Party of Tajikistan is a political opponent in the opinion of 10% of respondents and a political enemy in the opinion of another 3% of respondents;

– The Social Democratic Party of Tajikistan and the Democratic Party of Tajikistan received a small number of respondents, respectively.

Accordingly, from these sections, it can be concluded that the phenomenon of opposition in the public eye is more closely related to the concept of a political opponent. A political opponent is the equivalent of a political opposition, a reality that most people accept.

It is very important and practical – it is considered in the current section, and it is the importance and necessity of the opposition for the domestic society, which is discussed from a public point of view. The goal is whether the phenomenon of opposition is positive or negative for the nation and the state.

The survey found that the majority of respondents were optimistic about the phenomenon of political opposition. That is, they understood the status and role of this political institution in political life.

1. Opposition as a positive phenomenon in the public mind is a good thing and it can have positive results. This level of attitude is necessary for the formation of a democratic society;

2. Opposition is a negative phenomenon in the minds of the people that undermines the position and role of the opposition in the domestic political process. The reason for this position is, first of all, the negative role of the opposition in the civil conflict, during which a negative label was affixed to the opposition;

3. It is a position of neutrality or a lack of understanding of the opposition.

Another very important part of the public opinion system is the issue of "opposition identity". In other words, to what extent or to what extent do individuals consider themselves political opponents? Naturally, those who saw the opposition as a negative phenomenon did not consider themselves in any way opposed. A small part of the population has an oppositional position, which has its own factors and reasons. The same negative label affixed to the opposition does not allow the public to be open and pluralistic and to express the views of the opposition.

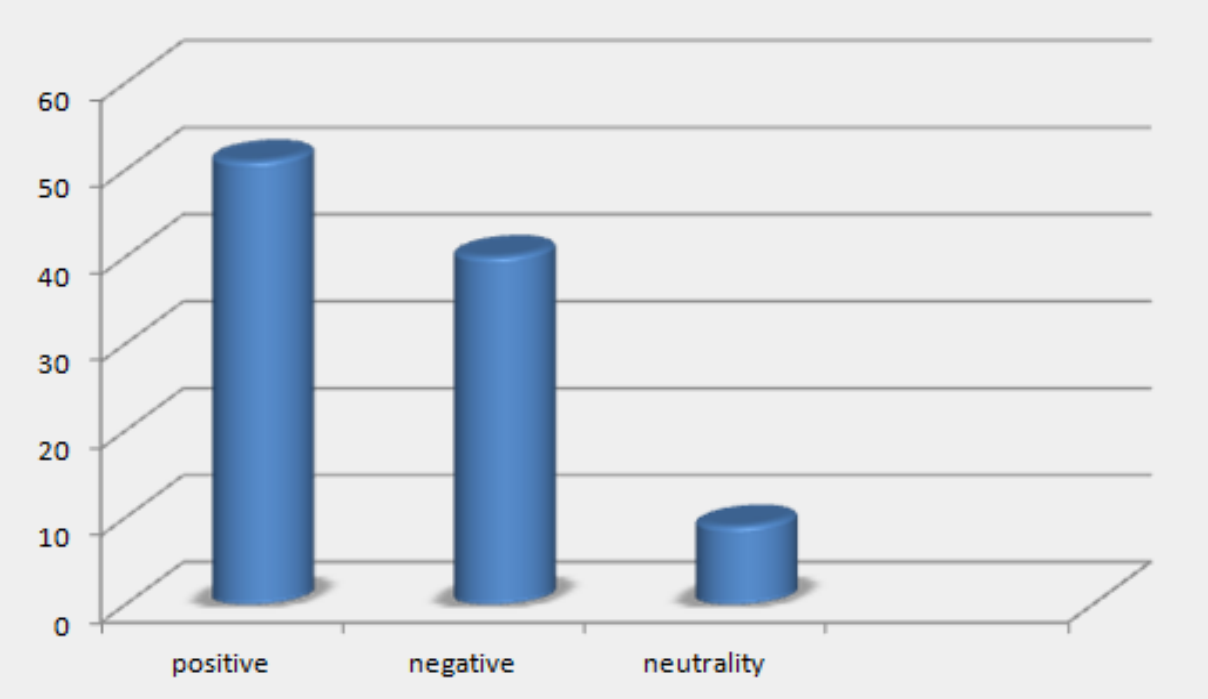

Diagram № 4. The importance and necessity of opposition for society

1. Individuals who do not consider themselves in opposition. They make up the majority of respondents. The lack of opposition affiliation has a number of reasons, the first of which is the negative labeling of the former opposition, and the other is their presence in the government pyramid, as well as their standard of living;

2. Oppositionists are people who see themselves as political opponents. They make up a small part of the respondents. These are people who do not agree with the current policy;

3. Inadvertently, there are people who are incapable of understanding, responding, or being overwhelmed by negative feelings.

The next question is the logical continuation of the above question, as it determines the affiliation of the opposition and the party. Opposition may not have a party affiliation, but a party affiliation always has an opposition affiliation.

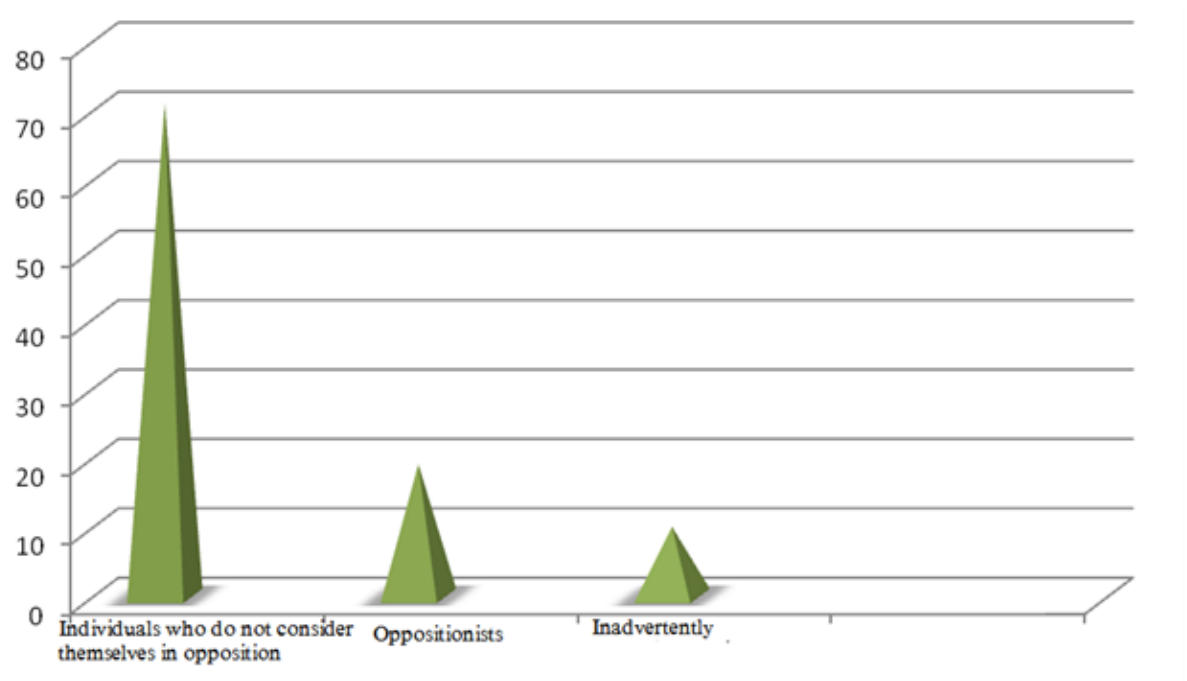

Diagram № 5. The oppositional affiliation of the population

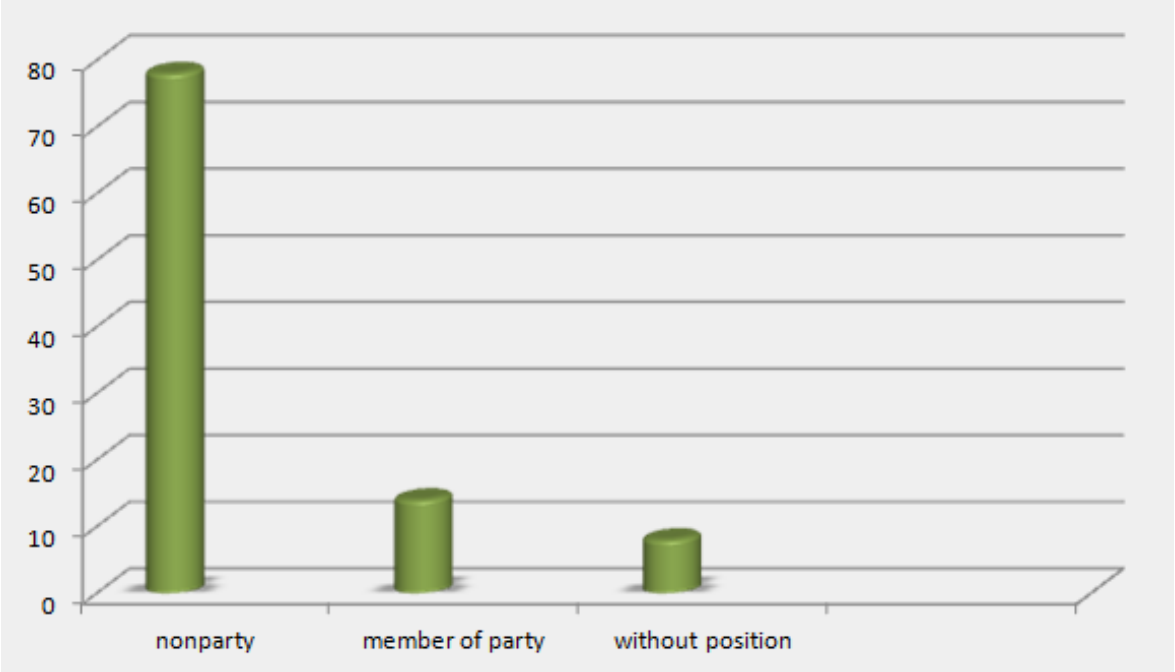

Diagram № 6. Party affiliation of the population

The first group of citizens does not belong to a party, which makes up the majority of respondents. The problem is that the party's status in society is weak and it has no influence among civil society. The party operates poorly in society, or there are restrictions on party activities;

The group of citizens who are members of the party is small (of course, from the list of respondents). However, party members do not mean that they are all oppositionists; The third group had difficulty answering.

One of the most important issues in determining the position of the opposition is the living conditions. It is a factor that is the cause of all consequences. The state always takes the lead in this issue and pays special attention to it. Because conditions that cannot satisfy a citizen always have negative consequences. It can contribute to the formation of illegal and radical activities. The importance of the issue is to pursue the unfulfilled interests of the opposition in a legal way. The role of the opposition is the same.

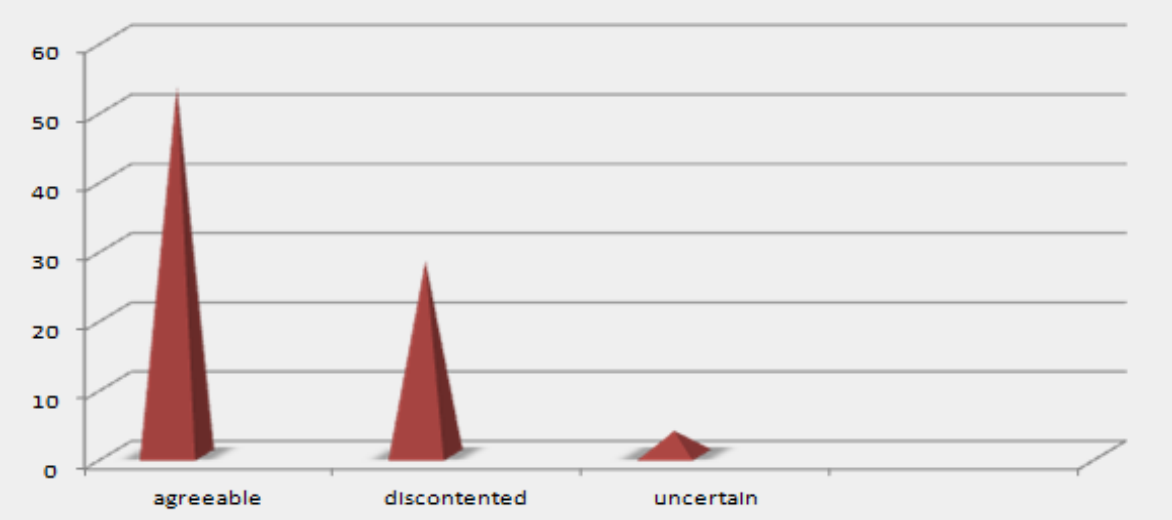

Diagram № 7. People's attitude to the current situation

As a result of these divisions, we have reached a point where the opposition consciousness is not civilized at all. There are undemocratic values in it, which can have negative consequences. However, the consciousness of the opposition in some individuals has reached a civilized level. They understood the status of the opposition and its importance for the country's society. Many are optimistic about the future of the country, as well as those who are in opposition. Others see the existence of the opposition as unnecessary in society, calling it a political enemy and acknowledging its negative role, but this is not the right approach.

List of literature:

1. Москалев, А.Е. Молодежная оппозиция как субъект политической системы современной России / А.Е. Москалев. – **Y**outh. **W**orld. **P**olitics, 2013. – №1. – С. 11-18.

2. Назриев, К. К. Симои оппозитсияи сиёсї дар шуури оммавї: шуури оппозитсионї дар љавонон(тањќиќи эмпирикї-сиёсї) / К. Ќ. Назриев // Маводи конференсияи љумњуриявї илмї назариявии њайати устодону кормандони ДМТ. – Њафтаи илм, 2018. – С. 343-344.

Панченко А.В.

ИСКАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: НАСИЛИЕ ЛЖИ ИЛИ КАК ЗАБЛУДИЛСЯ ПРИЗРАК?

Ключевые слова: искажение исторической памяти, русофобия, агрессивный национализм, этническая мобилизация, новые эффективные интеграционные модели и практики.

Падение влияния и авторитета коммунистической партии во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. XX в. в СССР приводит к тому, что с этого периода КПСС оказывается лишенной своих прежних рычагов власти и переходит на периферию политической жизни. Усиливающиеся центробежные тенденции увеличивают значимость и роль национальных республик в политическом процессе. Эти тенденции выливаются в обретение республиками национальной независимости, суверенитета, что выражается в острой политической борьбе представителей различных наций СССР за свои права, национальные политические и экономические свободы. Процесс перемещения власти из центра в регионы (национальные республики) резко обостряет противоречия межнационального, межэтнического характера, усиливает роль национальности как традиционного канала социальной идентификации. Русофобия и крайний национализм становятся приманкой, с помощью которой социальные низы оказываются вовлечены в орбиту влияния этнократических групп в национальных республиках бывшего СССР.

Необходимо признать, эти разрушительные явления закладывались в фундамент молодого Советского государства в виде принципа «права наций на самоопределение и отделение вплоть до образования самостоятельных государств» на базе федеративной территориальной организации. Как известно, принципиальная позиция В.И. Ленина по этому вопросу оказалась решающей в споре с И. Сталиным, предлагавшим иную модель территориальной организации – «автономизацию».

Размывание идеологического фундамента Советского государства стимулировало распад СССР и углубление общественного кризиса на территориях новых независимых государств, заложило начала искажения исторической памяти, насилия и подрыва некогда общей цивилизационной идентичности. Любопытно и вместе с тем симптоматично, на Украине в 1990-е гг. по решению политической элиты Министерство образования разослало во все вузы страны рекомендацию ввести учебный курс «научный национализм». Лишь протесты научного и педагогического сообщества тогда не дали этим планам осуществиться.

В наши дни искажение исторической памяти, насилие на системной основе и дискриминация русскоязычного населения приобрела на территориях современной Украины и Прибалтики масштаб бедствия; выливается в формы крайней русофобии, героизации нацизма и реабилитации нацистских преступников, пересмотра роли Красной Армии в освобождении наро-

дов Европы от фашизма, отрицания нашей общей победы в Великой Отечественной войне, с целью активного продвижения идей пересмотра итогов II Мировой войны, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. В Риге создан центр стратегии пропаганды, аналогичный центр функционирует в Таллине. В этих центрах создается информационное оружие, которое внедряется и распространяется в России и Беларуси.

В марте 2020 г. президент Украины В. Зеленский подписал закон «О полном общем среднем образовании», который с 01.09.2020 г. окончательно ликвидировал все русскоязычные школы. В соответствии с новейшим законом Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» с 16.01.2021 г. все публичные учреждения, а также сфера обслуживания в жестком порядке обязаны перейти на украинский язык. Штрафы за обслуживание покупателей и клиентов на русском языке начнут взимать с 2022 г. С этой целью на Украине создан институт «мовного омбудсмена», или, как его называют в социальных сетях «шпрехен-фюрера». Для слежения за соблюдением языковых норм принимаются следующие меры: штаты «мовных инспекторов» составляют списки общественных активистов и неравнодушных граждан, которые будут фиксировать нарушения и присылать их в офис «мовного омбудсмена»; разрабатывается система перевода языка жестов глухонемых на «мову»; создается приложение для смартфонов, в котором можно будет пожаловаться на употребление окружающими русского языка и др. [1]. 17.06.2021 г. в Верховной раде зарегистрирован законопроект, который введет уголовную ответственность за общение на русском языке. Представители политической элиты озвучивают предложения об отказе от кириллицы и переходе на латинскую графику с приданием английскому языку статуса равного украинскому языку.

В мае 2021 г. президент Украины вынес на рассмотрение Верховной рады законопроект «о коренных народах», согласно которому из списка «коренных» все, кроме украинцев, крымских татар, караимов и кипчаков исключаются. «Недонародами» становятся русские, белорусы, евреи, поляки, армяне, молдаване, греки, венгры и представители других народностей, жившие столетиями и сейчас живущие на Украине. Представители этих национальностей не будут считаться привилегированными «коренными», а, следовательно, могут подвергаться дискриминации и преследованиям [2]. Планы по интернированию «некоренных» и их отселению в спец. «лагеря для интернированных лиц», широко обсуждаются в институтах государственной власти Украины [3]. Парадоксально, но «когда речь идет о получении прибыли, ненависть к России и стремление в ЕС и НАТО уступают место корыстным мотивам, когда москаль с деньгами – хоть и враг, но его деньги важнее вражды» [4].

В Прибалтике искажение исторической правды, насилие проводится через жесткую этническую мобилизацию, что вступает в острое противоречие с нормами демократии, оборачивается грубейшим нарушением эле-

ментарных прав человека. Документирование русскоязычных жителей паспортами «неграждан» и «лиц с неопределенным гражданством» в Латвии и Эстонии с дискриминационными последствиями и поражением в правах – обычная практика наших дней. Процедура «натурализации» для русскоязычных жителей, в течение столетий живущими на этих территориях, является обязательной. Доказательством лояльности служит совершенное владение государственными языками, признание себя «оккупантами» и раскаяние, принесение клятвы верности. Искажением исторической правды является и т.н. проблема «советской оккупации» и требование прибалтийских властей к России о выплате многомиллиардных денежных компенсаций за советское прошлое.

Набирает обороты искажение исторической правды, насилие и в государствах Средней Азии и Казахстана. Как проявление «пещерного национализма» можно расценить т.н. «языковые патрули» – рейды активистов в общественных и государственных учреждениях всех крупных городов Казахстана с целью выявления лиц, говорящих на русском языке и их принуждении извиняться на камеру за оскорбление казахского народа. Острую общественную реакцию получили события в детском спортивном лагере на озере Иссык-куль в июне 2021 г. в Киргизии, когда русского мальчика ежедневно избивали киргизские сверстники. Мальчик оказался единственным немусульманином в группе, и каждый день киргизские сверстники избивали его за то, что он «не верит в аллаха, что он русский».

В Узбекистане молодежь усваивает, мечте о сохранении своих традиций и обычаев «тысячи верных сынов принесли в жертву свои жизни, погибли в боях за независимость отечества в непрекращавшемся национально-освободительном движении против Российской империи» и Советского Союза [5, с. 5. 26]. При этом необходимо помнить, «патриоты, вступившие в смертельную борьбу с Красной армией, были не «басмачами», а борцами за независимость, а само нахождение Узбекистана в составе СССР сопровождалось исключительно репрессивной политикой, что принесло колоссальные лишения и страдания узбекскому народу. Об этой печальной участи свидетельствует Музей «Памяти жертв репрессий», открытый в Ташкенте.

Таким образом, искажение исторической правды, насилие лжи и призрак реального агрессивного национализма вкупе с русофобией обусловлен, с одной стороны, отказом от преемственности исторического развития, а, с другой, востребованности выработанных в советский период экономических, социальных и политических практик. Насущной задачей является выработка новых эффективных интеграционных моделей и практик, которые позволят придать новый импульс развитию стран постсоветского пространства, их намерениям осуществлять тот исторический выбор, который диктует современный глобальный мир. Укрепление духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти нуждается в

защите и поддержке русского языка как общем цивилизационном достоянии. Русский язык остается функциональным независимо от желания этнократических групп. Вычеркнуть общее прошлое, связанное с русским языком, означает крупнейший стратегический просчет и серьезный урон национальной культуре и государственности.

Список литературы:

1. Штраф за «спасибо». Защитник «мовы» напомнил о себе / Российская газета. – 2020, 3 дек.
2. Зеленский вычеркнул русских из числа «коренных народов» Украины / Российская газета. – 2021, 21 мая
3. Ивженко, Т. В Украине могут ввести уголовную ответственность за связи с Россией. Для граждан, думающих не так, как власть, готовят тюремные камеры / Т.В. Ивженко. – Независимая газета. – 2021, 2 марта.
4. Медведев, Д.А. Почему бессмысленны контакты с нынешним украинским руководством / Д.А. Медведев // Коммерсант. 2021, 12 окт.
5. История Узбекистана (1917–1991 годы): учебник / авт.: К. Ражабов, А. Замонов. 1-е издание. – Ташкент: Изд.-полигр. творч. дом им. Г. Гуляма, 2017. – 144 с.

Пименов В.Ю.

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ОБРАЗ РОДИНЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Ключевые слова: национальная самоидентификация, образ Родины, историческое сознание, историческое образование, историография.

В результате распада Советского Союза на политической карте мира появилось 15 новых самостоятельных государств, одна часть которых уже имела исторический опыт независимости и государственного суверенитета, другая же вынуждена была получать его практически впервые.

Гибель крупных государств имперского типа неизменно порождает целый комплекс проблем, не только политических, социальных и экономических, но и идеологических, поскольку становление любой государственности невозможно вне национальной идеи, формулирования принципов национальной самобытности и культурно-исторической идентичности. Факты указывают на прямую зависимость между незрелостью государственного суверенитета страны, отсутствием какого-либо исторического опыта самостоятельности, с одной стороны, и степенью национализма и шовинизма как установок общественного сознания, институализированных в разного рода движениях и организациях, – с другой. В связи с этим здесь значительна роль исторической науки, которая призвана убедительно, насколько это возможно, отыскать исторические корни национальной государственности, обосновать специфику отношений с соседями и, прежде всего, с Россией, дать оценку знаковым историческим событиям. А уже на

основании этого система среднего и высшего образования должна внедрить это в умы молодежи, сформировав определенный тип исторического сознания, без которого национальная самоидентификация любого народа невозможна в принципе.

Таким образом, концептуальное содержание исторического образования, и школьного, и вузовского, является как основным показателем уровня и направленности развития процессов национальной самоидентификации, так и репрезентацией геополитических установок того или иного государства и даже психологических стереотипов восприятия.

В связи с этим контент-анализ содержания школьных и вузовских учебников по истории представляет безусловный интерес для понимания особенностей национальной самоидентификации государств, в частности, постсоветского пространства. В плане научного изучения данная проблема является весьма востребованной среди политологов, социологов, историков, была предметом обсуждения десятков конференций, темой монографий и статей [3]. Общим выводом, к которому пришли ученые, является констатирование факта устойчивой тенденции не изучать историю, а фабриковать ее в соответствии с политической конъюнктурой. Львиная доля искажений и фальсификаций, что неудивительно, касается периода существования СССР: фундаментальному пересмотру подвергаются все исторические события, с ним связанные. При этом Россия как главный правопреемник Советского Союза позиционируется в большинстве национальных историй как захватчик, по сути, аннексировавший ряд независимых государств и присоединивший их к собственной территории, которая получила название «Союз Советских Социалистических Республик». Тем самым, в национальной идеологии ряда постсоветских республик, преимущественно ориентированных на страны западной демократии, СССР и Россия – понятия синонимичные и представляют собой классический образ врага, насущно необходимый политическим элитам для сплочения нации.

В связи с этим особенного внимания заслуживает опыт интерпретации истории в Беларуси, государстве, политически максимально близком России, находящемся с ней в составе Союзного государства.

Беларусь – уникальная страна со специфической историей. Среди всех постсоветских государств она одна из немногих не испытала того накала националистических страстей, которые всегда сопровождают процессы становления государственности и поиски национальной самоидентификации. Более того, только в Беларуси националистические партии и их представители терпят поражение на выборах в органы власти, не имея серьезной поддержки народа. Показателен и тот факт, что русский язык является не только официальным государственным языком, но и общепринятым средством общения: белорусский язык знают, но в повседневной жизни практически не используют.

Специфика исторического пути Беларуси, как и некоторых других постсоветских государств, заключалась, в особом приграничном положении и геополитического, и социокультурного характера. Такое исторически сложившееся состояние расколотости, фрагментированности национальной культуры белорусов, будто затерявшейся и растворившейся то в польской, то в русской, то в советской социокультурной реальности, очень точно отражает понятие, использованное белорусским философом В. Акудовичем, – «архіпэляг Беларусь» [1, с. 7]. В этом архипелаге можно обнаружить оторванные друг от друга и в то же время являющиеся частями некоего единого целого островки «польскости», «русскости», «советскости», что позволяет описывать современную белорусскую культуру и национальное самосознание как явления по-настоящему мультикультурные и поливекторные.

По мысли авторов концепции пограничья И. Бобкова и П. Терешковича, принятие на уровне национальной идеи пограничного положения как исторической традиции и неизбежности позволит как белорусам, так и украинцам и молдаванам сформировать адекватный тип национальной самоидентичности и определить свое место в мировом сообществе начала XXI в., а возможно, и дать миру новые формы политических, экономических и культурных практик, которые «вынужденно находят себя на пограничье демократии и авторитаризма, либерализма и консерватизма, глобальности и региональности» [2, с. 6]. И в этом смысле опыт Беларуси как особого государственного образования, исторически интегрированного как политически, так и культурно, является бесценным в плане современных процессов глобализации и общеевропейской интеграции.

Одновременно это не отменяет актуальности процессов укрепления национального сознания белорусов, понимания собственного уникального пути развития, ясного осознания исторических корней. Все это невозможно без сосредоточенной работы по формированию исторического сознания усилиями идеологии, образования, СМИ. Первоочередную роль в формировании той или иной модели национальной самоидентичности играет образование, прежде всего историческое.

В белорусских школах изучают два исторических курса – историю Беларуси и всемирную историю. При этом государство с названием Беларусь существует лишь с 1991 года, до этого страна являлась частью других государств и имела различный уровень автономии. В этой связи интересно проанализировать в каком курсе истории изучаются государства, в состав которых входила Беларусь в разные исторические периоды, и на основании этого сделать вывод о позиционировании этого государства как «своего» или «чужого».

На основании анализа текста основных учебников истории Беларуси для вузов [4], которые отражают точку зрения официальной историографии, можно сделать следующие выводы. Во-первых, очевидно отсутствие националистической истерии и антироссийской риторики в изложении и

интерпретации основных исторических периодов и событий. Во-вторых, хоть и спорными, но вполне объяснимыми являются стремления белорусских историков найти истоки белорусской государственности в глубокой древности. Это должно свидетельствовать о вполне здоровых процессах развития национального самосознания и самоидентификации. Тем более, что это делается с оглядкой на исторические факты, без резких оценок и эмоций, взвешенно и в то же время критично, что так свойственно белорусскому характеру и менталитету.

Список литературы:

1. Акудович, В. Мяне няма: раздумы на руінах чалавека / В. Акудович. – Менск, 1998.
2. Бобков, И. Вместо предисловия / И. Бобков, П. Терешкович // Перекрестки. – 2004. – № 1–2.
3. Образы России и Белоруссии в контексте приграничья: монография / под ред. В.Ю. Пименова. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. – 326 с.
4. Чигринов, П.Г. Очерки истории Беларуси / П.Г. Чигринов. – Минск, 2007.

Рудковская Е.Э.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЛАБИРИНТАХ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА

Ключевые слова: постмодернизм, политические ценности, политическая культура, гражданско-патриотическое воспитание.

Переход от модерна к постмодерну сопряжен, как и любой трансформационный процесс, с кризисными проявлениями. Старшему поколению, которому была дана четкая картина мира, система мировоззренческих шаблонов и ценностных ориентиров, по меньшей мере не понятна ставка на скепсис, мозаичное сочетание различных идей и представлений в дне сегодняшнем. Тоску по рефлексивному мышлению, эпистемологической упорядоченности и непротиворечивости, внятным социально-политическим и этическим установкам можно списать на старческое ворчание и консервативное неприятие нового. Но в том то и дело, что есть все основания для выражения обеспокоенности текущим состоянием духовности эмансипированного подрастающего поколения.

Либеральные идеи свободы, привнесенные западной пропагандой, естественно, оказались манкими для молодежи, которая по определению чурается правил, ограничений, стандартов, ищет максимальной автономности и свободы самовыражения. Эти призывы легли на благодатную почву возраста в силу его податливости манипуляциям, гибкости мышления, обостренной эмоциональности, в чем-то невежественности и оппозиции долгу, дисциплине, рамкам; в силу определенной растерянности старшего поколения, которое в кризисные времена само переживало процесс ресо-

циализации и было, скорее, озабочено проблемами выживания, адаптации к новым социально-политическим и экономическим условиям, нежели воспитания потомков. В результате мы имеем феномен культуры отмены, разрыва преемственности поколений, рост гедонистических, эгоистических устремлений, консьюмеризма, волюнтаризма, девальвацию высших поведенческих мотивов, коррозию духовно-нравственных категорий. А ведь поколения с ненадежным багажом релятивных ценностей и нигилистского сознания войдут в период зрелости, станут субъектом наставлений (вопрос: чему?) своих детей. В данной ситуации, пожалуй, можно согласиться с Э. Гидденсом, что дать точный прогноз о дальнейшем развитии общества невозможно. На смену однозначности, ответственности, каноничности, цельности, глубине, фундаментальности пришли неясность, зыбкость, фрагментарность, поверхностность и отрицание истины. Недаром символом общества постмодерна стала ризома.

В таком, по меткому замечанию К. Леонтьева, «либерально-развинченном» обществе доминирует особый тип «самоуверенных и заносчивых граждан» [1]. К сожалению, события последней президентской избирательной кампании стали тому подтверждением.

Политическая культура нашего общества закономерно фрагментарна. Для старшего поколения характерна подданически-активистская культура, а у молодежи еще не сформирована политическая культура в ее гражданском варианте (по Г. Алмонду), когда субъекты выказывают политическую компетентность, взаимное доверие и терпимость к плюрализму интересов; сочетают в разумных пределах активность в политике с пассивной ролью.

На наш взгляд, препятствием на пути формирования такого смешанного типа культуры выступают в том числе привнесенные эпохой постмодернизма ценностный хаос, приоритет иррациональности, инфантильное требование новизны во что бы то ни стало, опрокидывание авторитетов, символов, отказ от контроля. Недаром Ортега-и-Гассет называл человека новейшего времени «взбесившимся дикарем», ориентирующимся на децентрацию, демонтаж того, что что на протяжении столетий вынашивалось, создавалось, шлифовалось. «Нормальный дикарь, напротив, как никто другой, следует высшим установлениям — вере, табу, заветам и обычаям» [2]. «Самодовольные недоросли» пренебрежительно воспринимают прошлое, заменяют знания информацией, «путешествуют налегке», как метко выразился З. Бауман. Исследователь считал, что жизненные стратегии современного поколения направлены на то, чтобы не связывать себя никакой идентичностью. Он подобрал весьма точные образы, назвав их «бродягой», «фланером», «игроком» и «туристом» [3]. «Утрата укорененности исходит из самого духа века, в котором мы рождены», - заключил М. Хайдеггер [4, с. 106].

«Разрыв связи с могилами и с будущими поколениями, для которых будут важны или безразличны наши могилы, есть способ стирания себя из этнородовой матрицы полиса, то есть действительное сползание в ничто.

Оно равносильно для античного сознания изгнанию соотечественника из полиса без права вернуться назад и отлучению его от могил предков, от храмов, выводу его за пределы матрицы космополиса. Нечто подобное и осуществляется в консциентальной войне - надо разрушить для жителей данной страны этнородовую идентификационную матрицу. И этот факт будет знаменателен по двум обстоятельствам*:* во-первых, это разрушение и знаменует восстание среднего человека против Рода, культуры и истории, что характерно для Нового времени. Во-вторых, рассыпание собственной этнородовой идентификационной матрицы означает разрешение помещать вас в любую произвольную другую». [цит. по 5]

Несомненно, это вызов для телеологической, объединительной миссии государства. Институтам социализации весьма непросто выполнять воспитательную функцию в сложившихся обстоятельствах самого духа времени с его ментальной спецификой постмодернистской культуры, множественности и не всегда контролируемости источников информации, отчуждения молодежи от традиций и символов, когда «любовь к отеческим гробам» не особо актуальна и интересна объекту формирования патриотизма. Об этом свидетельствуют данные соцопроса, проведенного среди студентов университета в 2019 г. [см. 6], подтвержденные ответами респондентов в 2021 г. Так, более половины опрошенных не считают молодежь патриотичной, каждый третий признается в этом, говоря о себе. При этом дает определенную надежду, что та же половина принявших участие в опросе уверены, что система образования должна заниматься формированием патриотизма, но другими методами и средствами.

Да и ответы на контрольный вопрос «Какие мероприятия и формы работы, с Вашей точки зрения, наиболее эффективно способствуют формированию патриотизма?» это подтвердили. На первое место студенты поставили личный пример уважаемых людей (родителей, преподавателей, друзей) (62,5%), а не целенаправленные мероприятия. Высокую ранговую позицию заняли также фестивали, конкурсы патриотической направленности (41,3%), встречи с ветеранами (39,4%), литература (29,8%). Думается, следует учесть и пожелание молодых по выстраиванию информационно-коммуникативного процесса: «демилитаризировать» идею патриотизма («нация партизан»), перестать чрезмерно эксплуатировать тему трагедии военных лет; акцентировать больше внимания на трудовых, научных, спортивных, культурных успехах соотечественников, значимости будничной работы по обеспечению благосостояния страны («нация работы»).

Разумными представляются и рекомендации работать не только над содержанием, но и искать новые, адаптивные реалиям формы работы с молодежью: использовать соцсети, грамотно «вбрасывать» нужный материал в интернет-пространство, знать особенности общения в молодежной среде (мем, троллинг, флейм, флуд и т.п.), привлекать продукцию массовой поп- и рок-культуры, национальной символики и т.д. [7, с.66]

На наш взгляд, важно, что сегодня заостряют тему формирования гражданско-патриотических установок молодежи, «ведь они духовная основа энергии, силы, жизнеспособности государства, солидаризирующих скрепов общества. … Промахи в этом деле дорого обходятся. Люди-«мотыльки», живущие «здесь и сейчас», вне преемственных связей и потребности в эталонах, не способны понять диалектику части и целого, стратегические ориентиры развития общества, осознать национальную идентичность и ответственно действовать в общественной жизни, служить стране» [6, с. 150].

Список литературы:

1. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Leontev/vizantizm-i-slavjanstvo/ – Дата доступа: 08.09.2021

2. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rulit.me/books/vosstanie-mass-sbornik-read-236354-16.html – Дата доступа: 08.09.2021

3. Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://knigi1.dissers.ru/books/library3/4691-1.php. – Дата доступа: 18.09.2021

4. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества / М. Хайдеггер. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.

5. Савельев, А. Политическая мифология / А. Савельев [Электронный ресурс]. – М.: Логос, 2003. – Режим доступа : https://davaiknam.ru/text/saveleev-a-politicheskaya-mifologiya--m-logos-2003-glava-i-teo-page-8. – Дата доступа : 19.09.2021

6. Рудковская, Е.Э. Постсовременный мир и патриотические ценности молодежи [Электронный ресурс] / Е.Э. Рудковская // Феномен границы в глобализирующемся мире: материалы Международной научно-практической online-конференции, Витебск, 1 7 окт. 2020 г. / ВГУ; редкол.: М.А. Слемнев (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 148–150. – Режим доступа: https://rep.vsu.by/handle/123456789/25563. – Дата доступа: 19.09.2021

7. Стариченок, В. В поисках «своей» идеологии / В. Стариченок // Беларуская думка. – 2016. – № 8. – С. 62–67.

Рудковский Э.И.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОХРАНИТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР СОЦИУМА

Ключевые слова: *историческая память, интерпретация истории, культурный код нации.*

Прошлое в значительной мере является важным элементом социально-политической и духовной жизни современного общества. Историческая память, как и коллективная память (социальных групп, поселений и т.п.), является предпосылкой не только групповой идентичности социума в целом, его духовным охранительным фактором. Исследователи данного феномена приводят разные его определения. Нам ближе позиция Л.П. Репи-

ной, которая определяет историческую память «…как одно из измерений индивидуальной или социальной памяти – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования социальных групп в настоящем» [1, с. 414].

Формирование и сохранение исторической памяти связано с особенностями познания исторических явлений. Прежде всего следует учитывать, что здесь ограничены возможности эксперимента, а в истории он вообще не возможен (разве что т.н. мысленный ретроспективный эксперимент). Время, как известно, не обратимо. Можно сказать, что история начинается тогда, когда те или иные события нельзя проверить на практике. Правда, порой высказывается мнение, что история знает сослагательное наклонение, иначе она выглядела бы весьма скучной. К примеру, Н. Сванидзе в своих заметках «Реперные точки российской истории» отмечает, что в истории России все могло быть по-другому. Безусловно, при определенных обстоятельствах могло. Важно учесть, что общество – это вероятностная система. Однако историк должен не фантазировать по поводу того, что могло бы быть, если бы… История пошла так, как пошла. Ученый и должен исследовать объективные процессы, те события, которые имели место быть, а не заниматься измышлениями. Часто под размышления «могло быть по-другому» подводят подводят свою концепцию и свое видение настоящего.

Истина в историческом познании – это не одноразовый акт, а процесс. Ее постижение зависит от многих обстоятельств. Прежде всего следует учитывать тот исторический контекст, в котором протекали те или иные события. Историю не следует осовременивать, события вырывать из имевших место обстоятельств, всей конфигурации международных отношений и внутренней жизни социума. Картину прошлого нельзя рисовать, используя лекала нынешних представлений о демократии, добре и зле, справедливом и несправедливом и т.д. И здесь важное значение имеет проблема интерпретации, понимания того, чем жили, чем руководствовались люди прежних эпох. Историю следует не только объяснять, но и понимать (В. Дильтей).

Социально-гуманитарное познание ценностно окрашено, оно существенно зависит от идеологических пристрастий исследователя. В истории есть всё. Что вам надо, то вы из нее и достанете. В XIX – начале XX вв. большинство историков стояло на позитивистских позициях и отдавало предпочтение его величеству факту. Описание и отыскание фактов считалось главной задачей исследователя. В современных условиях на смену истории фактов пришла история интерпретаций (П. Рикёр). История – это

не только политика, опрокинутая в прошлое, ее толкование определяет как день сегодняшний, так и цели, средства достижения будущего. Особенно большую роль в интерпретации прошлого играют политические интересы и идеологические ориентации властных социальных групп. По мере того, как исторические события все больше уходят в прошлое и все меньше остается живых их свидетелей, интерпретации истории становятся менее достоверными и в большей мере нагруженными политическими предпочтениями современных толкователей. Историки очень часто конструируют историю в контексте современных нарративов. В результате история становится все больше идеологизированной, используется в борьбе за власть, как средство достижения внешне- и внутриполитических целей.

Историческое сознание стало объектом информационной войны. Эта война ведется не на поле брани. Она вся в СМИ, образовании, культуре. При этом повсеместным становится подлог, искажение и замалчивание исторических фактов, на их место водружаются фейки. Возьмем, к примеру, только две знаковые даты в истории XX века: 80 лет начала 2-ой мировой войны и 75-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне. Сегодня их оценка прямо потивоположна в устах идеологически ангажированных политиков. Порой на одну доску ставятся агрессор и жертва, освободители приравниваются к оккупантам. И здесь теоретическая проблема превращается в проблему реальной политики. Людей не только пугают страшилками прошлого, но и пытаются определить конфигурацию современного мира, построенную на зыбкой почве вымышленной истории и умозрительных конструкций. СССР давно нет. Однако наработанные за десятилетия холодной войны приемы по сей день являются применяемыми политическими практиками. Более того, современные информационные технологии позволяют сделать их более изощренными. Следует учесть, что значительная часть населения не способна, к сожалению, критически воспринимать информацию из интернета и многих традиционных СМИ. На этом они и спекулируют. Ложь в отношении истории, информационное насилие стали трендом политтехнологов Запада и некоторых стран постсоветского пространства, которые наподобие своеобразных хакеров пытаются взломать культурный код народа, лишить его подлинного исторического прошлого.

Историческая память – часть культурного кода нации, т.к. прошлое всегда оставляет след в коллективной памяти народа, влияет на настоящее и определяет контуры развития страны в будущем. Интерпретация истории, сохранение исторической памяти – это своеобразное конструирование будущего, исходя из понимания прошлого, это условие сохранения нации, ее идентичности [см. 2, с. 41].

Актуальной является дилемма: история вершит политику или политика вершит историю? В стабильно развивающемся обществе верно первое. В реалистичной, адекватной времени политике следует учитывать уроки прошлого. При этом, конечно, порой историческое обиды могут до-

влеть над днем сегодняшним. Вместе с тем мы сегодня становимся свидетелями второго подхода со стороны западных политических элит. При этом важно помнить, что длительная историческая ложь приводит к равнодушию людей к собственной истории и собственному народу, к формированию поколений-манкуртов, подтачивая тем самым устои государства. Защита культурного достояния, сохранение исторической памяти – первейшая задача общества. Если нет общего сопереживания истории, то страна обречена на простое ожидание рая на земле.

Историческая память – это духовно-стратегическое оружие государства, охранительный фактор. Если его разрушить, то социум останется не только без прошлого, но и без будущего. Будет подорвана самоидентификация общества, социальных групп и индивидов, их составляющих. Чем лучше человек знает свою историю, тем крепче у него иммунитет против различного рода псевдоценностей, насаждаемых идеологами безнационального потребительского общества.

Список литературы:

1. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. / Л.П. Репина. – М., 2011. – 559 с.

2. Кривоносова, Е.Э. Трансформация духовных основ и имиджевых характеристик современного социума / Е.Э. Кривоносова, Э.И. Рудковский // Имидж Беларуси: становление, состояние, продвижение: монография / М.А. Слемнев [и др.]; под науч. ред. М.А. Слемнева. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – С. 35–44.

Семёнова Л.Н.

ОТХОД ОТ ОБЩЕРУССКОГО ЕДИНСТВА В УЧЕБНЫХ КУРСАХ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: общерусское единство, управленческий приоритет, историческая память, историческая политика, психоинформационная война.

История является важнейшим управленческим приоритетом. В 1995 г. по Европе с триумфом прошел фильм английского режиссера Кена Лоха «Земля и воля», прославляющий злодеяния троцкистов в годы гражданской войны в Испании. На презентации этого фильма в Мадриде К. Лох выразился удивительно откровенно: «Важно, чтобы история писалась нами, потому что тот, кто пишет историю, контролирует настоящее» [2, с. 201]. Как это созвучно со ставшим поистине знаменитым афоризмом из романа «1984» Джорджа Оруэлла «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [3, с. 31]. Да, «правильная» история, определяемая задачами настоящего, диктует правила для идеологии и «молекулярной работы» (А. Грамши) по ее распространению в контексте широкого социального управления по достижению согласия в обществе.

Смена государства неизбежно провоцирует поиск и утверждение новой исторической парадигмы, других интерпретаций, то есть по сути к новому трактованию истории. Это хорошо видно на примере отечественной истории. Образование Древнерусского государства и принятие христианства повлекло за собой изживание памяти о дохристианской ведической истории Руси. Официальная польская историография в ВКЛ и Речи Посполитой «доказывала» преимущества Польши по сравнению с Россией. Именно польские историки изобрели концепт татаро-монгольского ига, который должен был опорочить Русь, взрастившую под ним азиатский деспотизм, в отличие от прозападной «демократической» Польши. В Российской империи идиологема «самодержавие, православие, народность» совместно с научными изысканиями привела к признанию триединства русского народа, состоявшего из великорусского, малорусского и белорусского. Советская историография главный упор делала на классовую борьбу при строительстве социализма, превращая по ходу дела любых борцов с самодержавием в национальных героев. Так именно в советские времена сложилась романтизированная интерпретация польских восстаний XIX в. и героический облик борца за народное дело К. Калиновского и других повстанцев.

Для укрепления политического суверенитета и новой идентичности во всех республиках после распада СССР приступили к созданию новой национальной историографии. Главным методом при ее написании стало не обращение к каким-либо теориям (напротив она максимально фактологична), не введение в оборот новых фактов на основании новых источников, а прежде всего, расставление новых национальных акцентов, создание пронациональных смыслов, по сути интерпретационное насилие.

Это подтверждается и на примере Республики Беларусь. В белорусской историографии буквально в одночасье сформировалось национально-демократическое, «свядомое» направление, которое наряду с публикациями в научных сборниках, наукообразными монографиями было дополнено мутным потоком популярного чтива в духе Н. Ермоловича, А. Тараса, В. Дерюжинского, М. Голденкова и иже с ними, заполонивших книжные магазины и просторы интернета. Главный разрушительный удар представители этого направления нанесли по общерусскому единству, став на службу давней русофобской либеральной идеологии Запада. Но если на Украине общерусское единство начинали пробивать известным тезисом «Украина – это не Россия», то в Беларуси задача оказалась более сложной. По словам А. Тараса, «Беларусь, по определению, не Россия, не Польша, не Украина» [1, с. 3].

Публицистика находится на переднем крае психоинформационной войны, но внушаемые ею идеи уже глубоко проникли в тыл, в святая святых идеологии – в образование. Основная масса учебников, учебных пособий, учебных курсов по истории Беларуси выполнены в духе национально-демократического направления, излагая по сути антирусскую польско-литвинскую версию белорусской истории.

Для примера обратимся к тематическому плану учебного курса, читаемого во всех вузах страны: интегрированный модуль «История» «История Беларуси в контексте европейской цивилизации» (на основе типовой учебной программы, утвержденной МО РБ 30.06.2014 г. № ТД-СГ.023/тып). Определение цивилизационной принадлежности, понимаемой в качестве культурно-региональной общности, – это важнейший постулат национальной идеи. Однако в силу политики многовекторности этот вопрос у нас широко не обсуждался. Тем не менее авторы программы решительно осуществили цивилизационный выбор за всех белорусов, навязывая им европейскую цивилизацию. Само по себе выделение цивилизаций – дело авторское, но есть и некоторые общераспространенные позиции, согласно которым собственно европейская цивилизация, развившаяся на античных и христианских ценностях, была уничтожена материалистической технократической капиталистической цивилизацией Запада. Так к какой цивилизации относятся белорусы?

Названия разделов и тем курса обозначают не историю страны в контексте экономического, социального, политического, идеологического развития общества, показывают не сущность формировавшихся общественных систем. Они обращают внимание исключительно на белорусский этнос (причем зарождавшийся изначально), и государственность на белорусских землях, только с XX в. ставшую белорусской. Раздел I «Формирование белорусского этноса и государственные образования на белорусских землях»; раздел II «Становление белорусской государственности и укрепление ее суверенитета в XX – начале XXI в.». Такой вот белорусоцентричный взгляд на историю нашей страны (в духе призывов А. Тараса) и логичный переход к заявленному курсу «История белорусской государственности». При так расставленных ориентирах для общерусского единства просто не остается места. О Полоцком и Турово-Пинском княжествах говорится вне единого Русского государства. ВКЛ и Речь Посполитая – прогрессивные прозападные государства, которые страдали от агрессии России. В перечисленных трех государственных формах формировался белорусский этнос и писали, и разговаривали сразу на старобелорусском языке. Просмотр атласов по истории Беларуси не дает представления о месте белорусских земель в составе Древнерусского государства, Российской империи, Советского Союза. Они сами по себе, занимают все пространство карты.

Президент России В.В. Путин в статье «Об историческом единстве русских и украинцев», подчеркнул, что «и русские, и украинцы, и белорусы – наследники Древней Руси». Стена, «возникшая между Россией и Украиной, между частями, по сути, одного исторического и духовного пространства» – это «последствия наших собственных ошибок, допущенных в разные периоды, но и результат целенаправленной работы тех сил, которые всегда стремились к подрыву нашего единства». «Чтобы лучше понять настоящее и заглянуть в будущее, мы должны обратиться к истории» [4]. А в истории, теперь уже мы продолжим, необходимо вернуться

к признанию принципа общерусского единства, неоспоримого факта, что белорусы являются частью русского народа, Беларусь принадлежит к Русской цивилизации. Модная тема о Беларуси как пограничье должна четко трактоваться следующим образом: Беларусь как западный форпост Русской цивилизации, соседствующий с Западной цивилизацией.

Список литературы:

1. История имперских отношений: беларусы и русские, 1772 – 1991 / Составитель А.Е. Тарас. – Минск: А.Н. Вараксин, 2008. – 608 с.
2. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2010. – 864 с.
3. Оруэлл Дж. 1984. Роман. Скотный двор. Сказка / Пер. с англ. Д. Иванова, В. Недошивина. Пермь: Изд-во «КАПИК», 1992. 304 с.
4. Путин, В.В. Об историческом единстве русских и украинцев / В.В. Путин [Электронный ресурс] // 112-й канал Украинского ТВ. – Режим доступа: https://112ua.tv/mnenie/statya-vladimira-putina. – Дата доступа: 19.07.2021/

Чикиндин М.А.

ИМИДЖ БЕЛАРУСИ: ЧЕРЕЗ ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕЕ

Ключевые слова: имидж, Республика Беларусь, символика, ментальность, «Отец».

Понятие «имидж» прочно вошло в обиход социогуманитарного и философского дискурса. Выявлению его содержания и объема, сигнификата и денотата посвящено множество работ как отечественных, так и зарубежных авторов. В связи с этим исследование имиджа Беларуси в мировом сообществе, который включает в себя имидж граждан, общества и государства, путей формирования ее позитивного образа приобретает особую актуальность. Актуальность данной проблематики обусловлена не только чисто теоретическими интересами и целями, но и запросами практики. В качестве критерия успешного имиджа страны можно назвать эффективность созданного образа, т.е. то, каким образом характеристики имиджа государства влияют на политическую обстановку в стране, социальную, экономическую, культурную сферы и внешние отношения с другими государствами.

Политический имидж государства, по мнению Д.В. Ольшанского, это «воображаемый образ данного государства у граждан страны и зарубежья» [1, с. 166]. Е.Б. Перелыгина рассматривает имидж государства как системно-корпоративный комплекс исходя из системных организаций государственных структур и их взаимосвязей, а также сущностных оснований политической деятельности [2, с. 23].

Одним из основных проявлений имиджа является название страны. Название нашей страны ассоциируется с белым цветом, символизирующим территорию, свободную от завоеваний во время татаро-монгольского нашествия на Русь. Исследователь Э.М. Загорульский считает, что понятие «Белая Русь» означает Западная Русь. Согласно еще одной версии, эпитет

«белая» обусловлен белыми льняными одеждами и светлыми волосами людей, проживающих на данной территории. Серьезные споры вызывают варианты написания названия нашей страны. В российских источниках очень часто используется написание «Белоруссия», что правомерно с точки зрения русского языка, но несколько искажает официальное название страны. Это значимый фактор, имеющий определенный политический аспект. В английском эквиваленте “Belarus” отличается от “Belorussia” несозвучностью варианту «Russia», что олицетворяет суверенитет белорусского государства. Во многом данный тезис подтверждается событиями ноября 2019 года, когда МИД Швеции официально уведомил белорусскую сторону, что название нашей страны изменено с Vitryssland (Белая Русь, Белоруссия) на Belarus. В то же самое время Литва официально именует нашу страну «Baltarusija».

Проявлением государственного образа выступает и государственная символика. Если мы обратим внимание на флаги государств, то можем заметить интересную тенденцию: у государств с монархической формой правления либо имеющих жесткий централизованный тип принятия политических решений флаг, в большинстве случаев, имеет четко выраженный центр с изображением некоего символа (Япония, гитлеровская Германия) либо сходящиеся в центре лучи креста (Великобритания, скандинавские монархии), либо одноцветную гамму флага. Для большинства демократических республик характерно отсутствия символа в центре и многоцветная гамма. Белорусский флаг символизирует братство и борьбу за правое дело (красный цвет), природу, благополучие, мир (зеленый), свободолюбие (белый). Проявлением имиджевой составляющей является также гимн и герб государства. В гимне закрепляются аксиологические особенности народа, проживающего на данной территории. Что касается герба Республики Беларусь, то он собой представляет несколько видоизмененный герб БССР (исчезли изображения серпа и молота, изменилось название страны, появились очертания государственных границ). Успешная попытка сохранить старый герб, пусть и с некоторыми изменениями, указывает на преемственность и традиционность, которые связаны с такими качествами, как стабильность, надежность, «здоровый» консерватизм. Стране необходимо развиваться, смотреть в будущее, но при этом чтить и гордиться своим прошлым. Государственные символы должны отражать уникальность Беларуси, ее непохожесть на все остальные страны мира.

Имидж страны носит персонифицированный характер в лице лидера, который и олицетворяет государство за рубежом. Для лидера нашего государства характерен архетипический тип «Отца» с имиджевой характеристикой «Хозяйственник». Образ Отца в системе политического лидерства характерен для стабильных традиционных обществ, с преобладанием принципов коллективизма. За Президентом Беларуси А.Г. Лукашенко в обыденном сознании закрепился образ «Батьки», отражающего архетипического Отца патриархальной семьи, всевластного и ответственного, строгого, принципиального, но одновременно склонного к милости и справед-

ливости. Его приход к власти был обусловлен слабым социально-экономическим положением страны после развала Советского Союза, преобладавшим пессимизмом и апатией в обществе. Был необходим активный, решительный и бескомпромиссный лидер, который смог бы объединить общество, повести людей за собой. Образ «Отца» является интегрирующим для политико-социального пространства. Нужда в политическом отцовстве основывается на нескольких составляющих: этических императивах, подданнической политической культуре, традиционализме, почитании старших, религиозной и исторической традиции. Политическая деятельность и политическая борьба в этом случае вторичны. Акцент на эффективность развития сфер, которыми управляет. Успех определяется желаниями масс видеть лидера, готового взять на себя всю ответственность за общественные дела. З. Фрейд утверждал, что «авторитет лидера в массах подобен авторитету отца в семье. Люди в своей массе испытывают острую необходимость подчиняться авторитету» [3, с. 245].

Выстраиваемый имидж должен соответствовать национальным качествам, традициям, ритуалам. Примером этого может служить ритуал встречи прибывающих гостей хлебом-солью и в национальных костюмах. Это символизирует гостеприимство и радушие белорусского народа. Белорусы в представлении иностранцев отличаются мягкостью, гуманностью, толерантностью. В военный период белорусы проявляют мужество, решительность и героизм. Многие видят белорусов грустными и печальными, что обуславливается непростой политической жизнью в составе различных государственных объединений на протяжении всей истории и окружающими геоприродными факторами, ведь предки белорусов жили разбросанно среди лесов и болот. Вместе с тем эти обстоятельства выработали в белорусском человеке традиционализм, доброту, коллективизм, готовность к поддержке, помощи, вплоть до самопожертвования, толерантность. Данные культурные архетипы и должны составлять содержательную сторону имиджа Беларуси.

В современном мире формирование привлекательного имиджа страны за рубежом является неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии любого государства. Создание положительного имиджа страны на международной арене позволяет государству вести активную внешнюю политику, привлекать инвестиции и туристические потоки в страну, повышает его престиж на мировой арене. Эффективная имиджевая политика государства является важнейшим политическим ресурсом. Она может складываться из политических, социально-экономических, технических, культурных и спортивных составляющих.

Список литературы:

1. Ольшанский, Д.В. Политико-психологический словарь: Учебное пособие для вузов / Д.В. Ольшанский. – М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 574 с.

2. Перелыгина, Е. П. Психология имиджа / Е. П. Перелыгина. – М. : Аспект-Пресс, 2002. – 223 с.

3. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. - СПб. : Питер, 2003. – 342 с.

Шакиров Р.Б., Кабирова И.А.

«ИМЕЛ ВСЕГДАШНЕЕ УПРАЖНЕНИЕ О ПОЛЬЗЕ СЛУЖБЫ, НИМАЛО НЕ СТАРАЯСЬ О СОБСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЕ»

Ключевые слова: история, военная служба, деятельность, биография.

Ф.Ф. Ушаков – величайший флотоводец второй половины XVIII века. Своими блистательными победами он внес огромный вклад в военные компании России против Турции (1787–1791) и революционной Франции (1798-1800). Флотоводец не проиграл ни одного сражения, ни один его корабль не был разбит, никто из его команды не попал в плен. Морским медведем называли его иностранцы, понимая, что он совершил революцию в морской тактике. Федор Федорович также известен своими организаторскими способностями, которые он в полной мере реализовал, после назначения его Г.А. Потемкиным на пост командующего Севастопольской эскадрой. Во время второй русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) Ушаков помимо военной и управленческой деятельности занимался подготовкой флота, проявлял заботу к «служителям» (особенно к самым низким рангам), строил для них госпитали, распределял в их пользу денежные средства. Благодаря своей воспитательной работе среди военных адмирал установил на Черноморском флоте жесткую дисциплину, что способствовало установлению благоприятного климата в коллективе. Федор Федорович всегда придерживался силы закона и четко следовал указаниям начальства. Это лишь малая часть положительных качеств и заслуг адмирала, которые можно продолжать бесконечно. Однако самыми особыми чертами Ушакова можно назвать его беззаветное, бескорыстное и каждодневное служение Отечеству, верность своему делу. По сути гениальный реформатор, он не был карьеристом и не кичился своими заслугами. С нашей точки зрения эти особые черты и составляют культурный код русской нации.

После смерти Ушакова, его вклад в военно-политическую историю российского государства был утрачен, но не безвозвратно. В трудах дореволюционных историков [1; 4; 11], посвященных второй русско-турецкой войне (1787–1791) и борьбе против революционной Франции (1798–1800), флотоводец лишь упоминается. Однако в советский период, а именно 3 марта 1944 года был учрежден «орден Ушакова» – высшая флотоводческая награда в СССР. Уже после окончания войны (1953 г.) был снять фильм о Федоре Федоровиче в двух частях – «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы». Учеными составлялись и издавались сборники документов, прямо или косвенно описывающие жизнь и деятельность флотоводца [1; 2]. В связи с этими событиями у исследователей возник ярый интерес к жизни и деятельности адмирала. Несмотря на четкую идеологическую направленность, советские историки внесли значительный вклад в изучении жизни и деятельности адмирала [3;6]. После распада

СССР ученые смогли более объективно оценить деятельность Ушакова [7; 9]. В 2021 году была написана биография Федора Федоровича [8], являющаяся на данный момент наиболее полным жизнеописанием флотоводца. Качественные исследования, дали возможность объективно оценить вклад адмирала в развитие военно-морского искусства, и успехи России на внешнеполитической арене.

Российское общество, изучая труды историков, буквально заново открыло для себя великолепного флотоводца Ушакова, его духовность и праведность. Все вышеперечисленное создало почву, для обращения «к святейшему патриарху московскому и всея Руси Алексию II с предложением канонизации Ф.Ф. Ушакова 25 октября 1999 г.» [9, с. 428]. 19 октября 2000 г. было повторное обращение к патриарху [9, с. 429], после которого Федор Федорович был канонизирован русской православной церковью.

Ушаков – был идеальным флотоводцем, во всех смыслах этого слова. Его служение отечеству олицетворяет культурный код нации и является образцом для будущих поколений. Поэтому, в период когда «в отечественной исторической науке наметилось существенное повышение интереса к наследию наших выдающихся предшественников, в том числе к жизни и опыту известного флотоводца Фёдора Фёдоровича Ушакова» [10], необходимо попытаться сохранить историческую память об адмирале, других исторических личностях и нашей истории в целом.

Список литературы:

1. Адмирал Ушаков / под ред. Р. Н. Мордвинова. – М.: Воен.-мор. изд-во, 1951–1956. – 3 т.
2. Адмирал Ушаков: письма, записки. – М.: Воениздат, 2004. – 463 с.
3. Веселаго, Ф. Краткая история Русского Флота. / Ф. Веселаго. – М-Л.: Военно-морское изд-во НКВМФ СССР, 1939. – 304 с.
4. Висковатов, А.В. Взгляд на военные действия россиян на Черном море и Дунае с 1787 по 1791 г. / А.В. Висковатов. – СПб., 1828. – 80 с.
5. Головачев, В.Ф. История Севастополя как русского порта / В.Ф. Головачев. – СПб., 1872. – 260 с.
6. Кровяков, Н. Русские в Корфу / Н. Кровяков. – М., 1943. – 64 с.
7. Лебедев, А.А. От Фидониси до Корфу: За кулисами больших побед Ф.Ф. Ушакова / А.А. Лебедев // Гангут. – 2011. – № 66. – С. 14–32.
8. Овчинников, В.Д. Непобедимый праведный воин Федор Ушаков: Духовно-просветительское издание / В.Д. Овчинников. – М., 2021. – 536 с.
9. Овчинников, В.Д. Личность адмирала Ф.Ф. Ушакова и влияние его деятельности на строительство и применение отечественного флота: дис. … д-ра ист. наук / В.Д. Овчинников. – М., 2018. – 527 с.
10. Овчинников, В.Д. Духовно-нравственное наследие адмирала Ф.Ф. Ушакова / В.Д. Овчинников // Военно-исторический журнал. – 2009. — № 3. – С. 43–45.
11. Скаловский, Р.К. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова / Р.К. Скаловский. – СПб., 1856. – Ч. 1. – 444 с.

Якуб А.В.

«АСОБНЫ АТРАД»: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ФИЛАТЕЛИЯ[1]

Ключевые слова: филателия, знаки почтовой оплаты, Белорусская Народная Республика, Гражданская война, историческая память.

Историческая память и идеология – две стороны одного процесса, поскольку последняя вторгается, а иногда и является главным инструментом в формировании представлений о прошлом и настоящем, которые затем закрепляются в качестве устойчивых представлений о тех или иных событиях прошлого среди людей. Идеология действуют целенаправленно, ее задача закрепить то, что необходимо для политической элиты в данный отрезок времени, и отторгнуть, забыть то, что несовместимо с общепринятой интерпретацией тех или иных событий иногда даже недавнего прошлого.

В этом плане почта и филателия не являются исключением. Выпуски знаков почтовой оплаты, особенно необходимые в переломные моменты истории для формирования, иногда абсолютно нового, политического имиджа того или иного государства или новой политической силы, превращаются в важный инструмент трансформации существующей исторической памяти социально-политического социума. Филателия, как форма коллекционирования знаков почтовой оплаты, в свою очередь, позволяет сохранять эти новые представления об окружающем мире как среди профессиональных собирателей, так и среди обывателей, которые используют эти знаки почтовой оплаты для осуществления обычной внутренней и зарубежной почтовой переписке со своими адресатами.

События Октябрьской революции в России 1917 года, развал Российской империи и постепенное развертывание на ее бывшей территории гражданской войны, отягощенной внешней интервенцией, появление новых государственных образований, претендовавших, в силу своих возможностей, на признание мировым сообществом в рамках формирующейся Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, породило огромное количество выпусков знаков почтовой оплаты, курсировавших в различных частях прежней России.

Не осталась в стороне и территория Белоруссии, где, как и повсюду в границах бывшей Российской империи схлестнулись в жесткой схватке две возможных модели будущего государственного устройства: советская и буржуазно-демократическая. Одним из таких новых государственных образований стала, как известно, Белорусская Народная Республика, независимость которой была провозглашена 25 марта 1918 г. Несколько позднее, в результате вмешательства Советской России 1 января 1919 г. была создана Социалистическая Советская Республика Белоруссия. Окончательная победа советского строя на территории Белоруссии, как известно,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00153.

была закреплена в июле 1920 г. по итогам советско-польской войны, а 30 декабря 1922 г. Советская Белоруссия вошла в состав СССР на правах союзной республики.

Этот небольшой экскурс в историю Белоруссии 1917–1922 гг. необходим потому, что в эти годы гражданская война продолжалась не только на полях сражений и в глубине политических и дипломатических кабинетов, но и в такой, казалось бы, далекой области бытия, как выпуск и коллекционирование знаков почтовой оплаты.

На протяжении 1917–1922 гг. на территории Белоруссии в почтовом обращении, независимо от политических режимов, господствовавших в тот или иной отрезок времени, находились знаки почтовой оплаты Российской империи, а впоследствии РСФСР. Однако особый интерес представляют марки так называемого «Особого отряда» С. Булак-Балаховича, появившиеся на филателистическом рынке европейских стран в 1920 г.

Когда мы рассматриваем данный выпуск «знаков почтовой оплаты», то следует сразу же принять во внимание не только цель их появления, но и реакцию на их появление среди современников. Для инициаторов этого выпуска, среди которых был глава Военно-Дипломатической Миссии БНР К.Б. Езовитов и крупные марочные торговцы Георг Егер и Аркадий Лившиц, на корню скупившие фактически весь тираж этого выпуска, появление подобных «знаков почтовой оплаты» было способом поправить свое финансовое благополучие. Большой тираж этих марок, а также развернутая Г. Егером активная рекламная компания в филателистической прессе, способствовали их распространению среди огромного количества коллекционеров по всему миру, что не могло ни повлиять на формирование определенного мнения о БНР, противоречащем официальным советским представлениям.

Такая ситуация заставила определить свою позицию и представителям советской государственной филателии во главе с Ф.Г. Чучиным. Главным инструментом противоборства с нежелательным образом почтового и филателистического пространства Белоруссии среди советских и зарубежных коллекционеров также стала советская филателистическая пресса и издание специализированных почтовых каталогов отечественных почтовых марок в 1920-1930-х гг. Первоначально данный выпуск был включен в перечень знаков почтовой оплаты, как издание Белорусского Армейского Корпуса генерала С. Булак-Балаховича. Однако это издание каталога носило частный характер [1], и вскоре, после фактического подчинения филателии целям и задачам строительства нового советского общества, тон в определении места данного выпуска был кардинально изменен. Он был задан в специализированном каталоге под редакцией Ф.Г. Чучина, организатора советской государственной филателии в 1920-е гг., посвященном выпускам периода Гражданской войны, где к нему был приклеен ярлык фантастического и спекулятивного выпуска [2]. Наконец, следует отметить тот факт, что с конца 1920-х гг. на государственном уровне в Советском Союзе

более специализированных каталогов, которые давали бы описание почтовых эмиссий периода Гражданской войны, не издавалось.

В итоге, на многие десятилетия данный выпуск фактически оставался запретным в советской филателии. Возрождение интереса к нему наблюдается после распада СССР, однако, и в данном случае как среди постсоветских специалистов в области истории почтового обращения на территории бывшей Российской империи, так и среди зарубежных исследователей, существуют диаметрально противоположные представления о природе выпуска «Особого отряда» [3, с. 36-39; 4, с. 25-32; 5,с. 13-40; 6, с. 25-29], а, значит, возможности для гражданского противостояния в области формирования, пусть и незначительного сегмента исторической памяти, остаются.

Список литературы:

1. Попов, В.В. Каталог и описание почтовых марок старой России, Республик Федерации на ея территории, различных выпусков периода гражданской войны, Польши, Латвии, Литвы и Эстонии. 1922/1923 г. – Киев: Без изд., 1922. – 147 с.

2. Каталог почтовых марок и цельных вещей. Вып. III. Гражданская война в России (1917–1924) / под ред. Ф.Г. Чучина. – М.: СФА, 1927. – 135 с.

3. Батиевский, В. Марки «Асобны Атрад БНР» // Филателия. – 2002. – № 10. – С. 36–39.

4. Батиевский, В. «Особый отряд БНР». К вопросу о спекулятивности и фантастичности выпуска марок // Филателия. – 2010. – № 4. – С. 25–32.

5. Мясковский, И. Особый отряд Белорусской Народной Республики (выпуск Булак-Балаховича) / И. Мясковский // Страницы почтовой истории гражданской войны. Справочник. – М.: ФГУП Издатцентр «Марка», 2009. – 79 с.

6. Мясковский, И. Фрагменты филателистической истории Гражданской войны. Продолжение истории: Особый отряд Белорусской Народной Республики (выпуск Булак-Балаховича) / И. Мясковский // Филателия. – 2010. – № 12. – С. 25–29.

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ

Баньковская Ю.Л.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: сетевые структуры, ценности, взаимодействие, конфликт.

Мобильность и изменяемость сетевых структур, их воздействие на социальные процессы актуализирует необходимость в выявлении специфики конфликтного противоборства. Сети становятся инструментом, используемым террористами, наркодилерами и иными преступниками. К ним обращаются для распространения информации радикалы и активисты протестных выступлений. Они влияют на ценностные представления современной молодежи. Воздействуя на общественное мнение и формируя ложные представления, они способствуют обострению наличных противоречий, порождая все новые конфликты. Фактическое уничтожение сетевых структур является практически невозможным, следовательно, возрастает востребованность в прояснении ценностно-нормативных и правовых регуляторов разрешения противоречий.

Вследствие сложности осуществления процессов регуляции сетевого пространства посредством ограничительных, законодательно запрещенных принимаемых актов необходимо выработать дополнительные меры по обеспечению национальной безопасности. Современное общество сталкивается с проблемой осуществления правовой и нравственной оценки новой гибридной войны. Неконтролируемость и динамичность сетевого коммуникативного пространства «определяют формирование социальной безопасности личности в ее условиях как целенаправленную совместную деятельность государственных и общественных институтов, а также людей (пользователей), участвующих в выявлении, предупреждении и минимизации различных сетевых рисков и угроз социальной безопасности личности» [1, с. 27].

Наличие множества социальных проблем, невозможность быстрого и эффективного их устранения со стороны властных структур приводит к поиску альтернативных путей их разрешения. Создавая условия для осуществления открытых дискуссий, сети позволяют молодежи активно участвовать в обсуждении вопросов, реализовывать свою гражданскую позицию. При этом нередко данное участие может носить деструктивный характер. Одним из наиболее ярких примеров, демонстрирующих специфику протекания сетевых конфликтов, является ситуация противоборства между

властными структурами и ее противниками, сформировавшаяся по результатам выборов президента Республики Беларусь. Воздействуя на политическую сферы жизнедеятельности общества, сети трансформируют социальное пространство, становятся катализатором обострения противоречий. Е.В. Морозова и А. Гнедаш отмечают, что «сети формируют новые объединяющие смыслы, практически осваиваемые в offline- и online-пространствах, побуждают участников сети к локальным или масштабным коллективным действиям» [2, с. 183]. Создавая конструктивные возможности для интерактивного общения с избирателями, привлекая внимание множества пользователей данного образования, она способствует повышению уровня эффективности агитации. Формируются условия для привлечения новых лидеров протестного движения. В Беларуси многие оппозиционные участники конфликта агитировали население на столкновение с властными структурами посредством сетевого информирования.

Быстрая скорость передачи информации, отсутствие возможности ее рациональной переработки приводит к развитию клипового мышления. «В целом сетевое сознание характеризуется максимальной степенью обобщенности, индифферентности, способностью осмыслить лишь одно-два информационных события, монохромностью оценки (хорошее-плохое), смещением традиционной шкалы моральных и общественных ценностей» [3, с. 26–27]. Результатом подобной ситуации является невозможность критической обработки молодежью большого массива данных. Следовательно, происходит увеличение доли манипуляторных действий, ибо поверхностность восприятия проблемы продуцирует повышение уровня внушаемости человека при использовании сетевых технологий. Более того, массовое их применение усиливает инфантилизм, проявляющийся в снижении уровня критического осмысления человеком своих поступков и действий, в уменьшении адаптивных возможностей и неспособности разрешать проблемные ситуации, что также увеличивает уровень массового воздействия на сознание человека.

Освещение конфликта в сети содействует необходимости реакции властных структур на артикулируемые в ней события. Замалчивание или отсутствие ее полного освещения приводит к эскалации конфликта. Оппозиционной структурой создается необходимый ей ракурс информационного фона, привлекающий к данному противоборству большое количество людей, формируется общественное мнение.

Мобилизация ресурсов, направленная на осуществление протестных действий посредством привлечения социального капитала, нацелена на оказание воздействия на конфликтную ситуацию. Одновременно сети расширяют имеющиеся возможности своего финансирования посредством привлечения внимания к наличному противоречию больших масс людей. Кроме того, материальную помощь оппозиционной конфликтующей стороне в Беларуси оказывали страны западной Европы и США. Отсутствие

мер по урегулированию конфликта приведет к тому, что «при поддержке США и стран ЕС (прежде всего, Польши и стран Балтии), а также при определенных объективных условиях массовые митинги в Беларуси могут перерасти в «цветную революцию» (которой на Западе уже подобрали название – «Белые росы»)» [4, с. 110].

Производство и распространение информации, создание новых мер по соблюдению норм взаимодействия субъектов, ограничение и раскрытие анонимности становится необходимым условием сохранения легитимного права властных структур на обеспечение контроля над циркулируемой в сети информацией с целью сохранения национальной безопасности государства. При отсутствии их должного внимания к предъявляемым к ней требованиям со стороны оппонентов, происходит радикализация ситуации. Интериоризация ценностей и норм традиционной культуры в сознание личности, испытывающей влияние противоречивых процессов, происходящих в сетевом пространстве, и их институциональное закрепление направлено на формирование мировоззрения, соответствующего условиям информационного общества. Следовательно, необходима доработка и совершенствование мер по разрешению сетевых противоречий в соответствие с уровнем развития общества, его потребностями, акцентуация внимания на формировании политического сознания современной молодежи.

Список литературы:

1. Мкртчян, Л.М. Механизмы обеспечения социальной безопасности личности в сетевом коммуникативном пространстве / Л.М. Мкртчян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 7. – С. 27–29.

2. Гнедаш, А.А. Модернизационный потенциал сетевого взаимодействия в сфере социальной политики / А.А. Гнедаш, Е.В. Морозова // Политэкс. – 2012. – Т. 8, № 3. – С. 183–199.

3. Егорова, А.Г. Сетевое мышление: деградация или прогресс? / А.Г. Егорова // Fundamental Research. – 2014. – № 9. – С. 26–28.

4. Крылова, И.А. Информационно-психологические войны как фактор дезинтеграционных процессов в современном мире / И.А. Крылова // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2021. – № 4–1. – С. 106–110.

Бобылева Л.И.

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, диалог культур, дидактическая культуросообразность, проблемные задания.

Исследования в области лингвокультурологии убедительно доказывают неделимую связь языка, культуры и духовного мира индивида, их взаимообусловленность. В этой связи язык выступает в качестве ретранс-

лятора культурологических знаний, посредством которого интерпретируется культура и нравственные ценности. Таким образом, в современной методике обучения иностранным языкам овладение иноязычными видами речевой деятельности подразумевает формирование у учащихся основ межкультурной коммуникации.

Вслед за Сафоновой В.В. мы определяем межкультурную коммуникацию как функционально обусловленное коммуникативное взаимодействие людей, которые выступают носителями культурных сообществ в силу осознания ими своей принадлежности к разным геополитическим, национальным, религиозным сообществам, а также социальным субкультурам [2, с. 19]. Процесс развития способности человека к межкультурной коммуникации в учебных условиях осуществляется во взаимосвязи освоения языкового кода и развития культурного опыта, включающего отношение индивидуума к себе и окружающему его миру.

Вместе с тем, идеи межкультурной коммуникации могут оказаться всего лишь модным течением, если учащиеся не будут знать свою родную культуру. Только познание, основанное на соотнесенности с культурами стран изучаемых языков, может сформировать гражданина Отечества и гражданина мира. Таким образом, воспитание тесно связано с культурой и понимается как процесс становления, обогащения и совершенствования духовного мира человека через творческое наследование доступной ему культуры.

Все принципы коммуникативной методики обучения иностранным языкам (речемыслительной активности, личностной индивидуализации, ситуативности, функциональности, новизны) обладают огромным воспитательным потенциалом и вовлекают учителя и учащихся в глубинное и духовное общение, которое, в сущности, является воспитательным процессом [1, с. 55]. Межкультурная компетенция требует формирования у обучаемых навыков и умений употребления иностранного языка в аутентичных ситуациях межкультурного общения, объяснения и усвоения чужого образа жизни, модели поведения. Для осуществления данных целей необходимо решение следующих задач: 1) развитие культуры восприятия и грамотной интерпретации современного многоязычного мира; 2) формирование чувства патриотизма как потребности и способности к деятельностной любви к своей Родине; 3) воспитание убежденности в приоритете общечеловеческих ценностей, формирование потребностей и способностей к рефлексии и критическому мышлению; 4) формирование гуманистического мировоззрения, т.е. способности к решению проблем, связанных с выживанием, милосердием, преодолением кризисов цивилизации; 5) воспитание интернационализма, иммунитета к национализму, шовинизму, а также чувства сопричастности к мировой истории и культуре; 6) развитие потребности и способности к социальному выбору, воспитание правового сознания, собственного достоинства и уважения достоинства других лю-

дей; 7) обучение технологиям достижения согласия и сотрудничества в условиях различия взглядов и убеждений.

Социокультурное образование учащихся может быть эффективным лишь в том случае, если оно осуществляется с учетом принципов дидактической культуросообразности, диалога культур и цивилизаций, доминирования проблемных культуроведческих заданий.

Сфера действия принципа культуросообразности реализуется при отборе культуроведческого материала для учебных целей. При этом важно а) определить ценностный смысл, значимость отбираемых материалов для формирования у учащихся с учетом их возрастных особенностей и интеллектуального потенциала неискаженных представлений об истории и культуре; б) обеспечить наличие культуроведческого материала, на основе которого возможно знакомство учащихся со способами защиты от культурной агрессии и дискриминации.

Принцип диалога культур и цивилизаций требует анализа аутентичного материала с точки зрения потенциальных возможностей его использования при моделировании в учебной аудитории такого культурного пространства, погружение в которое обеспечивает поликультурное и билингвистическое развитие обучаемых, формирование у них общепланетарного мышления и таких качеств, как социокультурная наблюдательность, культурная непредвзятость, социокультурный такт и др. Данный принцип предполагает также и контрастивно-сопоставительное изучение культур в контексте их непосредственного и опосредственного историко-культурного взаимодействия. При формировании культурного пространства в условиях иноязычного учебного общения широко используется культуроведческий материал о родной стране, который позволяет развивать у учащихся умения презентации своей культуры на иностранном языке в иноязычной среде.

Принцип доминирования проблемных культуроведческих заданий ориентирует на построение методической модели, при которой учащиеся в процессе решения серии постепенно усложняющихся культуроведческих задач 1) тренируются в сборе, систематизации, обобщении и интерпретации информации; 2) учатся ориентироваться в соизучаемых типах культур и цивилизаций и соотносимых с ними коммуникативных норм; 3) овладевают способами выхода из социокультурных и коммуникативных тупиков, возникающих в ситуациях межкультурного общения.

Как известно, сознание формируется в деятельности, отсюда реализация воспитательных целей обучения должна опираться на систему упражнений, включающих следующие типы: 1) упражнения на усвоение фоновых знаний, 2) упражнения на распознавание и анализ ценностных ориентаций в иноязычной культуре, 3) упражнения на формирование умений адекватного речевого и неречевого поведения. Таким образом, воспитание языковой личности проходит в своем развитии вербально-семантический, логико-когнитивный и деятельностно-коммуникативный этапы.

Эффективность данных упражнений зависит от уровня сформированности у учащихся психологической и коммуникативной готовности к изучению иностранных языков, составляющей в совокупности общую готовность к познанию и воспитанию. Психологическая готовность предполагает наличие у обучаемых познавательного интереса и мотивационной установки. способности сравнивать, обобщать, систематизировать, делать выводы, умозаключения. Под коммуникативной готовностью применительно к изучению иностранных языков понимается наличие в вербальной памяти учащихся достаточного количества лингвистических единиц и освоенных ими приемов использования их в речевой деятельности.

Таким образом, важную воспитательную роль при обучении иностранному языку играет содержательная сторона учебного материала, однако не менее значительным является и то, как организуется работа с учащимся. Воспитательное воздействие учебного материала может меняться в зависимости от таких факторов, как: 1) работает учащийся с ним охотно/неохотно, с интересом/без интереса, самостоятельно/ несамостоятельно; 2) насколько он владеет рациональными приёмами учения, умеет пользоваться справочной литературой, осуществлять самоконтроль; 3) в какой мере задания носят проблемный характер.

Список литературы:

1. Пассов, Е.И. Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур / Е.И. Пассов. – Минск: Лексис, 2003. – 180 с.

2. Сафонова, В.В. Культуроведение в системе современного языкового образования / В.В. Сафонова // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 3. – С. 17–19.

Борботько П.В., Янч С.В.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: электронный ресурс, визуальная новелла, образовательная деятельность.

Мировая практика, связанная с введением и расширением сферы применения электронного обучения (как по кругу лиц, так и по географии) указывает, что электронные ресурсы, инновационные образовательные технологии оказывают существенное влияние на развитие представления молодежи о современном мире и о прошлом.

Создание современных обучающих компьютерных программ по истории невозможно без привлечения знаний и опыта специалистов как гумантарного, так и естественного профиля. Например, составление электронной обучающей игры требует хорошего знакомства с педагогикой, психологией, информатикой, информационными технологиями и т.д. Отсюда вытекает необходимое требование междисциплинарности. А это, в свою

очередь, дает широкую возможность для творчества в рамках междисциплинарных исследований.

Междисциплинарность имеет еще одно положительное свойство. Каждая наука создавалась и развивалась как стройная система человеческого знания, преследующая конкретные теоретические и практические цели и задачи, использующая наиболее эффективные для этого методы и приемы. Их совместные усилия способны, в настоящее время, решать задачи традиционно не свойственные для каждой из них в отдельности. Например, в сохранении исторической памяти и традиций населения. Специалисты в области информатики незаменимы для создания электронных ресурсов на базе языков программирования C, C+, C#, Lua, VisualBasic, Python и др. Правоведы могут помочь оценить электронные образовательные ресурсы с точки зрения их соответствия действующему законодательству. Экономисты – рассчитать прогнозируемый эффект. Историки – создать содержательный аспект (материалы по какому-либо периоду истории).

Совместные электронные разработки, создаваемые специалистами различного профиля, как было сказано выше, могут помочь создавать инновационные проекты, нацеленные на формирование исторической памяти молодежи и носящие признаки наукоемкости. На запрос “инновации и инновационные технологии в образовании”, сделанный, например, в поисковой системе e-library, выдается объемный список научных публикаций (622 наименования). В некоторых случаях, как инновационные преподносятся разработки и методики 1930-х – 1980-х годов, соответствуюшие уровню научных представлений XX века. Между тем, статья 1 Закона О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь указывает, что “Инновация – введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд новая или усовершенствованная продукция, новая или усовершенствованная технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера”.

В соответствии с указанным законом, большая часть этих предложений подходит под понятие “новшества”, а не “инновации”. Статья Закона № 1 вводит необходимые критерии для разграничени понятий. Инновационная технология:

- технология является результатом интеллектуальной деятельности;
- обладает признаками новизны по сравнению с существующими аналогами для определенного сегемента рынка;
- обладает практической применимостью;
- способна принести полжительный экономический или иной эффект и т.д.

Здесь же следует предположить, что описываемые приоритетные направления научных исследований должны не только учитываться преподавателем как субъектом творческого научного процесса, но и

закладываться в образовательную технологию как задачи обучения по их использованию школьниками и студентами. Технология должна быть такой, чтобы снабжала молодого человека не только знаниями, но и образцами (паттернами) решения творческих задач, работы по формированию картины мира и правильного представления об исторических событяих и процессах. Что напрямую будет соответстовать, например, образовательному стандарту высшего образования первой ступени специальности 1-21 03 01 “история (по направлениям)”.

Междисциплинарность позволяет также обнаружить связь между рядом государственных программ: “Образование и молодежная политика”, “Наукоемкие технологии и техника”, “Программа развития цифровой экономики и информационного общества” и т.д.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые пробелы в этих программах, которые, вполне возможно, станут на повестку дня уже в ближайшие годы. В таком случае придется корректировать их выполнение, вносить новые дополнения.

Например, указанные программы не ставят задачу создания наукоемкого конкурентоспособного продукта в среде гуманитарных наук. Такая цель указывается лишь для естественных наук и исследований, проводимых в их русле. Вместе с тем, события 2020 года показывают опасность недоучета роли и значения гуманитарного знания и воспитательной енности истории и исторической науки.

В связи с упрощением процесса получения высшего образования зарубежом, потенциальный абитуриент волен выбирать где учиться. Одновременно одним из приветствуемых с точки зрения государственной политики вопросов является привлечение в университеты Республики Беларусь иностранных студентов. Мотивом выбора иностранца в пользу получения исторического образования в Беларуси, возможно, могло бы стать предложение услуг, соответствующих мировым стандартам электронного обучения, давно применяемого и коммерчески используемого в образовательных системах Западной Европы.

Речь не идет о том, что гуманитарии должны совершать открытия в технике и технологиях. Здесь имеется в виду использование современных технологий, методик и методов, сложившихся в первом десятилетии XXI века. Для этого необходимо их изучение, обобщение и государственная сертификация. Белорусским ноу-хау могла бы стать разработка и создание обучающих компьютерных симуляторов по истории (как отечественной, так и всемирной).

Курс на цифровую экономику и информационное общество, провозглашенный как Республикой Беларусь, так и мировым сообществом, также имеет непосредственное влияние на формирования исторической памяти молодежи.

В связи с данной целевой установкой наблюдается некоторое противоречие, требующее разрешения. Современный молодой человек, пользуясь продуктами цифрового мира и электронными девайсами нового поколения, морально и интеллектуально готов к переходу к информационному обществу, цифровой экономике и получению образования посредством электронных ресурсов. С другой стороны, развитие компьютерной техники, совершенствование наукоемкого программного софта, техническое обеспечение учреждений образования создают необходимый уровень развития производительных сил. Но все более остро встает вопрос об идеологическом и идейном наполнении данных цифровых ресурсов. Кто поведет за собой молодежь?

Речь идет о том, что в ближайшем будущем, вероятно, одного профильного образования не будет хватать для выполнения функциональных обязанностей работником сферы образования. Преподавание кроме высокого научного и методического уровня потребует и высокотехнологичного. Педагог должен будет владеть языками программирования, уметь создавать обучающий электронный контент. На выполнение этой задачи также следует нацеливать обучающие электронные ресурсы по истории.

Обобщая сказанное выше, можно указать, что точное соответствие электронных образовательных ресурсов по истории государственным программам и государственной политике будет наблюдаться в случае создания их в виде высокотехнологичного, наукоемкого продукта, с возможностью воспроизведения на современных электронных устройствах и через сеть Интернет, например, игровых симуляторов по истории. Одновременно будет достигаться не только учебный, образовательный, моральный, но и экономический эффект

Величко Г.А.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Ключевые слова: молодёжь, самосознание, система ценностей, патриотизм, патриотическое сознание молодёжи.

Традиционно в обществе молодое поколение рассматривается как ресурс, который в последующем будет определять судьбу народа, общества, страны. Обеспечивая условия для успешной социализации молодёжи, государство подразумевает, что молодые люди, обладая инновационным потенциалом, будут способствовать эффективному развитию страны, создавать новое во всех сферах жизни: в науке, искусстве, экономике, в социальной сфере, а также заботиться о сохранении её традиций и истории, сохраняющих общество и обеспечивающих его жизнеспособность.

По данным, приведенным на сайте Всероссийской переписи населения на конец 2020 года численность молодёжи в возрасте от 14 до 35 лет в Российской Федерации составила 39,1 млн. человек, это 26,7% от общей численности населения страны [2]. В настоящее время в России осуществляется системная работа по созданию оптимальных условий для развития и самореализации молодёжи, динамично развивается государственная молодёжная политика, проводится большая работа по патриотическому воспитанию молодого поколения как на уровне государства, так и на уровне гражданского общества. При этом в Российской Федерации вполне реалистично оцениваются риски, связанные с возможностью оказания внешнего влияния на сознание молодых людей, искажение их представлений об истории страны, её месте и роли в современном мироустройстве.

Период молодости характеризуется активной работой, связанной с познанием себя, формированием представлений о себе как о личности и индивидуальности, построением мировоззренческой системы. Система ценностей, представляющих собой, по утверждению Н.И. Лапина, «глубинный слой структуры личности» [5], отражает жизненную позицию человека, раскрывает его идеалы, стремления, личностные качества, потенциал, отношение к себе, обществу, стране.

По результатам исследования ВЦИОМ в августе 2020 года был составлен социальный портрет молодёжи. По мнению россиян, современная молодёжь общительна (72%), доброжелательна (51%), активна (48%). При этом молодые люди оценивают свою активность выше, на это указали 56% респондентов в возрасте от 18 до 35 лет. Участники опроса полагают, что российская молодёжь отзывчива, готова прийти на помощь другим (49%), но в тоже время достаточно большое количество россиян (39%) считают, что молодые люди эгоистичны. Особенностью ценностного сознания молодых россиян является то, что они в меньшей степени ориентируются на духовные ценности – 14%, приоритетное значение для них имеют материальные блага – 77% [3].

Дополняют социальный портрет молодёжи результаты исследования, осуществленного сотрудниками РГСУ, ИСПИ РАН и казахстанского научно-исследовательского центра «Молодёжь», наиболее важными личностными качествами для российской молодёжи являются уверенность в себе 57,3%, целеустремлённость – 48,2%, интеллект – 35,2%, независимость – 30,2%, воспитанность – 26,1% и ответственность –21% [6, с. 119].

Оценка патриотизма российской молодёжи не так однозначна. Так, мнения участников опроса ВЦИОМ об уровне патриотизма молодых людей разделились: 43% респондентов относят молодёжь к патриотам, в то время как 45% - считают, что они равнодушны к своей стране. При этом равнодушие к стране со стороны молодёжи отмечают 52% молодых людей и только 39% респондентов этой возрастной группы, указывают на любовь молодёжи к Родине [3]. В целом по стране уровень патриотизма россиян значительно выше - 89% [4].

Обращают на себя внимание такие характеристики молодёжи как внушаемость, склонность принимать чужое мнение, на эту особенность молодёжного сознания указывает 45% респондентов и еще 45% респондентов отмечают склонность копировать чужое поведение [3].

В современном мире значимым субъектом социализации выступают СМИ. Особенностью является то, что молодёжь предпочитает получать информацию о событиях в стране и мире через сетевые источники: 71,9% молодых людей получают информацию из новостных лент в социальных сетях; 61,4% – из новостных и тематических интернет-сайтов; каждый третий молодой человек (35,1%) использует интернет-блоги, форумы для получения информации о событиях в мире; 14,2% респондентов получают информацию посредством новостных каналов в мессенджерах [7]. Согласно данным российско-казахстанского исследования 12,7% молодых россиян, наряду с указанными источниками, используют зарубежные интернет-сайты [6, с. 101]. Это создает предпосылки для манипуляций сознанием молодежи.

Фокус-группы, проведенные в Северо-Западном институте управления РАНХиГС в 2017 году, позволили установить, что понятие «патриотизм» для современных студентов - не абстрактно, в его содержание они вкладывают совершенно конкретные вещи: любовь к месту, где они родились; любовь к родной природе; к людям, которые живут в стране; к традициям и культуре; к национальной кухне; к языку; к маме. При этом, наиболее активные участники фокус-группы подчеркивали, что любовь к Родине должна быть действенной: «нужно не просто любить Родину, страну – нужно что-то делать, чтобы жизнь в ней становилась лучше». Однако студенты, участвующие в фокус-группах (1997,1998 г.р.), называли себя «брошенным поколением», патриотическим воспитанием которого никто не занимался [1].

Проактивная направленность патриотического сознания современной молодёжи подтверждается и данными исследования, проведенного ГУУ (2017г.), так 62,1% респондентов готовы действовать во благо своей страны; в случае необходимости защищать свою родину с оружием в руках – 57,5%; исполнять обязанности гражданина, соблюдать законы государства – 56,7%; вести активную борьбу с угрозами, которые разрушают страну изнутри – 35% [7, с. 36]. Молодые россияне считают, что о высших ценностях, таких как патриотизм следует начинать говорить в возрасте 14–17 лет, на это указали 79,5% респондентов [6, с. 112], кроме того, молодые люди отмечают, что национальную безопасность обеспечивают не только армия, правовая база и законы, но и идеология, и патриотизм, такой выбор сделали 65% молодых людей [6, с. 113].

Таким образом, выявленные особенности в системе ценностей молодёжи и её патриотическом сознании целесообразно учитывать в процессе организации и проведении работы с молодёжью, направленной на сохранение исторической памяти.

Список литературы:

1. Величко, Г.А. Гражданская активность современной российской молодёжи / Г.А. Величко // Ценностные ориентации молодёжи в условиях модернизации современного общества. Материалы Межрегиональной научной конференции 14 декабря 2017 г. / под ред. Г.Ю. Лизуновой. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. – С. 92-104.
2. Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.strana2020.ru/mediaoffice/kak-menyaetsya-molodezh-i-chto-pokazhet-perepis-/ – Дата доступа: 08.10.2021.
3. ВЦИОМ: официальный сайт// Молодая Россия: автопортрет и взгляд со стороны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10401 – Дата доступа: 08.10.2021.
4. ВЦИОМ: официальный сайт // Патриотизм сегодня [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat –Дата доступа: 08.10.2021.
5. Лапин, Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся россияне / Н.И. Лапин // Мир России. – 2003. - №4. - С.120-159.
6. Ростовская, Т. К. Ценностные ориентиры современной молодёжи: особенности и тенденции: монография / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. — М.: РУСАЙНС, 2019. – 228 с.
7. Ценностные ориентации российской молодёжи и реализация государственной молодёжной политики: результаты исследования: монография/ Государственный университет управления: под общ. ред. С.В. Чуева. – М.: Изд. дом ГУУ, 2017. – 131 с.

Воробьева О.И.

РОЛЬ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова наружная реклама, ценностные ориентиры, современная молодежь.

Реклама – это социально обусловленный семиотический образ, который зачастую отражает все изменения, происходящие в социуме. Это неотъемлемый феномен массовой коммуникации современности и незаменимый свидетель отечественной речевой культуры.

Исследование рекламного дискурса требует большого набора сведений из экономики, психологии, культурологии, социологии, семиотики, лингвопрагматики и ряда других дисциплин. Реклама по своей сути апеллирует к ценностям потребления, но вместе с тем, будучи элементом массовой культуры, безусловно, влияет на формирование ценностных ориентаций. Исследования влияния фактов воздействия на ценностные ориентации молодежи, к числу которых относится и реклама, в настоящее время приобретают большое значение. Выделение молодежи в отдельную группу связано с ее несформированными оценочными критериями, с одной стороны, а с другой стороны, с творческой активностью и силой молодых людей. Таким образом, актуальность данного исследования определяется важностью рекламы как языкового, социального и экономического явления, необходимостью обозначения основных аспектов влияния рекламы на

формирование ценностных ориентаций современной молодежи. Цель работы заключалась в выявлении вербальных и невербальных способов воздействия наружной рекламы Республики Беларусь на формирование ценностных ориентиров молодых людей. Исследование проводилось на материале билбордов (бигбордов) как эффективного, доступного и востребованного вида наружной рекламы.

Наружная реклама формирует городское информационное пространство, она характеризуется непосредственной включенностью в социальную практику, познавательную деятельность, языковой процесс и речевой поток того или иного социума, что и определяет активный интерес исследователей к ее изучению[1, 2].

Билборд – это один из видов наружной рекламы, очень действенный и при этом недорогой. Он выглядит весьма представительно, а потому мгновенно заслуживает доверие потенциальных потребителей. Размещают билборды в местах максимально большого скопления людей: у перекрестков, вдоль крупных дорог, на развязках с большим потоком автомобилей, в центре города. Такая реклама дает возможность максимально оперативно воздействовать на целевые группы населения города, она не продает товары, а внедряет их в массовое сознание, побуждая тем самым потенциальных потребителей к покупке тех или иных товаров [3, 4]**.**

Проведенное исследование обнаружило следующие характерные приметы рекламы на билбордах, многие из которых оказывают существенное влияние на формирование ценностных ориентиров молодежи. Рекламные обращения стремятся к доверительному контакту, диалогу с реципиентом: *Куфар авто. Продавай авто по-человечески. avto.kufar.by; Ганна. Больше счастья в каждый дом!* Очевидна дифференциация рекламы по социальным, возрастным группам и все большая индивидуализация адресата: *Для пострадавших от домашнего насилия телефон общенациональной горячей линии; Собираешься за границу – позвони 113; Мой МТС. Мои правила. Скачай приложение «Мой МТС».* Обнаруживаются яркие образы, а также «фирменный» подход к рекламе: *Conte— это белье*; *Фрудоза – музыка твоего лета (*реклама мороженого)*; Jacobs. Кофейня есть там, где Melicano.* Активно признается высокое качество отечественной продукции*: Вясковы падворак – малако; Мой любимый шашлык! Славянский мясокомбинат; Минская. Легенда родной воды.* Вместе с тем, сохраняется и тенденция к «американизации» рекламы: *Новая COCA-COLA со вкусом «АПЕЛЬСИН»; Наш Новый год. Макдональдс.* Очевидна направленность современной рекламы на формирование патриотических чувств: *Мой Витебск!**;** Отражение вашего города. Портал vitebsk.by**;** Досаафовцы – патриоты страны; Сохраним свое завтра – обустроим малую родину. Министерство природных ресурсов и окружающей среды РБ; Мы приручили стихию! Ветроэнергия Беларуси. Чистая окружающая среда.* Наблюдается достаточно широкое употребление белорусского языка:

Хлеб– тое, што нас аб'ядноўвае; *Віцебск… Прыгажосць заўседы побач***;** *Асалода чытання. Міністэрства інфармацыі РБ. Саюз друкараў і распаўсюджвальнікаў друку; Простые рэчы– аграэкатурызм даступны кожнаму!* Осуществляются попытки популяризировать родной язык посредством рекламных щитов*: Ма - ма = мо - ва? Любіш маму?; Мае першае слова – сябр. Якім будзе твое першае слова на роднай мове?*

Особое место в рекламном пространстве занимают дейктические единицы, используемые в функции указания на участников речевого акта, степень отдалённости объекта высказывания и временную и пространственную локализацию данного факта. Они способствуют реализации диалогового режима «автор– адресат», установлению целостной обратной связи последнего с рекламным обращением: *Медицинский центр Invitro. Мы всегда рядом; Его любят все. Безлимитный интернет; Хлеб – тое, что нас аб'ядноўвае; Наша забота, а не енота* (пропаганда сортировки мусора). Серия социальной рекламы на билбордах «Беларусь помнит» основана на свидетельствах и воспоминаниях от первого лица знаменитых людей Беларуси о своих дедах и прадедах, совершивших подвиги во время Великой Отечественной войны. Использование местоимений «я», «мой» в подобных обращениях со ссылкой на авторитетное мнение создаёт эффект доверия получателя к рекламной информации *(Мой дедушка Филипп Иванович и бабушка Ольга Афанасьевна вместе прошли всю войну. Дарья Домрачева. Олимпийская чемпионка).* Паралингвистические компоненты, включающие иконический и графический компоненты (рисунки, цвет, свет, макетирование, фотографии, фирменный знак, типы шрифтов и др.), вступают в сложное взаимодействие с вербальным компонентом, реализуя содержательное наполнение рекламы и оптимизируя ее восприятие. Текст рекламного щита ОО «Белорусский Союз женщин» гласит: *Радзіма*. Цветовое разделение слова (*рад* – красным, *зіма* – зеленым) создает двойное прочтение слова, выражающего радость от наступления зимы, с одной стороны, и любовь к Родине, с другой. Основанную на омонимии языковую игру подкрепляет изображение заснеженных крыш домов. Так создается красочный образ прихода зимы на родную землю. Подобный прием становится активной и серьезной «игрой» значением и смыслом, направленной на достижение максимального рекламного эффекта.

Таким образом, наружная реклама формирует неустранимое городское рекламно-информационное пространство, она активно включена в жизнь общества. Рекламные щиты становятся приоритетным источником формирования стиля жизни, речевой культуры, ценностей современной молодежи. Осуществленное нами исследование наружной рекламы Республики Беларусь позволило сделать ряд обобщений, касающихся вербальных и невербальных способов воздействия рекламы на ценностные ориентации молодых людей.

Список литературы:

1. Бердышев, С.Н. Эффективная наружная реклама / С.Н. Бердышев. – М.: Дашков и Ко, 2010. – 132 с.

2. Бурова, Н.Е. Кому адресована уличная реклама? / Н.Е. Бурова // Русский язык. – 2007. – № 7. – С. 46.

4. Скопин, А.А., Разработка и технологии производства рекламного продукта: учебно-методическое пособие / А.А. Скопин. – Ярославль: «Ремдер», 2009. – 118 с.

5. Cook, G. The Language of advertising / G. Cook .– London; New York : Routledge, 2008. –397 p.

Григорук Э.В.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА

Ключевые слова: духовность, гуманизм, нравственность, идеология, гражданственность.

В числе важнейших проблем воспитания серьезную тревогу вызывают вопросы духовного и нравственного воспитания подрастающего поколения. Чему учить и как учить? Эти вопросы не раз задавал себе каждый из нас. В вечном поиске положительного и доброго мы, как правило, выходим на блистательный вечный образец – общечеловеческие ценности и идеалы.

У нас имеется прекрасный ориентир – идеология белорусского государства. Идеология выражает систему взглядов, представлений и идей об основах социально-политического устройства общества, интересах мировоззренческих и политических идеалах, ценностях и обусловленных ими ориентирах социально-политического поведения и действия различных субъектов, обеспечивающих сохранение преобразования общественного устройства.

Среди духовных ценностей белорусов – неприятие конфликтов и противоречий, стремление к стабильности и равновесию. Отрицание насилия, миролюбие и покладистость.

В нашу жизнь все шире входит слово духовность. Что оно означает? В толковом словаре Д. Ушакова читаем: «Духовность – это стремление к самосовершенствованию, высоте духа». Но есть и идеологическая точка зрения, которая не мыслит развитие духовности без приобщения к религии, без служения Богу. Таким образом, духовность мы рассматриваем как проявление в человеке высших человеческих нравственных качеств. Воспитание – это передача и усвоение подрастающим поколением социального опыта, культуры.

Формирование гуманистической направленности личности проходит несколько этапов. Мы рассматриваем процесс с точки зрения нравственной и эстетической культуры.

Как из года в год происходит взросление человека, так и воспитание начинается с рождения ребёнка.

Представление о добре и зле, являющиеся основной нравственности, должны быть эмоционально окрашены. Добро должно вызывать у детей ярко окрашенную взволнованность, восхищение, стремление следовать нравственной красоте. От того, насколько ярко окрашиваются эмоционально познанные идеи в детстве, насколько органично сливаются эмоциональная и моральная оценки окружающего мира, зависит тонкость, сердечность личного отношения к человеку и обществу. Эмоциональная оценка идей как важнейший элемент нравственности зависит от того, как глубоко способен человек переживать чувства радости, восхищения и т.д. Способность переживания может быть развита в человеке. К чувству нужно подводить, чувство, необходимое для становления нравственной культуры, нужно пробуждать, а для этого необходимо переживание эмоциональной ситуации каждым ребёнком. Суть эмоциональной ситуации состоит в том, что человек сердцем ощущает движения сердце другого человека и отвечает на них собственными душевными движениями, которые возникает под влиянием обстоятельств.

Человек, осознающий идею Родины, осознаёт долг перед Отечеством, перед другими людьми, перед родителями. Долг является сердцевиной нравственности. Чувство долга – это осознание и переживание интересов других людей. Через окружающий мир приходит человек к самому себе. Активная позиция личности, умения принимать решения является сегодня противоядием против тоталитаризма и конформизма. Человек, умеющий чётко выразить и отстоять свою позицию обладает духовной силой, позволяющей ему быть свободным человеком.

Путь к вершине нравственности начинается с отношения к человеку. Долг начинается с умения чувствовать рядом с собой другого человека, понимать другого человека, согласовывать свои поступки с человеческим достоинством. Нравственное воспитанность заключается в том, что человек стремится делать добро и не может делать зла. Отзывчивость, человечность могут быть воспитаны тогда, когда ребёнок что-то или кого-то «приручает», что-то одухотворяет, во что-то вкладывает свою душу. Это можно назвать материализацией нравственных нош в человеческих отношениях. Высшая духовность человека проявляется тогда, когда он чувствует желание принести радость другому человеку и в этом найти радость для себя.

Решение поставленной задачи способствуют все мероприятия, организуемые в школе.

Чтобы формировать у личности нравственные отношения, необходимо включать её в соответствующие виды деятельности и использовать их для выработки и воспитания этих отношений. Широкий спектр этой деятельности представляет внеклассная работа.

Особого внимание заслуживает общение учителей с родителями школьников. Жизнь настоятельно требует усилить помощь семье, поднять её педагогическую культуру, ответственность за воспитание детей. Эффек-

тивность воспитания в большой степени зависит от согласованности усилий семьи и школы, единства их требований.

В школе уделяется особое внимание решению проблемы нравственно – правового воспитания школьников. Нравственно правовое воспитание учащихся ориентировано на нормы поведения в обществе, когда право и законы нравственности становятся внешним регулятором социально значимой деятельности, а нравственно-правовая ответственность и нравственно-правовой самоконтроль – внутренним.

Список литературы:

1. Гісторія філасофскай і грамадска-педагагічнай думкі Беларусі: у 6 т. / В.Б. Евароўскі [і інш.]; рэдкал.: В.Б. Евароўскі [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларуская навука, 2013. – Т. 3: Рэфармація. Контррэфврмація. Барока. – 615 с.

2. Сорокопуд, Ю.В. Педагогика высшей школы / Ю.В. Сорокопуд. – Ростов н/Д.: Феликс, 2018. – 541 с.

3. Степанов, Е.Н. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания учащихся / Е.Н. Степанов, Л.М. Лузина. – М.: Сфера, 2019. – 160 с.

Гурщенков П.В., Лаппо Д.А.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: политико-правовое сознание, политическая идеология, политическая психология, политико-правовая культура, нигилизм, аполитичность.

Сегодня мы живем в динамичном мире, для которого свойственны процессы глобализации, единого информационного пространства, структурных изменений общественного состояния. Современные реалии увеличивают значение политико-правового сознания, отражающего систему рациональных и теоретических, чувственных и ценностных подсознательных убеждений индивидуума по отношению к событиям, происходящим в политико-правовой жизни страны.

Российский политолог профессор Зеленков М.Ю. пишет, что «политическое сознание – это система политических знаний, идейно-политических убеждений и ценностей человека, на основе которых вырабатываются его наиболее устойчивые и значимые политические ориентиры и установки в отношении политической системы и его места в ней» [1, с. 165]. Оно неразрывно связано с такими фундаментальными политико-психологическими детерминантами как: с политико-правовым поведением, с правовой культурой, с политической системой.

Представленная в данной статье категория соприкасается с разными типами и элементами осознанной действительности. К примеру, политико-правовое сознание соединено с правовой культурой, поскольку общество определяет ценность политико-правовых явлений через призму нравствен-

ности и безнравственности, справедливости и несправедливости. Политическое восприятие в известной степени переплетается с правосознанием, поскольку, осуществляемая государством, многовекторная деятельность регламентируется законодательными актами, правом.

Политическое сознание молодого поколения содержит в своей структуре два элемента. Во-первых, политическую идеологию, которая являет собой этический набор идеалов, доктрин, принципов определенного общественного движения, института или социального класса, объясняющих устройство общества и предлагающих политико-культурные проекты общественного порядка. Во-вторых, политическую психологию, изучающую закономерности политического поведения и сознания отдельных социальных групп, классов, индивидов и реализующуюся в их конкретных политических действиях.

Колоссальную роль в зарождении, созревании и становлении такого структурного элемента политики, как политико-правовое сознание индивида, играют три составляющих. Первой составляющей является семья – самая малая первичная ячейка общества, именно она закладывает социопсихологическое основание индивидуальности гражданина. Вторая составляющая основывается на информации, поступающей и воспринимаемой человеком посредством СМИ, Интернета, общения. Третьей составляющей служит индивидуальное знание (опыт) личности, которое оказывает влияние на становление и совершенствование политико-правового сознания. Вышеперечисленные источники создают комплекс знаний, позволяющий политическому «Я» исследовать внешнюю среду и соотноситься с ней.

Рассматриваемая нами в данной статье, категория «политико-правового сознания» может взаимодействовать с разнообразными типами социального сознания, представленными правовыми концепциями и нормами, учениями философов, экономическими науками, духовными и этическими принципами, эстетикой и другими. Политико-правовое сознание нелинейно, а обладает разными уровнями и многогранной формой. Так, например, по субъектному составу выделяют индивидуальное, групповое и массовое политическое сознание, по глубине отражения действительности – обыденное и научно-теоретическое [1, с. 171].

Политико-правовое сознание молодого поколения образуется благодаря официальным и невидимым механизмам, являемых посредством общесоциальных контактов, правовых норм, типового образа действия (поведения) в реальных условиях. Резюмируя все изложенное, подведем итог: во-первых, такая категория, как «политико-правовое сознание» возникает под влиянием направленного обучения и воспитания политико-правовой культуре, что способствует приобретению знания, следованию правилам, усвоению правовых норм, представлений и идеалов. Во-вторых, политико-правовое сознание есть следствие нахождения человека в общественно-политической атмосфере, отражающей специфику места молодежи в этой атмосфере и настоящие правовые отношения в социуме, приобретающие

порой противоречивый и неожиданный вектор. Противоречивость правового сознания молодого поколения, недостаток ясных политических целей обусловлены нечеткостью социального положения молодежи и ее политической идентификацией.

Еще одной особенностью свойственной политико-правовому сознанию молодого поколения представляется противостояние рациональных и иррациональных ориентиров в его сознании. Как результат – непредсказуемость и аморфность в правом поведении молодых людей. Следует согласиться с мнением Ольшанского, который считал, что «доминирование неосознанных представлений в сознании – следствие процесса массовизации, связанного с функционированием в современном обществе различных видов информации» [3, с. 110].

Х. Шельски отмечал, что молодежь представляет собой переходную ступень от социальной роли ребенка к социальной роли взрослого [2, с. 11]. В этом утверждении ученого кроется следующее свойство политико-правового сознания молодого человека – лабильность. Она объясняется социально-психологической переходностью рассматриваемой возрастной группы и отсутствием политического опыта. Неустойчивость правового сознания молодежи предопределяет ее подверженность к манипулированию.

В развивающемся обществе можно выделить такую черту политического сознания молодежи, которая соотносится со спецификой рационализации ее сознания. Она заключается в имитации и симуляции участия в политической и правовой жизни, вызвана формальной включенностью молодежи в управленческие структуры и сферу осуществления политико-правовых решений. Исследования ученых отмечают недостаточное доверие молодых людей к действующим органам и институтам власти, политическим объединениям, их молодежным руководителям. Последние оказываются в роли камня преткновения между молодежью и политико-правовым институтом, который не способствует претворению в жизнь озвученных мыслей, решению социальных вопросов молодых людей. Как итог – среди молодого поколения растет отчужденность, снижается его значимость в структуре социально-политических отношений, возникает личностная дезорганизация, обостряется правовой нигилизм.

Проблема правового нигилизма весьма актуальна для Республики Беларусь. Усваивая традиции отечественного правового менталитета, молодежная среда формирует отдельное отношение к праву, к законодательным актам. В большинстве случаев, чувствуется недостаточная информированность людей, проживающих в свободном высокотехнологичном информационном обществе. Причем трудность заключается в том, что молодежь сама не желает приобщаться к нормам права, считает право и государство институтом, ограничивающим их личные свободы. Имеющиеся в обществе стереотипы о государстве и праве, подкрепляемые социальными сетями, массмедиа представляют большое количество нереальных ситуаций, в которых персонаж поступает вопреки «несправедливому» закону

и выходит из них победителем. В настоящей жизни все может оказаться иначе – правонарушитель ощутит на себе всю силу принудительных мер воздействия со стороны государства.

В период реформирования белорусского социума произошло замещение коллективистических идеалов молодого поколения идеалами общества потребления, западного общества. Молодежь впитывает в себя, главным образом, политико-правовую культуру либерально-демократического мира, а не традиционного общества. Здесь появляется еще одна черта политико-правового сознания молодежи – непринятие общепринятых политических ценностей, то есть возникновение аполитичности. Аполитизм молодых людей объясняется иллюзорным представлением о демократическом строе, как о стремительном и положительном развитии страны. Однако с первых этапов демократизации нашего общества следует уяснить: демократия неидеальна и представляет собой постоянный процесс совершенствования.

Нарастающая деформация политико-правового сознания молодых граждан на фоне усвоения установок правового нигилизма может угрожать массовым, практически не контролируемым девиантным и делинквентным поведением, способствовать дестабилизации взаимоотношений в обществе, порождая конфликты и противоречия. Вышеописанные особенности политико-правового сознания наблюдаются не только в нашей стране, но и в большинстве стран Западной Европы [4, с.158]. Они являются результатом недостаточного представительства интересов основной массы молодежи в области политики и права, недостатка действенных политических сил, способных отстоять ее точку зрения.

По нашему мнению, преодоление нигилистических установок в молодежной среде связано с процессом социализации молодых людей. Данный процесс должен состоять: в аккумулировании навыков самостоятельного оперирования правовыми понятиями, в развитии юридического мировоззрения, в способности определять социально-общественную позицию, в проектировании возможных вариантов развития событий в юридически значимых ситуациях, в передаче ценностей и достижений правовой культуры одного поколения другому. Доминирующие идеи патриотизма, гуманизм, создание условий для раскрытия творческого потенциала, социализация личности как гражданина Республики Беларусь – это основные принципы воспитательной работы государства с молодым поколением.

Список литературы:

1. Зеленков, М. Ю. Политология: базовый курс / М. Ю. Зеленков. – М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2010. – 288 с.

2. Лупандин, В.Н. Социология молодежи: учеб. пособие / В.Н. Лупандин. – Орел: ОГТУ, 2011. – 239 с.

3. Ольшанский, Д.В. Психология масс / Д.В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.

4. Чупров, В.И. Молодежь в обществе риска / В.И. Чупров. – М.: Наука, 2003. – 231 с.

Далимаева Е.О.

МЕТОД ПРОЕКТОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ИДЕОЛОГИИ

Ключевые слова: социально-гуманитарные дисциплины, проектный метод, идеология, национальная идея, формирование духовного мира, анализ представлений молодежи.

Аксиоматичным является представление о ведущей роли и высокой значимости социально-гуманитарных дисциплин в формировании мировоззренческих позиций современной молодежи. От философии ожидают «формирование у выпускника современного интегрального видения мира, базирующегося на гуманистических идеалах и научных принципах деятельности»[1, с. 6]; от социологии – формирование, среди прочих, компетенции «квалифицированно оценивать социальную и экономическую ситуацию в стране и в мире», от политологии требуют обеспечить «усвоение студентами в систематизированном виде основного содержания идеологии современного белорусского государства, необходимого для их осознанного участия в общественно-политической жизни страны в качестве её полноправных граждан».

Необходимость выполнения этих задач влечет за собой постановку вопроса о методах, позволяющих в условиях хронического дефицита учебных часов на преподавание соответствующих дисциплин, хотя бы частично, если не решить, то приблизиться к решению вышеизложенных задач. Одним из наиболее перспективных является метод проектов, поскольку он максимально ориентирован на самостоятельную деятельность обучающихся, индивидуальную, парную или групповую. В его основе лежит развитие познавательных навыков студентов, умений осуществлять самостоятельный поиск и анализ информации, ее интерпретацию и репрезентацию, оценку и отбор в соответствии с поставленными целями и задачами, которые формулирует автор проекта. Проектный метод, с нашей точки зрения, наиболее эффективен для развития критического мышления. Кроме этого, неоспоримым преимуществом данного метода является то, что результаты выполненных проектов носят практический, «осязаемый» для студента характер, т.е., если это теоретическая проблема, то конкретное ее решение, если практическая - конкретный результат, готовый к внедрению.

Работа по методу проектов предполагает не только наличие и осознание какой-то проблемы, но и процесс ее раскрытия, решения, что включает четкое планирование действий, наличие замысла или гипотезы решения этой проблемы, четкое распределение (если имеется в виду групповая работа) ролей, т.е. заданий для каждого участника при условии тесного взаимодействия. Метод проектов целесообразно использовать в том случае, когда в учебном процессе возникает какая-либо исследовательская, творческая задача, для решения которой требуются интегрированные знания из различных областей, а также отработка навыков применения как

конкретных исследовательских методик, так и общенаучных методов познания (абстрагирования, аналогии, сравнения, моделирования и т.д.).

Материалом для данной статьи является ряд проектов по идеологии, выполненных студентами 1–2 курса филологического и исторического факультета на протяжении 2017–2018 учебного года. В процессе обсуждения тем «Идеология и ее роль в жизнедеятельности современного общества» и «Культурно-историческая (цивилизационная) составляющая идеологии белорусского государства» возникло предложение студентам поразмышлять над собственным проектом создания и обоснования национальной идеи для Беларуси. Мы, разумеется, отдаем себе отчет, что национальная идея не может быть сформулирована волюнтаристски и доведена до народа указом или декретом, более того, не всегда существующая национальная идея имеет четкое выражение и однозначную формулировку, нередко оставаясь в области скорее эмоциональной, чем рациональной. Однако полученный эмпирический материал, при всей очевидной наивности и поверхностности рассуждений его авторов, является достаточно показательным для понимания представлений подрастающего поколения о том, какой должна быть национальная идея.

Первое, что следует отметить: практически во всех работах прослеживается деятельностный характер национальной идеи. Большая часть авторов сосредоточена на ее праксеологической составляющей и рационализируют национальную идею, рассматривая ее как необходимый элемент или инструмент улучшения жизни народа, повышения уровня патриотизма, гражданственности и осознанной любви к своему Отечеству.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание – это гуманизирующая составляющая представлений о характере национальной идеи. Более 80% студентов указывают, что в основе национальной идеи должно лежать понимание ценности и важности человека, его ключевого значения для построения желаемого образа будущего. «Важнейшей ценностью для нашей страны является не газ и нефть, не деньги, как многие думают, а человек» (Ольга А., 1 курс). «В настоящее время для развития и процветания нашей республики мало, чтобы человек получил образование в какой-либо своей узкой специализации, также требуется, чтобы человек хотел работать и всячески способствовал развитию своей страны» (Наталья И., 1курс). «Мы никогда не забываем, что у нас есть выбор. Мы предлагаем развивать не только технику и социальное устройство, но и самого человека» (Вета В., 2 курс). «Совершенное общество смогут построить только совершенные люди» (Мария С., 2 курс). «Главной задачей общества должно стать воспитание, физическое и духовное развитие человека» (Валерия О., 1 курс).

Третьей отчетливо прослеживаемой тенденцией в понимании студентами содержания национальной идеи является ее составной, системный характер. Не стремясь к выделению какой-то одной части как основополагающей, будущие филологи и историки перечисляли набор ценностных ориентаций, которые необходимо продвигать для создания желаемого бу-

дущего. Чаще всего в списке повторялись семья (в 31 работе из 34), образование, патриотизм, ЗОЖ, сохранение языка, истории, «памяти нации», наука. «Природа-дом-семья. Такая вот триада» (Анна Д., 1 курс). «Образование – это неотъемлемая часть успешного человека» (Анна С., 1 курс). «Воспитание общей национальной памяти — это ценность, которая может стать основой национальной идеи белорусского народа» (Мария И., 2 курс). Лишь в некоторых работах речь шла о том, что переустройство общества следует начинать с изменения характера экономики, при этом представления о подобной перестройке существенно различаются: от внедрения рыночной системы до возврата к плановой социалистической модели. Часть респондентов пытались строить модель национальной идеи «от противного», перечисляя те ценности, которые являются для нас чуждыми или неприемлемыми: идеология потребительства, космополитизм, «бездумное прожигание жизни» и т.д. Некоторые студенты указывали на проблемы с алкоголизацией или наркотизацией как всего населения в целом, так и молодежи в частности. «Наша национальная идея должна сосредоточиться в одном-единственном слове – Трезвость!» (Виктория М., 1 курс). «В школе детям объясняют, что алкоголь – это наркотик, однако, когда такой школьник приходит в продуктовый магазин, он видит в этом магазине прилавки с алкоголем в сотни наименований, хоть алкоголь и не является продуктом питания и, следовательно, не должен продаваться в продуктовых магазинах. Вывод: нужен пошаговый план изменения сложившейся ситуации, если мы хотим войти в общество будущего вместе с другими развитыми странами». (Мария С., 2 курс).

Таким образом, на примере анализа содержательной части национальной идеи в проектах студентов можно увидеть, что в сознании подрастающего поколения преимущественно представлены те ценности, которые составляют основу государственной идеологии. В тоже время опыт самостоятельного формулирования представления о национальной идее заставил студентов многое переосмыслить, убедиться в сложности вопросов формирования гражданско-патриотичной идентичности, а также важности роли идеологии в функционировании национального государства.

Список литературы:

1. Типовая учебная программа по обязательному модулю для учреждений высшего образования "Философия": программно-метод. пособие / П. А. Водопьянов [и др.]. – Минск, 2014. – 38 с.

Есипова Ю.И., Медвецкая Н.М.

СОХРАНЕНИЕ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ВЕДУЩИЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: здоровье, ценностное отношение, студенческая молодежь, образ жизни.

Здоровье студентов – это состояние полного социально-биологического и психического благополучия при уравновешенности процессов жизнедеятельности с социальными и природными характеристиками территории [1, с. 572].

Состояние здоровья студентов, как и населения в целом – не только важный индикатор общественного развития, отражение социально-экономического и гигиенического благополучия страны, но мощный экономический, трудовой, оборонный и культурный потенциал общества, фактор и компонент благосостояния [2, с. 2].

В современных условиях развития общества и республики в целом, студенческая молодежь является, по сути, потенциалом социально-экономического развития и фактором политического баланса с воспроизводственным потенциалом нации.

Здоровье, в этих условиях, является качественной предпосылкой будущей самореализации молодых людей, способностью к созданию семьи и деторождению, сложному учебному и профессиональному труду, общественно-политической и творческой активности.

Отношение студенческой молодежи к здоровью представляет собой систему индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями и социальной среды, способствующими, или наоборот, угрожающими состоянию здоровья, а также определенную оценку студенческим индивидом своего физического состояния. При этом, сегодня, здоровый образ жизни студенческой молодежи, главным образом, связывает с отказом от вредных привычек и с физической активностью [3, с. 500].

Современный молодой человек развивается, находясь в сфере формирующего влияния различных социальных институтов, так или иначе связанных со здоровьем, – таких, как медицина, физическая культура, спорт, военная подготовка и т.д.

В качестве одного из лидирующих институтов в данном ряду следует выделить образование, поскольку именно в рамках этой системы, параллельно с получением знаний, профессиональных умений, навыков, человек постепенно формирует своё мировоззрение, отношение к себе и к жизни в целом и не в последнюю очередь – к собственному здоровью. Вуз как социальный институт обладает определенным потенциалом в сфере формирования ценностного отношения студентов к здоровью.

Ориентированная нашим государством на реализацию Европейских договоренностей (в рамках Болонского процесса) белорусская система

высшего образования призвана стимулировать мобильность студентов отечественных вузов в освоении ценностей мировой культуры, среди которых жизнь и здоровье человека занимают ведущие позиции.

В условиях единого информационного пространства современные белорусские юноши и девушки активно познают иноязычную (преимущественно англоязычную) культуру и взаимодействуют с представителями различных зарубежных стран. Последние, возможно, ввиду своей прагматичности рассматривают здоровье как условие для высоких достижений в профессиональной и бытовой сферах жизнедеятельности и, как следствие, демонстрируют личную ответственность за собственное здоровье. Современным студентам как представителям молодежной субкультуры, нацеленным на результат, на достижение (интересная работа, профессиональный рост), близка и понятна позиция «здоровье-инструмент. Диалог ценностей отечественной и зарубежных культур дает студентам возможность осознать, что здоровье не только само по себе является высшей ценностью наряду с ценностью жизни, свободы и справедливости.

Современная студенческая молодежь находится в группе риска. Учащиеся и студенты не сразу адаптируются к новым условиям.

Цель исследования – выявление особенностей ценностного отношения к своему здоровью студенческой молодежи.

Материалом представлены студенты факультета социальной педагогики и психологии ВГУ им. П.М. Машерова в количестве 50 человек.

Проведена методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич). Данная методика различает два класса ценностей: • терминальные – убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; • инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации. Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства.

Распределение целевых ценностей молодежи в порядке значимости показало, что наиболее важными ценностями, которые на ближайшую перспективу будут определять целевые установки и лежать в основе социального поведения молодого поколения являются следующие: «здоровье» - 92%, «счастливая семейная жизнь» - 76%, «любовь» - 65%, «материально обеспеченная жизнь» - 62%.

Анализ ценностно-целевых установок молодежи показал, что вершину иерархии жизненных целей, полюс жизненных предпочтений составляют традиционные ценности, к которым относят здоровье, счастливую семейную жизнь, любовь, материально обеспеченную жизнь, интересную работу, наличие друзей. И если такие ценности как здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь были названы в числе приоритетных, то такая ценность как наличие хороших и верных друзей оказалась наименее значимой для молодежи и расположилась на последнем месте.

Исследование предполагало не только выяснение приоритетных целевых (терминальных) ценностей, но и степень значимости в жизни молодежи инструментальных ценностей. Инструментальные ценности, становясь частью реального сознания молодежи, выступают в качестве принципов поведения, заставляют человека поступать (действовать на их основе).

Наиболее важными для студентов оказались такие ценности как ответственность – (86%), воспитанность – (74%), независимость – (69%), образованность – (67%). Данные ценности занимают места с 1-го по 4-ое соответственно. Последние места заняли ценности – исполнительность – (13%), терпимость – (11%), самоконтроль – (9%), жизнерадостность – (7%).

Таким образом, результаты исследования ценностных ориентаций студенческой молодежи свидетельствуют о том, что, несмотря на рост преступности в молодежной среде и распространения таких негативных явлений как курение, наркомания, алкоголизм, ценности современной молодежи мало отличаются от традиционных.

В большинстве своем молодежь привержена традициям и почитает извечные ценности, которые формировались из поколения в поколение. Это любовь, семья, здоровье, образование.

Система ценностных ориентации определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности, основу жизненной концепции и "философии жизни".

Список литературы:

1. Бабина, В.С. Проблема здоровья студенческой молодежи / В.С. Бабина // Молодой ученый. – 2015. – № 11. – С. 572–575.

2. Волохова, Н.П. Особенности влияния социального окружения студента на приобщение к здоровому образу жизни / Н.П. Волохова //В мире научных открытий. – 2011. – № 9.1(21). – С. 399–407.

3. Мазырина, А.М. Формирование у студентов ценностного отношения к здоровью / А.М. Мазырина, Е.В. Егорычева, И.В. Чернышева, М.В. Шлемова. // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 5–4. – С. 500–501.

Мусина Н.Е.

МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

Ключевые слова: молодежь, информационное пространство, информационные технологии, коммуникации, ценности.

Нынешнее поколение молодежи называют цифровым, подразумевая при этом то, что его развитие, социализация происходят в условиях становления информационного общества, а цифровая среда и соответствующие формы получения информации этой категорией населения восприни-

маются как вполне естественные. Для общества в целом все же интернет-пространство как фактор социализации подрастающих поколений – явление довольно новое и требует осмысления. В данной статье анализируется специфика вовлеченности молодежи в информационное пространство в контексте современных условий.

Для старшего поколения долгие годы основным (единственным) источником получения информации были государственные идеологически выверенные печатные издания, радио и телевидение. Пользовались они практически абсолютным доверием и авторитетом. Государство жестко регулировало и контролировало все информационные каналы. Поиск альтернативной информации считался невозможным или, по крайней мере, неодобряемым. И на сегодняшний день для старшей возрастной категории населения телевидение, газеты в большинстве своем остаются более привычными источниками получения новостей и других информационных материалов, сохраняется и установка на доверие к ним в сочетании с некоторой долей критичности. Нынешняя молодежь за информацией обращается в основном к Интернет-ресурсам, интернет-сообществам. Фразу «я не смотрю телевизор» довольно часто можно услышать от нынешних студентов.

Что есть интернет? Это огромные информационные, коммуникационные, образовательные возможности и т.д. Вместе с этим – это то пространство, где информации много, она разная, предлагаются различные варианты интерпретации событий. Молодым людям сложно бывает разобраться, где факты, истина, а где всего лишь интерпретации, мнения (чьи? чье мнение выбирается как экспертное, авторитетное?). Интернет - это то пространство, где стираются грани между реальностью и виртуальностью, правдой и постправдой, фактами и фейками, информацией и дезинформацией, мнением и эмоцией.

В современном информационном пространстве разворачиваются настоящие информационные войны, атаки, используются различные политтехнологии, приемы манипулирования массовым сознанием. Одним из таких приемов, является «постправда». Это прием психологического воздействия, связанный с трансформацией реальности путем подмены фактов субъективными интерпретациями, утаиванием «ненужной» информации, отвлечением внимания на второстепенные объекты, акцент делается на эмоциональное восприятие целевой аудиторией и пр. Целью технологии «постправды» является изменение отношения человека к событиям прошлого. Наглядно этот прием можно увидеть на примере искажения событий Второй мировой войны. Подобные попытки активизировались со стороны ряда стран после распада СССР и изменения геополитического расклада. То акцентируется внимание на жестокости советских войск на территории Германии (недавно издана книга немецкого историка Мириам Гебхардт об изнасиловании немецких женщин), то освобождение стран от нацистского режима трактуется как оккупация, то возлагается равная ответственность за развязывание Второй

мировой войны на Германию и СССР, то реабилитируются и даже героизируются бывшие пособники нацистского режима и пр. Подобная интерпретация, игнорирование очевидных фактов предпринимаются некоторыми политиками, журналистами, историками в интересах нынешнего конъюнктурного политического и геополитического порядка. В качестве целевой аудитории часто выбирается молодежь. Для народов бывшего СССР события Второй мировой войны и Победа имеют огромное историческое и духовно-нравственное значение. Попытки трансформации исторической памяти народа посредством различных приемов и технологий направлены на подрыв ценностно-мировоззренческих установок молодых людей, ослабление (изменение) их гражданской позиции.

Специфика восприятия информации нынешней молодежью, ее уязвимость, дезориентация связаны также с теми социальными условиями, в которых происходило их развитие, социализация. Анализируя поколение Zмолодежи нашего общества, белорусские социологи (А.Н. Данилов, Ж.М. Грищенко, Т.В. Щелкова), говорят о них как о «детях тотальной социальной аномии». Исследователи обращают внимание и выражают озабоченность тем, что отсутствие нормативно-ценностных ориентиров, вакуум идеалов, целей и смыслов существования в период взросления подрастающих поколений может привести к отчуждению от традиционной нормативной ценностной модели белорусского общества [1, с. 111, 114], заявляют о существовании в лице части белорусской молодежи риска переформатирования кода национальной культуры [2, с. 119].

В то же время в современном мире наблюдается девальвация демократических ценностей, права на свободу слова и пр. Изощренные избирательные технологии, такие высказывания, например, как «свобода совести предполагает право на богохульство» (президент Франции Макрон), на мой взгляд, лишь дезориентируют молодых людей.

Итак, специфика вовлеченности современной молодежи в информационное пространство связана не только с ее возрастными особенностями восприятия информации (отсутствие должного жизненного опыта, политическая наивность, подверженность манипулированию и пр.), но и с тем, что социальные изменения происходят с высокой скоростью. Глобально увеличиваются потоки информации, совершенствуются различные технологии воздействия на сознание и подсознание. При этом наблюдается явное несоответствие темпов развития технологий информационно-психологического воздействия и психологической защиты сознания, системы ценностей и психического здоровья общества от негативного информационного воздействия. Подобная проблемная ситуация – это не только проблема молодежи, это вызов для всего общества. В контексте новых коммуникационных возможностей общество, государство должны научиться предвидеть и разрешать возникающие проблемы. Это *процесс поиска* адекватных мер реагирования. От того, какие будут (или не будут)

предприниматься меры, будет зависеть вектор и уровень развития общества. Ведь в ближайшей, обозримой перспективе идеалы, ценности, установки нынешних молодых людей станут определяющими.

Список литературы:

1. Данилов, А.Н., Грищенко, Ж.М., Щелкова, Т.В. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры / А.Н. Данилов, Ж.М. Грищенко, Т.В. Щелкова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 1. – С. 109–118.
2. Гигин, В.Ф., Грищенко, Т.В. Студенты эпохи цифровых технологий: жизненные смыслы в реалиях белорусского общества / В.Ф. Гигин, Т.В. Грищенко // Социологические исследования. – 2021. – № 1. – С. 110–120.

Перевалов Я.О.

ИДЕЙНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ, ПРОВОДИМОЙ В МЕДИЦИНСКИХ ИНСТИТУТАХ БССР В ПЕРИОД РАЗВИТОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА 1950–1970-Х ГГ.

Ключевые слова: высшее медицинское образование, идейно-воспитательная работа, идеологическая работа, медицинский институт.

Государственная политика, проводимая в области здравоохранения БССР 1950–1970-х гг. отводила первостепенное значение идейно-воспитательной работе в медицинских институтах. Министерства здравоохранения СССР и БССР неоднократно ставили перед руководителями медицинских вузов задачу повышения уровня идейно-воспитательной работы среди сотрудников и студентов. Так, например, этим вопросам были посвящены специальные совещания ректоров медицинских институтов БССР в 1961, 1965, 1969, 1971 гг. [1, л. 59–65, 163; 2, л. 3–6].

Идейно-воспитательная работа в медицинских институтах БССР 1950–1970-х гг. была тесно связана с конкретными задачами, поставленными ЦК КПСС и Советским правительством перед высшей медицинской школой. Совершенствование процесса формирования идейно убежденных, преданных делу партии кадров осуществлялось в медицинских институтах БССР в соответствии с Программой КПСС, решениями партийных съездов, постановлениям ЦК КПСС и другими партийными государственными документами. Определяющим в обеспечении духовного богатства и моральной чистоты подрастающего поколения, в том числе и студенческой молодёжи, стал моральный кодекс строителя коммунизма, изложенный в Программе КПСС [3, л. 93, 115].

Важную роль в идейно-политическом воспитании студентов-медиков. воспитании у будущих врачей высоких моральных качеств, гражданственности и патриотизма имела утвержденная Указом Президиума Верховного Совета СССР 26 марта 1971 г. Присяга врача Советского

Союза, которая соединяла в себе общественно-политический кодекс врача с деонтологическими принципам его деятельности.

«…Получая высокое звание врача и приступая к врачебной деятельности, я торжественно клянусь:

– все знания и силы посвятить охране и улучшению здоровья человека, лечению и предупреждению заболеваний, добросовестно трудиться там, где этого требуют интересы общества;

– быть всегда готовым оказать медицинскую помощь, внимательно и заботливо относиться к больному, хранить врачебную тайну;

– постоянно совершенствовать свои медицинские познания и врачебное мастерство, способствовать своим трудом развитию медицинской науки и практики;

– обращаться, если этого требуют интересы больного, за советом к товарищам по профессии и самому никогда не отказывать им в совете и помощи;

– беречь и развивать благородные традиции отечественной медицины, во всех своих действиях руководствоваться принципами коммунистической морали, всегда помнить о высоком призвании советского врача, об ответственности перед народом и Советским государством.

Верность этой присяге клянусь пронести через всю свою жизнь».

Присяга советского врача отражала те завоевания социалистического строя, те высокие принципы морали, декларирующиеся коммунистической партией, которые находили практическое воплощение в профессиональной деятельности врача [4, с. 106].

Повышению уровня идейно-воспитательной работы в медицинских вузах БССР способствовало постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979 г.). ЦК КПСС тогда поставил перед учебными заведениями конкретную задачу – «…добиваться органического единства учебного и воспитательного процессов, формирования у учащихся и студентов научного мировоззрения, высоких морально-политических качеств, трудолюбия. Прививать учащейся молодёжи интерес к политическим знаниям, всемерно развивать их общественную активность» [5, л. 72].

Новый учебный план 1976 г. предусматривал разработку единых планов идейно-воспитательной работы со студентами на весь период их обучения, направленных на формирование у них коммунистического мировоззрения, высоких моральных качеств. Усилению идейно-политической подготовки студентов-медиков способствовало также включение в учебный план курсов врачебной этики и медицинской деонтологии [6, л. 77–79].

Ведущая роль в формировании идейно убеждённых студентов принадлежала кафедрам общественных наук медицинских институтов БССР. Главная их задача заключалась в том, чтобы дать студентам глубокое знание основ марксизм-ленинизма, которое помогало бы изучать труды его

основоположников, документы КПСС и международного коммунистического движения, вырабатывало бы у них классовый подход к явлениям и событиям общественной жизни, умение аргументировано критиковать так называемые буржуазные и ревизионистские взгляды идейных противников. Марксистско-ленинское учение в медицинских институтах широко использовалось в методологии изучения различных теоретических и клинических дисциплин.

Формы и методы идейно-политической работы со студентами в медицинских институтах БССР 1950–1970 гг. были разнообразными. Среди наиболее часто применяемых были такие как: Ленинский урок в первый день занятий, первая лекция о введении в профессию, участие в научно-теоретических конференциях, конкурсах на лучшую студенческую работу по общественным дисциплинам, проведение, начиная с 1972 г., общественно-политической практики – активное участие в общественной жизни в третьем семестре, в работе факультетов общественных профессий вузов, помогающих будущим врачам получить необходимые знания и практические навыки по организации массово-политической работы среди населения и пр. [7, л. 11–12, 17; 8, л. 233–239]

Одной из форм идейно-политического воспитания студентов-медиков и подготовки к самостоятельной практической деятельности будущих врачей, повышения уровня их знаний было широкое привлечение студентов к научно-исследовательской деятельности путем участия в работе студенческих научных кружков и обществ. Так, например студенты Минского и Витебского медицинских институтов ежегодно участвовали в республиканских турах Всесоюзной олимпиады «Студент и научно-технический прогресс» [4, с. 95].

Таким образом, можно заключить, что идейно-воспитательная работа в медицинских институтах БССР 1950-1970-х гг. была частью проводимой государством единой политики по воспитанию студентов и регулировалась партийными органами. Идейно-воспитательная работа играла ведущую роль в формировании политических взглядов студентов-медиков, влияла на формирование мировоззрения и выработки у них моральных качеств, оказывала значительное влияние на будущею профессиональную деятельность.

Список литературы:

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 46. Оп. 7. Д. 612.
2. НАРБ. Ф. 46. Оп. 7. Д. 666.
3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) Ф. 1. Оп. 3. Д. 1.
4. Чикин, С.Я. / Высшая медицинская школа в СССР / С.Я. Чикин [и др.]. – М.: «Медицина», 1973. – 187 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А385. Оп. 13. Д. 1692.
6. НАРБ. Ф. 46. Оп. 11. Д. 596.
7. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 102.
8. ГАМО. Ф. 1-п. Оп. 61. Д. 99

Погребняк А.Б.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: высшее образование, формирование мировоззренческих основ личности, совершенствование структуры социально-гуманитарного цикла, политическое мышление, политическая культура.

Во все времена и в любом государстве перед комплексом социально-гуманитарных дисциплин ставилась задача не только формирования духовного мира человека, но и его политических воззрений и политической культуры, что должно определять его мировоззренческую и гражданскую позиции в политической жизни, что в конечном счете выражается в политическом поведении и формах политической активности.

Во многом решение этих задач усложнилось, особенно в странах постсоветского пространства, в результате перехода этих стран, в соответствии с рекомендациями Болонского процесса, к четырехлетнему обучению на первой ступени получения высшего образования. Такое сокращение время обучения в ВУЗе было осуществлено за счет значительного сокращения цикла социально-гуманитарных дисциплин. Может с точки зрения экономической целесообразности и значительного сокращения государственных затрат на финансирование высшего образования такие решения можно считать оправданными. Но в процессе таких глобальных преобразований в образовательной среде как-то совсем забылось, что социально-гуманитарные дисциплины несут не только образовательную нагрузку, но и воспитательную. И процесс воспитания у студента гражданственности, ответственности перед обществом, моральных и идеологических позиций – это процесс не одновременный, как и процесс социализации, он длится всю сознательную жизнь и осуществлять идейно-воспитательную работу среди учащихся необходимо на протяжении всего срока обучения.

Вместе с тем выбранный курс на значительное сокращение учебных часов на социально-гуманитарные дисциплины при переходе на 4 – летнее обучение на первой ступени высшего образования требует более внимательного и анализа и изучения опыта других стран. Так, для поступления в Европейские университеты требуется 12–13 летнее среднее образование. В Белоруссии, как и в других странах постсоветского пространства, существует традиция 10–11-ти летнего среднего образования. В виде компенсации за два года обучения в европейской школе у нас был организован цикл социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования. Он был довольно обширным и глубоким и занимал до 20% учебного времени за пять лет обучения. Согласно принятой в 2012 г. концепции высшего образования, сокращение сроков обучения до 4-х лет в основном было осуществлено за счет сокращения цикла социально-гуманитарных дисци-

плин [2, с. 6]. Таким образом, целый пласт гражданско-образующих знаний попросту исключался из учебной программы, и это не могло не сказаться на качестве высшего образования в целом. Тем более, что на втором этапе высшего образования он не компенсировался, так как в основном специалист совершенствуется в своей специализации, или в научном или в практическом направлениях.

Особо хочется остановиться на последствиях таких реформ для вузов, готовящих педагогические кадры. В самом начале реформ высшей школы предполагалось использовать опыт, благо его предостаточно, как европейских стран, так и России [1, с. 4]. В этих странах считается нецелесообразным и, по-видимому, вредным, перевод на 4-летнее обучение таких специальностей, как: медицина, юриспруденция, педагогика и технология пищевого производства. Логика здесь вполне понятна. эксперименты в этих отраслях чреваты серьезными последствиями для здоровья нации и для его будущего. На этих же принципах основан и изданный 22.03.2012 г. за № 194 приказ Министерства образования РБ «Концепция оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования». Как утверждается в этом документе, дифференциация сроков подготовки специалистов с высшим образованием 1 ступени должна осуществляться в соответствии с мировыми тенденциями и опытом других стран. Сроки обучения предполагалось сократить по 234 из 387 специальностей, по которым осуществляется подготовка специалистом с высшим образованием в РБ. Предполагалось сохранить пятилетнее обучение по медицинским и наиболее сложным техническим и ИНЫМ специальностям [2, с. 7]. Остается только недоумевать, почему педагогика не вошла в их число. Но это уже история, а жить надо современными реалиями.

Надо признать, что вернуться к пятилетнему обучению в педагогических вузах с более глубокой программой по социально-гуманитарным дисциплинам маловероятно. А поэтому надо искать пути минимизации негативных последствий проведенных преобразований в сфере высшего образования.

В этом направлении предполагается несколько направлений деятельности: во-первых, осовременить содержание самих дисциплин, постоянное обновление контента с учетом глобальных тенденций и мировых проблем, во-вторых – обновление моделей преподавания социально- гуманитарных дисциплин, совершенствование технологий и методик преподавания. Сокращение лекционных курсов и переход на обзорные и проблемные лекции возможен лишь при наличии и широком распространении учебно-методических комплексов, электронных средств обучения. Этого же требует и совершенствование методик проведения семинарских занятий.

В решении задач повышении эффективности социально-гуманитарного образования в формировании политической культуры учащихся важным резервом является и увеличение дисциплин, формирующих мировоззренческие основы политической культуры. Так к примеру: спец-

курс «Теория политических систем» читается только в двух группах на двух факультетах, а спецкурс «Политическая культура» только в одной группе на ФГиЯКе. В тоже время курс «Университоведение», состоящий из 12 лекционных и 6 часов семинарских занятий, но не носящий определяющего мировоззренческого значения, преподается на трех факультетах у студентов 1курса. Настораживает и еще одна тенденция: новыми программами предусмотрено увеличение часов на изучение курса «ОББЗ». Вместо 2 часов практических занятий на заочной форме обучения на ФХБиГН запланировано 6 часов лекционных. Можно только предположить, что будет запланировано у дневной формы обучения. А курс этот читается на всех факультетах всех форм обучения.

Многолетняя практика осуществления данной концепции выявила много проблем и недоработок в этом вопросе. Весной 2021 года по всей Беларуси прошло обсуждение новой «Концепции оптимизации содержания. структуры и объема цикла социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования «. В процессе обсуждения этого документа в различных вузах страны было сделано много дополнений и замечаний, направленных на его совершенствование. Сейчас идет его доработка и в следующем учебном году планируется внедрение новой концепции в учебный процесс. Какой она окажется в итоге - покажет время.

Список литературы:

1. Белых, Ю.Э. Опыт реализации Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин как модель внедрения стандартов нового поколения / Ю.Э. Белых, Ю.Я. Романовский // Выш. шк. – 2014. – № 1. – С. 3–8.

2. Жук, А.И. О повышении уровня практической подготовки специалистов / А.И. Жук // Выш. шк. – 2012. – № 4. – С. 4–9.

Сарычева А.В.

ПРАГМА-ДИАЛЕКТИКА ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: политическая идентичность; политическое сознание; категория истины; категория справедливости; цифровое пространство.

Формирование политического мышления современной молодежи опосредовано, с одной стороны, реальными, с другой, – виртуальными условиями. Это актуализирует проблему прагма-диалектики их ценностных оснований. Реальное и «кочующее» бытие, перекрестно определяющие идентичность [4], повседневности онлайн и офлайн, поддерживающие состояние транзитивности [8] смещают вопросы ценностных оснований в плоскость прагма-диалектики: насколько они влияют на рациональность и эффективность верификации мнения и разрешения разногласий, выполняя функцию контекста политического мышления современной молодежи.

Политическую идентичность обусловливают механизмы индивидуальной и коллективной самоидентификации в условиях национальных и глобальных (наднациональных) сходств и различий, противодействующих механизмам отчуждения [1, с. 286]. Их эффективность определяется культурой политического мышления и аргументации, которые связаны с диалектикой субъективных и объективных форм истины. В ракурсе диалектики «понимание предмета означает владение субъектом полнотой его определений, идеальным образом разворачивающихся во времени пространстве его движения» [7, с. 139–140]. Формы истины в политическом мышлении преимущественно субъективны, поэтому являются относительными и множественными. Относительность истины, ведущая отсчет от софистических практик аргументации в лице Протагора, не означает отказа от ее нормативности. Ценность плюрализма мнений ведет свое начало от диалектики Сократа, в которой коррелятом многомерного когнитивного образа истины [2] выступает закон непротиворечивости.

Относительность и плюрализм мнений предполагают систему координат, в которой они раскрываются как ценностно-познавательные установки. Это значит, что ценности в лице их носителя обладают уникальными конкурентными преимуществами в каком-либо отношении и осязаемой практической пользой. Ценности раскрываются как идентификационные категории мышления и бытия человека [9, с. 80]. К ним можно отнести ценности, связанные, например, с гражданством и гражданским обществом, свободой, правами и обязанностями, нацией и государством.

Постмодернистские тенденции усиления субъективности истины осложнили процесс формирования политического сознания современной молодежи. Кризисные явления обусловлены влиянием киберпространства, которое деформирует «социально-эстетический облик мира в современной молодежной субкультуре» и затрудняет верификацию истины [6, с. 6]. В частности, усиление субъекта и субъективности в цифровом пространстве рождает новые феномены, например, «культуру участия», которая «показывает сопротивление сети возможностям внешнего воздействия». Активизация «трансфера практик из online в offline» привела к тому, что персонификации сетевой реальности «оказываются запросом на политическое участие» в реальной жизни [5, с. 19].

Субъективность истины как мировоззренческой категории политического сознания можно скорректировать посредством ее базовых коррелятов, в качестве которых выступают, по меньшей мере, категории справедливости, пользы и смысла жизни. Если они ставятся под вопрос, – истина принимает форму лжи, интерпретируемой как обман, фальсификация или подлог. В частности, Х. Перельман, учитывая эти обстоятельства, совместил в своей концепции аргументации истину и ценность справедливости [3, с. 121–122]. Справедливость как коррелят истины включает действие или поступок, правило или закон и человека, которые определяются через

отрицание, соответственно, неравенства, произвола и бесчеловечности [10, p. 99]. Критерием справедливости поступка служит соответствие правилу или закону. Коррелятом правила или закона выступает разумно обоснованное равенство в чем-то или с кем-то. Границы разумности определяются реальным (естественным) положением вещей или разработанной рациональной системой, преследующей определенную цель [10, p. 105]. Человек как источник и мера справедливости в политических решениях определяет, в каких терминах, и с какой целью будет обосновано правило или закон. Поэтому все достоинства и изъяны справедливости можно рассматривать на уровнях поступка, правила или деятеля. Поскольку все элементы тройственной структуры справедливости являются когерентными, постольку они нуждаются в постоянном поиске и обосновании условий соизмеримости друг с другом или модификаций в результате взаимодействия. В результате способы концептуализации справедливости становятся основополагающими в определении других ценностей – пользы и смысла жизни.

Таким образом, прагма-диалектика ценностных оснований предусматривает установление баланса между разумностью и намерением в политическом мышлении современной молодежи. Его субъективизм преодолевается путем, во-первых, выявления и коррекции иррациональности и неэффективности его ценностных оснований, обнаруживаемых в конфликтах мнений, во-вторых, раскрытия связей ценностного контекста дискуссии с институциональными предпосылками стратегического маневрирования в них.

Список литературы:

1. Воробьева, С.В. Кросскультурные аспекты национальной идентичности в геополитической аналитике / С.В. Воробьева // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. и круглого стола. – М.: «Перо», 2019. – С. 286–291.

2. Воробьева, С.В. Когнитивные аспекты истины в аргументации / С.В. Воробьева, А.В. Куприянец // Мировоззренческая парадигма в философии: истина и ее имитация [Электронный ресурс]: сб. ст. по материалам XIV Междунар. науч. гонф. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2019. – С. 74–77.

3. Воробьева, С.В. Метаэтика справедливости в контексте металогики / С.В. Воробьева // Социальная справедливость: утопии и реалии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.И. Ленина (Нижний Новгород, 25–26 апреля 2020 г.). – М.: Аквилон, 2020. – С. 119–126.

4. Воробьева, С.В. Цифровая идентичность в сетевом сообществе: практики номадизма и пограничные состояния / С.В. Воробьева // Феномен границы в глобализирующемся мире: сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: М.А. Слемнев (гл. ред.), Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 121–124.

5. Гусельцева, М.С. Homo digital: трансформации идентичности в информационной культуре / М.С Гусельцева // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: матер. междунар. науч. конф. – М.: РГГУ, 2018. – С. 17–22.

6. Кириллова, Н.Б. Парадоксы медийной культуры: избр. ст. / Н.Б. Кириллова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 452 с.

7. Лобастов, Г.В. К диалектике определений истины в бытии и мышлении / Г.В. Лобастов // Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры: сб. науч. ст. / под ред. О.Д. Маслобоевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – С. 131–140.

8. Полева, Н.С. Онлайн и офлайн как смешанная реальность / Н.С. Полева // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: матер. междунар. науч. конф. – М.: РГГУ, 2018. – С. 25–28.

9. Сарычева, А.В. Ценности студенческой молодежи в когнитивном контексте аргументации / А.В. Сарычева, С.В. Воробьева // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодёжи: материалы междунар. науч.-практ. online-конф., Витебск, 6 дек. 2019 г. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 80–82.

10. Perelman, Ch. Les trois aspects de la justice / Ch. Perelman // Ethique et Droit. – Bruxellex, 2012. – P. 95–115.

Тимофеев Р.В.

ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ ПРОФИЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ БЕЛОРУССКОЙ ССР

Ключевые слова: историческая ответственность, воспитание, обучение, работа, учебные заведения.

В основе работы любого учебного заведения во многом лежит воспитательная деятельность, без которой сложно добиться успехов в обучении конкретной специальности. Позитивный пример в этом идет к нам из недавнего прошлого, когда в профильных учебных заведениях, в частности транспортных, имела место успешная активность по формированию личной исторической ответственности среди учащихся.

В этих целях проводилось большое количество мероприятий самого разного рода. Так, в августе 1979 г. в Бресте на базе местного техникума железнодорожного транспорта для этого состоялась педагогическая конференция преподавателей техникумов и технических школ Белорусской железной дороги. Участники педагогической конференции вели речь о том, как лучше организовать выполнение государственных решений по улучшению идеологической и политико-воспитательной работы [1, с. 1].

Воспитанию исторической ответственности среди учащихся профильных учебных заведений, в нашем случае транспортных, содействовали в 1980 г. выступления студенческого агиттеатра «Корчагинцев», который был лауреатом премии Ленинского комсомола [2, с. 1]. В 1982 г. для конкурса этим театром была подготовлена программа «Завуся я толькі Янка Купала», в которую вошли фрагменты из поэм «Бандароўна» и «Куган», стихотворении и песни на стихи поэта. В свою очередь самодеятельная киностудия «Экспресс» Белорусского института инженеров железнодорожного транспорта вынесла в 1980 г. на суд зрителей свою новую работу – документальную ленту об исторических вехах развития страны [3, с. 2].

Формы и направления воспитания исторической ответственности были разнообразны. Так, для учащихся местного техникума железнодорожного транспорта в феврале 1981 г. Гомельский Дворец культуры железнодорожников провел «День революционных традиций». Перед учащимися техникума в частности выступила почетный железнодорожник Т.М Латышева [4, с. 1]. В 1982 г. молодые железнодорожники Баранович-ского узла Белорусской железной дороге, в том числе и учащиеся технической школы, провели агитационный мотопробег «Никто не забыт, ничто не забыто» по местам боевой славы Ивацевичского, Ружанского и Слонимского районов [5, с. 1].

Характерным для воспитательной работы профильных учебных заведений в 1970–1980-е гг. было регулярное проведение месячников оборонно-массовой работы, посвященных годовщинам создания Советской Армии и Военно-Морского Флота. Действовал молодежный клуб политического просвещения «Меридиан», созданный в 1980 г. работниками Гомельского дворца культуры железнодорожников.

Памятной дате – 40-летию освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков было в 1983 г. посвящено открытие заседания клуба «Алые паруса». Эстафетой поколений стали в Минске все мероприятия Дворца культуры и техники железнодорожников им. В.И. Ленина, посвященные памятной дате белорусского народа. Это и торжественное вручение комсомольского билета, и встречи с ветеранами войны [6, с. 2].

Учащиеся профильных учебных заведений железнодорожников БССР в 1984 г. приняли активное участие в Всесоюзном месячника, проводившемся под девизом «Отстроим мир на планете земля!», напрямую связанный с формированием у молодежи исторической ответственности и сохранению памяти поколений. В 1988 г. активно прошел Всесоюзный конкурс плакатов под девизом «Перестройка и мы», посвященный 70-летию комсомола.

В учебных заведениях транспортников в 1970–1980-е гг. в целом было характерным также проведение бесед и иных воспитательных мероприятий, которые были приурочены к соответствующим профессиональным праздникам. Регулярными в годы перестройки являлись политдни, на которых каждый имел право высказаться о наболевшем. Это проводилось для того, чтобы руководство учебных заведений знало о проблемах, запросах, чтобы все пожелания учащихся были учтены и по возможности выполнены.

Постоянный поиск новых форм воспитания учащихся и совершенствование действовавших было одним из важнейших условий для достижения успехов в работе учебных заведений в целом, в том числе и в направлении укрепления личной исторической ответственности среди учащихся. Профсоюзные организации старались разнообразить работу с учащимися, используя различные направления кинопропаганды: киноуниверситеты, кинолектории, тематические кинопоказы, кинопремьеры и кинофестивали.

Список литературы:

1. Перед первым звонком // Железнодорожник Белоруссии. – 1979. – 1 сент. – С. 1.
2. Бураков, В. Хлеборобы аплодируют студентам / В. Бураков // Железнодорожник Белоруссии. – 1980. – 20 сент. – С. 1.
3. Фердмаш, А. Снято кинолюбителями / А. Фердмаш // Железнодорожник Белоруссии. – 1980. – 22 нояб. – С. 2.
4. Шимбалева, Л. Они были первыми / Л. Шимбалева // Железнодорожник Белоруссии. – 1981. – 14 февр. – С. 1.
5. Печко, Л. По местам боевой славы / Л. Печко // Железнодорожник Белоруссии. – 1982. – 22 мая. – С. 1.
6. Миленкова, Л. Эстафета поколений / Л. Миленкова // Железнодорожник Белоруссии. – 1983. – 8 дек. – С. 2.

Цыбулько В.В.

О ВОСПИТАНИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВЫСШИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ НА ОСНОВЕ ВОИНСКИХ ТРАДИЦИЙ И БОЕВОГО ОПЫТА

Ключевые слова: воинские традиции, боевой опыт, высшие военные учебные заведения, курсант.

В современном противоречивом мире, в условиях постоянного воздействия на сознание, как молодых людей, так и на уже сформировавшихся граждан своей страны различных деструктивных сил, возрастает важность воспитательной и идеологической работы со всеми слоями населения государства. Говоря об обучении и воспитании обучающихся в высших военных учебных заведениях военнослужащих, следует обозначить такие направления деятельности педагогов в своей работе, как использование воинских традиций и боевого опыта. Опора на них в идеологической и образовательной деятельности, несомненно, дает результат.

Обращение к воинским традициям и их соблюдение в воинских коллективах учреждений образования обусловлено нарастающим уровнем сложности, интенсивности, напряженности решаемых образовательных задач в современном учебном заведении; потребностью повышения, моральной составляющей будущих офицеров, необходимостью поддержания преемственности в идеологической работе, которая невозможна без опоры на историческое наследие по сохранению дружеских духовных связей между военнослужащими в коллективе. Традиции обеспечивают связь времен, преемственность поколений, они являются надежным источником и способом сохранения общества, культуры. Содержание воинских традиций, это устойчивый набор норм и ценностей, идеологических установок и героического наследия исторических побед. Именно такие духовные традиции, как воля к победе, высокое чувство патриотизма, героизм, доблесть в бою, имеют большое воспитательное значение, формируя духовный облик будущего офицера-выпускника. Изначально, отражаясь в сознании, воин-

ские духовные традиции формируют психологическую готовность к воспроизводству духовных традиций, а далее многократно повторяясь, у военнослужащих формируются социально значимые духовные качества, которые затем проявляются в их служебной деятельности [1, с. 37].

Набор традиций духовного и нравственного воспитания каждого военнослужащего, охватывает все важнейшие сферы его армейской жизни (служебную, религиозную, бытовую), формирует его сознание и поведение, как защитника Отечества. Следует отметить, что духовное и нравственное воспитание курсантов, применяемое в военных учебных заведениях, является уникальным по масштабности, организованности, и реализации, и конечно же является приоритетным направлением идеологической и воспитательной работы на всех этапах как развития общества и государства, так и на всех этапах обучения, от абитуриента до выпускника.

Опираясь на опыт использования воинских традиций в воспитании курсантов, можно обозначить четыре наиболее значимые категории, способствующие духовному и нравственному воспитанию военнослужащих:

первое, это религиозные традиции (например, в религиозно-христианской традиции, связанной с непосредственным влиянием христианства на духовное и нравственное развитие военнослужащих и призванные заполнять души военнослужащих самыми высокими идеалами жизни и веры: участие в богослужениях, крещение, исповедь и причастие, строительство храмов);

второе, это патриотические традиции, направленные на привитие беззаветной любви к Родине и ее народу (военные парады, государственные праздники и народные обычаи, военные музеи, библиотеки). Народные патриотические традиции возникли в ходе исторического развития нашего государства параллельно с формированием собственных этнических традиций. Целью обращения к традициям этой группы является воспитание любви к своему Отечеству;

третье, это отношенческие традиции, призванные обеспечить моральные и этических нормы, кодекс чести в отношениях военнослужащих, атмосфере воинского товарищества в повседневной жизни (забота о подчиненных, уважение к старшим, толерантность, традиция офицерских собраний). Цель этих традиций – формирование войскового братства;

четвертое, это ратно-боевые традиции сформированные в ходе участия в боевых действиях, наших дедов и отцов. Их цель – сохранение и использование в духовно-нравственном воспитании высоких морально-боевых качеств военнослужащих, которые необходимы в боевых условиях (передача передового опыта, взаимная помощь в бою и обучении, защита знамени, командира в бою).

Обобщая традиции, на которых воспитываются воины наших Вооруженных сил и которые им присуще следует отметить, что это следующие традиции: беззаветная преданность государству и его народу: ненависть к агрессорам; уверенность в своих силах и в своей правоте; верность

военной присяге, боевому знамени, воинскому долгу, чувство коллективизма, готовность к защите своего Отечества.

Обучение курсантов проводится в рамках образовательной деятельности высшего учебного заведения. Весь процесс обучения опирается на строго научную основу с использованием последних достижений развития науки и техники, педагогики, проведенных мероприятий в рамках подготовки войск, опыта войн и вооруженных конфликтов [2, с. 111].

Исторический опыт войн ценен тем, что учит не только тому, что и как делать, но и тому, чего не следует делать, помогает избежать ошибок, находить правильные пути решения боевых задач в современных условиях. Важное значение на современном этапе приобретает использование воспитательных возможностей боевого опыта. Как фактор воспитания будущего офицера, он использовался всегда.

В основу реализации воспитательных возможностей боевого опыта необходимо положить принцип единства военно-прикладной и жизненно необходимой основы в воспитании военнослужащих. Суть данного принципа заключается в следующем:

во-первых, процесс воспитания должен быть организован с учетом того, что боевой опыт имеет прямые и косвенные связи со всеми сферами воинской службы;

во-вторых, в ходе идеологической и воспитательной работы требуется решать педагогические задачи исходя из специфики особенностей боевого опыта и конкретным видом служебной деятельности будущих офицеров;

в-третьих, в динамике процесса воспитания необходимо находить связи, с помощью которых эффективно взаимодействуют жизненно базовые и военно-прикладные основы боевого опыта, как одного из важнейших направлений воспитательного процесса;

в-четвертых, необходимо систематически проводить отбор таких проблемных составляющих боевого опыта, в которых есть единство жизненно необходимого, базового и военно-прикладного начал, где отражена специфика воинского труда.

Таким образом, на современном этапе использование боевого опыта и воинских традиций в обучении и воспитании будущих офицеров приобретает важный воспитательный и педагогический аспект. Это обстоятельство требует поиска эффективных форм и методов обучения и воспитании, которые позволили бы сформировать устойчивые знания и навыки, чувство уверенности в правоте выполнения воинского долга в бою.

Список литературы:

1. Торкунова, О.И. Воинские традиции в духовно-нравственном воспитании военнослужащих государств-членов СНГ / О.И. Торкунова, В.Н. Машин // Вестник экспертного совета. – 2017. – № 4(11) – С. 35–40.

2. Иоаниди, А.Ф. Использование боевого опыта применения войск в подготовке будущих офицеров / А.Ф. Иоаниди, С.В. Левчук // Наука и военная безопасность. – 2019. – № 4. – С. 110–113.

Цыганов О.И., Кабирова И.А.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: борьба, история, историческая память, молодежь, патриотизм, фальсификация.

Патриотическое воспитание молодежи актуально сегодня, как никогда. Молодежь – это будущее страны. Именно от её воспитания зависит развитие и процветание нашей Родины. В настоящее время молодые люди мало интересуются героической историей своей страны. Ее больше привлекают фантастические фильмы, которые нам без конца показывают с экранов телевизоров и кинотеатров, компьютерные игры, бессмысленные развлекательные передачи. Всё это формирует у девушек и юношей лжеценности, одурманивает их сознание.

Фальсификация истории, которой вот уже несколько столетий активно занимаются наши заокеанские враги, ведет к исторической неграмотности молодежи. Новые поколения утрачивают связь с историческим прошлым своей страны. Потеря исторической памяти ведёт к отсутствию сплоченности народа, его разъединению, неуважению старшего поколения. Знание истории способствует духовному и умственному развитию общества, развивает гибкость ума, пытается уберечь нас от повторения ошибок. Корме того, оно формирует историческую память и историческое сознание, которые являются основным звеном, сплачивающим наши народы. Как сказал Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский: «Только тот народ, который чтит своих героев, может считаться великим».

Цель статьи – по результатам предварительного, выборочного опроса молодых людей охарактеризовать уровень знаний молодежи Отечественной истории. Знание истории – надежная защита от ее фальсификации.

Под фальсификацией истории, по мнению Вяземского Е.Е., обычно понимается сознательное искажение исторических событий [1, с. 30]. Важнейшими средствами преодоления попыток фальсификации истории он считает расширение источниковой базы и повышение методологической культуры преподавателей истории [1, с. 40].

Как считает доктор исторических наук А.И. Подберёзкин, историческое наследие не только предопределяет современную систему ценностей, но и политическое будущее государств. А искажение истории создает предпосылки для межнациональных и государственных конфликтов [4].

А.Н. Лушин в своей работе «Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме» прямо указывает на то, что фальсификация истории осуществятся в угоду как внешним, так и внутренним силам в ущерб государственным. Она пагубно воздействует на историческую память, способствует ее утрате, либо искажению, что, в конечном счете, приводит к потере молодого поколения [3, с. 24].

По мнению доктора общественно-политических наук Йохана Бекмана самой большой угрозой для молодежи России является фальсификация истории, в особенности искажение истории Великой Отечественной войны, «поскольку оно целенаправленно вводит молодые умы в заблуждение и сеет в душах зерна сомнений». Й. Бекман призывает бороться против исторических фальсификаторов самыми решительными мерами [2].

Для предварительного исследования знаний истории среди молодежи нами был проведён опрос респондентов в возрасте от 15 до 30 лет. Было опрошено 50 человек. Из них 25 человек – учащиеся ВУЗов. 25 человек – рабочая молодежь.

Поначалу мы попытались выявить знание исторических фактов опрашиваемых.

На первый вопрос: *«Когда состоялась Куликовская битва?»* 55% опрошенных дали неверный ответ (например, 1321 г., 1453 г, 1941 г. и др.). 25% – что-то помнят, но дату так и не называют. 20% – затруднились ответить. *Правильный ответ:* 8 сентября 1380 г.

На второй вопрос: *«Какому событию посвящена картина В. Серова «Зимний взят!»?* 45% ответили, что окончанию Великой Отечественной войны. 30% – победе большевиков в Гражданской войне. 15% – дали верный ответ. 10% – затруднились ответить. *Правильный ответ:* Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

И на третий вопрос: *«Когда окончилась Отечественная война 1812 г.?»:* 60% молодых людей дали неверный ответ (например, 1815 г, 1818 г., 1825 г. и т.д.). 25% – помнят только выдающихся личностей, связанных с этим событием – Кутузова или Наполеона. 10% – ответили верно; 5% – затруднились ответить. *Правильный ответ:* 25 декабря 1812 г.

Вторая группа вопросов была направлена на выявление знаний *исторических личностей. Опрашиваемым предоставлялись их изображения на* фотографии.

Первое фото – *«Александр II».* 65% опрашиваемых не узнали императора, называя изображенного на фотографии Александром Невским, Дмитрием Донским или Николаем II и т.д. 25% – затруднились ответить. 5% респондентов дали верный ответ.

Второе фото – *«Чапаев В.И».* 75% опрашиваемых затруднились ответить. 15% ответили неверно. 10% респондентов посчитали, что это Буденный С.М.

Третье фото – *«Брежнев Л.И».* 45% опрашиваемых ответили верно. 30% – дали неверный ответ (например: Ленин, Ельцин и т.д.). 25% респондентов затруднилось ответить.

Таким образом, с нашей точки зрения, исходя из предварительных исследований, можно констатировать, что наблюдается чудовищная деградация молодого поколения, которое не знает своей истории. Надо понимать, что это не их вина, это – их беда. Если не принять меры, то данная

тенденция будет только усиливаться и усугубляться. Необходимо бороться за *интеллектуальную гегемонию* в обществе!

Предлагаем Вашему вниманию следующие меры по повышению уровня знаний молодёжи в области истории:

1. СМИ должны вести активную работу по повышению уровня интереса и знаний у молодежи к истории.

2. С юных лет знакомить молодежь с историей, культурой и традициями своего народа. Чаще приводить экскурсии по музеям, местам воинской славы. Рассказывать о героях и их подвигах.

3. Возобновить детское движение, как двигатель творческого и нравственного развития молодежи.

4. Школы, институты и иные учебные заведения должны воспитывать человека творца, а не потребителя.

Таким образом, опросы, проведенные нами в ходе написания работы, показали чудовищное незнание молодым поколением известных исторических событий и личностей. Стоит напомнить, что именно молодежь – будущее страны, от которой зависит ее процветание и развитие. Если мы сейчас потеряем молодежь, то общество лишиться своего процветания и развития. На наш взгляд, предложения, представленные выше, должны способствовать не только повышению уровня знаний и заинтересованности молодежи к истории Отечества, но и снизить, а затем и полностью исключить поток фальсификации, непрерывно идущий из-за океана. Мы считаем, что только комплексное решение данной проблемы будет способствовать патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Список литературы:

1. Вяземский, Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты / Е.Е. Вяземский // Проблемы современного образования. – 2012. – № 1. – С. 28–43.

2. Йохан, Б. О противодействии фальсификации истории [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.segodnia.ru/content/13724. – Дата доступа: 14.10.2021.

3. Лушин, А.Н. Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) / А.Н. Лушин// Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. – 2013. – № 23. – С. 21–25.

4. Подберезкин, А.И. Политические аспекты фальсификации истории России. [Электронный ресурс] / А.И. Подберезкин. – Режим доступа: https://mgimo.ru/files/118847/podberezkin_falsifikacia_istorii.pdf – Дата доступа: 14.10.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адуло Тадеуш Иванович, заведующий Отделом социально-философских и антропологических исследований Института философии НАН Беларуси; доктор философских наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь).

Баньковская Юлия Леонидовна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета; кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Барабанова Ксения Сергеевна, ведущий научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета; старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета; кандидат исторических наук (г. Сургут, г. Тюмень, Российская Федерация).

Бобылева Лиана Ивановна, доцент кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат педагогических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Борботько Павел Валентинович, доцент кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Борисов Валерий Иннокентьевич, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета; доктор исторических наук, профессор (г. Смоленск, Российская Федерация).

Бородич Владимир Митрофанович, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Валейтенок Валерий Владимирович, доцент кафедры истории белорусской государственности Белорусского национального технического университета; кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Вардомацкий Леонид Михайлович, доцент кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат филологических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Васильева Ирина Львовна, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета; кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Вашко Оксана Александровна, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета; кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Вашурин Андрей Николаевич, доцент кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы; кандидат философских наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Величко Галина Анатольевна, доцент кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы; кандидат психологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Вожгурова Оксана Владимировна, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат политических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Волошина Валентина Юрьевна, профессор кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского; доктор исторических наук, профессор (г. Омск, Российская Федерация).

Вонсович Лариса Васильевна, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и психологических основ физической культуры Белорусского государственного университета физической культуры; кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Воробьева Светлана Викторовна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Воробьева Ольга Игоревна, доцент кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат филологических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Головач Алла Анатольевна, заведующий кафедрой философии Белорусского государственного экономического университета; кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Голубев Вячеслав Андреевич, преподаватель кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Грибан Ирина Владимировна, директор центра культурно-образовательных проектов Уральского государственного педагогического университета; кандидат исторических наук, доцент (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

Грибан Олег Николаевич, начальник управления цифровизации образования Уральского государственного педагогического университета; кандидат педагогических наук, доцент (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

Григорук Элла Владимировна, учитель русского языка и литературы (г. Могилев, Республика Беларусь).

Гурщенков Павел Валентинович, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат юридических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Давлятова Елена Валентиновна, заведующий кафедрой философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Далимаева Евгения Олеговна, старший преподаватель кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Дашкевич Екатерина Руслановна, студент Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Демидов Александр Борисович, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Дружина Наталья Леонидовна, доцент кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат филологических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Есипова Юлия Игоревна, магистрант факультета физической культуры и спорта Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Игнатович Антон Евгеньевич, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь; кандидат исторических наук, доцент (г. Могилев, Республика Беларусь).

Кабирова Ирина Алексеевна, заведующий кафедрой истории и социально-гуманитарных дисциплин Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко; кандидат исторических наук, доцент (г. Глазов, Российская Федерация).

Казак Олег Геннадьевич, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета; кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Комзолов Иван Юрьевич, молодой ученый Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Канашевич Надежда Михайловна, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь; кандидат исторических наук, профессор (г. Могилев, Республика Беларусь).

Косов Александр Петрович, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Корзун Валентина Павловна, профессор кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского; доктор исторических наук, заслуженный работник Высшей школы РФ (г. Омск, Российская Федерация).

Ксенофонтов Владислав Анатольевич, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук Военной академии Республики Беларусь; кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Кулик Святослав Павлович, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета; кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Купченко Константин Владимирович, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России; кандидат исторических наук, доцент (г. Смоленск, Российская Федерация).

Лаппо Дмитрий Александрович, магистрант кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Липская Анна Анатольевна, учитель истории и обществоведения (г. Могилёв, Республика Беларусь).

Лисов Александр Геннадьевич, заведующий кафедрой философии и политологии Витебской государственной академии ветеринарной медицины; кандидат искусствоведения, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Малахов Данила Владимирович, доцент кафедры философии и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины; кандидат философских наук, доцент (г. Гомель, Республика Беларусь).

Мацевич Мария Янушевна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств (г. Минск, Республика Беларусь).

Медвецкая Наталья Михайловна, доцент кафедры теории и методики физической культуры и спортивной медицины Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат медицинских наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Мирзаев Джалалитдин Зайниевич, доцент кафедры мировой истории Термезского государственного университета; кандидат исторических наук, доцент (г. Термез, Республика Узбекистан).

Мусина Надежда Евгеньевна, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета; кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Назриев Карим Курбомадович, ассистент кафедры политологии Таджикского национального университета (г. Душанбе, Республика Таджикистан).

Никитина Наталья Владимировна, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета; кандидат исторических наук, доцент (г. Смоленск, Российская Федерация).

Орлов Валерий Иванович, доцент кафедры философии и политологии Витебской государственной академии ветеринарной медицины; кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Панченко Андрей Владимирович, доцент кафедры истории белорусской государственности Белорусского национального технического университета; кандидат политических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Перевалов Ярослав Олегович, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета (г. Витебск, Республика Беларусь).

Пивовар Николай Васильевич, преподаватель Витебского кадетского училища; кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Пименов Виталий Юрьевич, доцент кафедры социологии, философии и работы с молодежью Смоленского государственного университета; кандидат философских наук, доцент (г. Смоленск, Российская Федерация).

Погребняк Александр Борисович, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Ребеко Андрей Петрович, преподаватель военной кафедры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Рудковская Елена Эдвардовна, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат педагогических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Рудковский Эдвард Иосифович, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Сарычева Анна Владимировна, аспирант кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Семёнова Людмила Николаевна, профессор кафедры истории белорусской государственности Белорусского национального технического университета; доктор исторических наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь).

Слепенков Виталий Александрович, студент Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Российская Федерация).

Старжинский Валерий Павлович, профессор кафедры философских учений Белорусского национального технического университета; доктор философских наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь).

Татарчук Евгений Игоревич, курсант факультета милиции Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь; кандидат исторических наук (г. Могилев, Республики Беларусь).

Тимофеев Ростислав Владимирович, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Ткач Александр Игоревич, студент Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Турянская Ольга Федоровна, заведующий кафедрой педагогики Луганского государственного университета; доктор педагогических наук, профессор (г. Луганск).

Фролов Иван Валерьевич, студент Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко (г. Глазов, Российская Федерация).

Цыбулько Василий Васильевич, старший преподаватель кафедры тактики и вооружения войсковой противовоздушной обороны Военной академии Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь).

Цыганов Олег Игоревич, студент Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко (г. Глазов, Российская Федерация).

Цыплин Виталий Геннадьевич, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; кандидат исторических наук (г. Саратов, Российская Федерация).

Чикиндин Максим Александрович, старший преподаватель кафедры философии и политологии Витебской государственной академии ветеринарной медицины (г. Витебск, Республика Беларусь).

Шакиров Руслан Булатович, студент Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко (г. Глазов, Российская Федерация).

Шепелева Валентина Борисовна, профессор кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского; доктор исторических наук, доцент (г. Омск, Российская Федерация).

Якуб Алексей Валерьевич, заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского; доктор исторических наук, профессор (г. Омск, Российская Федерация).

Янч Сергей Валерьевич, студент юридического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Янчук Валерий Александрович, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат экономических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО 3
I. ФИЛОСОФСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОШЛОГО 5
Васильева И.Л. Роль методологического принципа поливариантности в формировании культуры мышления 5
Вашко О.А. Актуальность философской герменевтики в интерпретации истории 7
Воробьева С.В. Историческая память и культурно-национальная безопасность государства (на примере общественно-политических дебатов) 10
Демидов А.Б. Исторические интерпретации и софистика 12
Корзун В.П. Публичная история: меняющийся запрос к профессии историка 15
Кулик С.П. Роль философии и биоэтики в гуманизации образовательной среды медицинского университета 18
Лисов А.Г. Идеологии Лилипутии и Блефуску как варианты интерпретации Пророка Люстрога 20
Малахов Д.В. Феноменология «свидетельства» в исторической памяти о Холокосте 26
Мацевич М.Я., *Валейтенок В.В.* «Чудо» как аргумент власти 29
Мирзаев Дж.З. Формирование идентичности и реинтерпретация истории 32
Орлов В.И. Историческая роль бизнеса и смысл человеческой истории ... 35
Пименов В.Ю. «История ментальностей» Школы «Анналов» в изучении Великой французской революции 37
Слепенков В.А., Цыплин В.Г. Определение культурного кода нации и исторической памяти в контексте современных международных процессов .. 41
Старжинский В.П. Историческая память как объект и инструмент консциентального воздействия 43
Тимофеев Р.В. Влияние идеологической работы в хозяйственных субъектах БССР на сохранение исторической памяти 46
Шепелева В.Б. Историческая память, культурный код нации и требования постнеклассики 48
II. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ 52
Вонсович Л.В. Историческая память как элемент информационных войн и политических манипуляций 52
Грибан И.В., Грибан О.Н. Историческая память в эпоху цифровизации: новые возможности и проблемы сохранения 55

Давлятова Е.В. Современная интерпретация феномена «коллективная память» 60
Далимаева Е.О. Мемориальные войны 63
Казак О.Г. Парадоксы «декоммунизации» в Закарпатской области Украины 66
Комзолов И.Ю. Личность генерала Люциана Желиговского в историографии 69
Косов А.П. Российские политические ток-шоу как инструмент влияния на формирование взглядов общественности по вопросам развития отношений России и США 72
Ксенофонтов В.А. Стратегии информационного противоборства в гибридной войне 76
Липская А.А. Роль информационных технологий в формировании исторической памяти молодежи и культура ее политического мышления ... 79
Півавар М.В. Стан, праблемы і прапановы ў фарміраванні гістарычнай памяці Віцебскага раёна 82
Ткач А.И., Ребеко А.П. Роль информационных технологий в формировании исторической памяти молодежи и культура ее политического мышления 84
Турянская О.Ф., Борисов В.И. Уничтожение исторической памяти на Украине как средство ведения информационных войн 87
Фролов И.В., Кабирова И.А. Компьютерные игры как инструмент информационной войны, искажающий историческую память и политическое сознание молодежи 90
Янчук В.А. Западные ценности как инструмент манипуляции общественным сознанием и вмешательства во внутренние дела других стран 92
III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА, ИДЕОЛОГИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА 95
Адуло Т.И. Историческая память – важнейшая компонента идеологии национального государства 95
Барабанова К.С. Ф. Салманов: первопроходец в исторической памяти нефтяной целины 98
Бородич В.М., Вожгурова О.В. Одна реминисценция. К отношению между личностью и государством 100
Вардомацкий Л.М. Инокультурная языковая интервенция в современный русский язык: формы, способы, риски 103
Вашурин А.Н. Историческая память и этнокультурное многообразие 106
Волошина В.Ю. Проблемы формирования исторической памяти 108
Головач А.А., Дашкевич Е.Р. Историческая память и историческое сознание. Основные подходы к интерпретации понятий 111
Голубев В.А. Толерантность как элемент насилия и политики «двойных стандартов» в современном западноевропейском обществе 113

Дружина Н.Л. Язык, когниция, гендер 117
Игнатович А.Е., Татарчук Е.И. Историческая память о деятельности сотрудников органов внутренних дел в 1945–1953 гг. в советском, современном российском и белорусском кинематографе 120
Канашевич Н.М. Историческая наука и историческая политика: к вопросу о соотношении понятий 122
Купченко К.В., Никитина Н.В. Историография политики уничтожения мирного населения на территории Смоленской области в период нацистской оккупации 1941–1943 годов как отражение исторической памяти 125
Nazriev K.K. Image of political opposition in public consciousness 128
Панченко А.В. Искажение исторической памяти: насилие лжи или как заблудился призрак? 135
Пименов В.Ю. Национальная самоидентификация и образ Родины в контексте современных образовательных практик 138
Рудковская Е.Э. Политическая идентичность в лабиринтах общества постмодерна 141
Рудковский Э.И. Историческая память как охранительный фактор социума 144
Семёнова Л.Н. Отход от общерусского единства в учебных курсах истории Беларуси 147
Чикиндин М.А. Имидж Беларуси: через прошлое в настоящее 150
Шакиров Р.Б., Кабирова И.А. «Имел всегдашнее упражнение о пользе службы, нимало не стараясь о собственной пользе» 153
Якуб А.В. «Асобны атрад»: историческая память и филателия 155
IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ 158
Баньковская Ю.Л. Особенности формирования политического сознания молодежи в условиях сетевизации общества 158
Бобылева Л.И. Формирование духовных ценностей в контексте межкультурного подхода в обучении иностранным языкам 160
Борботько П.В., Янч С.В. Цифровые технологии как инструмент формирования исторической памяти молодежи 163
Величко Г.А. Система ценностей современной молодёжи и особенности её патриотического сознания 166
Воробьева О.И. Роль наружной рекламы в формировании ценностных ориентиров современной молодежи 169
Григорук Э.В. Духовно-нравственное воспитание как основа становления личности школьника 172
Гурщенков П.В., Лаппо Д.А. Особенности политико-правового сознания современной молодежи 174
Далимаева Е.О. Метод проектов в преподавании идеологии 178

Есипова Ю.И., Медвецкая Н.М. Сохранение здоровья студенческой молодежи как ведущий фактор устойчивого развития общества 181
Мусина Н.Е. Молодежь в современном информационном пространстве: проблемы и вызовы 183
Перевалов Я.О. Идейно-воспитательная работа в рамках государственной политики, проводимой в медицинских институтах БССР в период развитого социалистического строительства 1950–1970-х гг. .. 186
Погребняк А.Б. Роль социально-гуманитарных дисциплин в формировании политического мышления и культуры политического поведения 189
Сарычева А.В. Прагма-диалектика ценностных оснований политического мышления современной молодежи 191
Тимофеев Р.В. Воспитание исторической ответственности среди учащихся профильных учебных заведений Белорусской ССР 194
Цыбулько В.В. О воспитании обучающихся в высших военных учебных заведениях на основе воинских традиций и боевого опыта 196
Цыганов О.И., Кабирова И.А. Историческая память современной молодежи 199
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 202

Научное издание

ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ НАСИЛИЕ НАД ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Материалы международной научно-практической конференции

Витебск, 29 октября 2021 г.

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *Л.Р. Жигунова*

Подписано в печать 26.10.2021. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 24,76. Уч.-изд. л. 13,93. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.